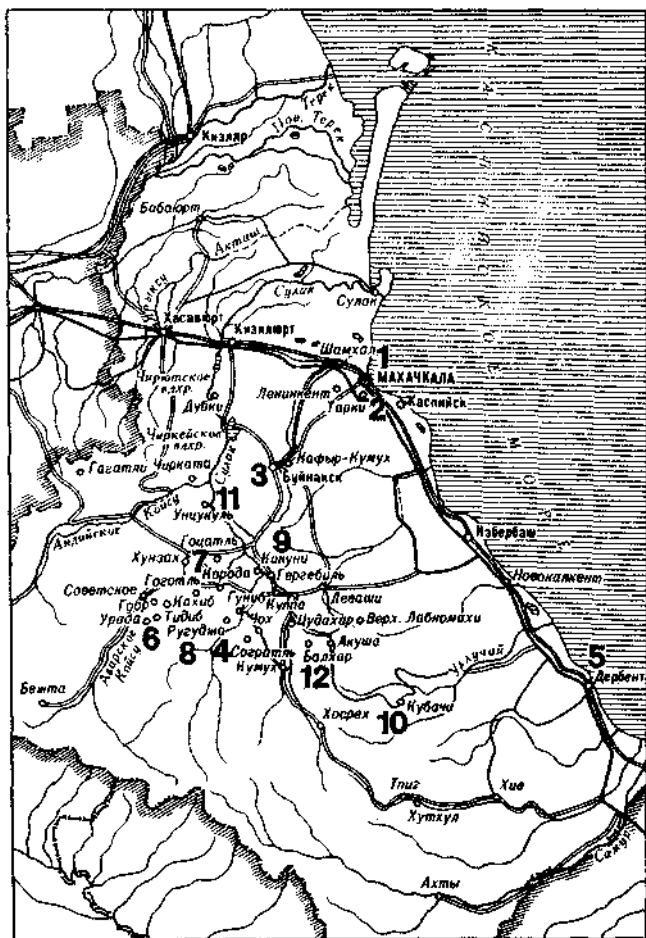

ДОРОГАМИ И ТРОПАМИ ДАГЕСТАНА

1. Махачкала. Памятник
Махачу Дахадаеву.
1984. Скульптор
Х. Н. Аскар-Сарыджа
2. Тарки. Малая мечеть

3. Буйнакск. Каменная
консоль в виде дракона
4. Согратль. Бронзовая
женская статуэтка эпохи
раннего железа

5. Дербент.
Стена Нарын-калы
6. Тидиб. Башня

7. Хотода. Корневой
столб в жилом доме
8. Ругуджа. Рельеф
с петроглифическим
сюжетом

9. Кикунь. Жилые дома
10. Кубачи. Серебряный
кувшин с чернью.
Работа Расула Алиханова

11. Унцукуль.
Мерка для зерна.
Работа Газимагомедова
12. Балхар.
Керамический кувшин

ДОРОГАМИ И ТРОПАМИ ДАГЕСТАНА

В. И. МАРКОВИЧ

МОСКВА
«ИСКУССТВО»
1988

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	7
1. НЕМНОГО О СТРАНЕ	11
Стель. Предгорья (14). Горный Дагестан (17). Языки народов Дагестана (18).	
2. МАХАЧКАЛА. ЭКСКУРСИИ В ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ ДАГЕСТАНА	21
Старый Порт-Петровск (22). Махачкала — столица Дагестана (25). Музеи Махачкалы (31).	
3. ГОРА ТАРКИ-ТАУ	43
Кумыки (43). Тарки (44). Крепость Вурная (57).	
4. РИСУНКИ НА СКАЛАХ. ДРЕВНЯЯ ПЛАСТИКА	59
Скальная живопись в горах (59). Древняя каякентско-харачоевская культура (62). Древняя пластика (64). Пряжки «бежтинского типа» (71).	
5. ВУЙНАКСК. АГАЧКАЛА	72
Дорога в Вуйнакск (72). Темир-Хан-Шура (73). Вуйнакск (75). Агачкала, ее древности (79).	
6. ДЕРБЕНТ	83
Урцеки-Варачан (83). Возникновение Дербента (84). Сасанидское искусство (89). Кавказская Албания (90). Дербент — страницы его летописи (90). Городские ворота (95). Мечети города (101). Цитадель Нарын-кала (103). Кладбища (107).	
7. ПО ГОРАМ И СЕЛЕНИЯМ	108
Аулы Даргинии (109). Страна аварцев (115). Башни (122). Особенности зодчества аварцев и андоцезов (124). Средневековые петроглифы (127). Страна лакцев (131). Южный Дагестан (135). Церковь Датуна (139). Мечети в горах (140). Надгробные стелы и склепы (143). Поездка в Гуниб (148).	

8. АУЛЫ МАСТЕРОВ. ХУДОЖНИКИ	153
Мастера-умельцы (153). Кумух (158). Аварское ювелирное дело (160). Гоцатль (161). Кубачи (161). Унцукуль (178), Балхар (184). Искусство живописи, графики и скульптуры (187).	
ПРИМЕЧАНИЯ	192
БИБЛИОГРАФИЯ	197

От автора

...Есть обычай — всадник не вскакивает в седло около порога сакли. Он должен вывести коня из аула. Наверно, это нужно, чтобы еще раз подумать о том, что он оставляет здесь и что ожидает его в пути...

Расул Гамзатов

Прошло более десяти лет со дня выхода в свет моей книжки «Дорогами и тропами Дагестана». Срок не очень большой, но и за это время многое изменилось в Стране гор. Стали просторнее и шире ее города и селения, вдоль Каспийского моря вытянулись поселки, построенные специально для курортников, любителей водного спорта и путешествий. Дагестан стал страной туризма. Недалек тот день, когда люди будут задумываться над тем, поехать ли отдыхать к Черноморью или в Дагестан, к Каспию — к его голубовато-аквамариновым водам и мелкому желтоватому песочку. И, конечно же, приезжего всегда будут привлекать горы и манить далекие ущелья. Там, среди скальных обрывов, горных склонов и вершин, гнездятся аулы. Каждый из них по-своему красив. Интересны населяющие их люди, труд многих из них граничит с подвигом.

Теперь Дагестан стал доступнее, ближе. Самолет доставит вас из Москвы в Махачкалу, столицу республики, за два с небольшим часа. Возможно, такая быстрота не сразу позволит некоторым приезжим почувствовать местный колорит. И только к концу пребывания в Дагестане они ощутят его. Здесь важно не ограничивать себя только одним трафаретным маршрутом: гостиница — пляж и обратно, на этом пути трудно воспринять что-либо основательно. Походите по музеям, взглянитесь в детали местного быта. Конечно, с одного заезда трудно познать культуру дагестанских народов,

для этого нужны годы. Вот мне и хочется рассказать о Дагестане, хотя бы в беглых очерках поведать об истории, культуре и искусстве местных народов.

Я уроженец Махачкалы. На моих глазах менялось лицо города. Хорошо помню его конца 30-х годов. Холодные норд-осты (моряны) гоняли по улицам тучи песка и пыли, тушили фонари с керосиновыми лампами — небольшая электростанция освещала только центральную часть города. Город был низкорослым, приземистым, и казалось, его домишки вот-вот снесет шквальный ветер. Многие старики именовали город по-прежнему, Порт-Петровск или просто Петровск, и с трудом привыкали к новым названиям улиц по фамилиям и именам местных революционеров: Буйнакская, Маркова, Оскара и другим, вписанным новой жизнью.

Махачкала — портовый город. У причалов в те времена царили грузчики — амбалы. На их спинах лямками был привязан треугольный ящик, в который упирались неимоверные тяжести. С приходом судов появлялись матросы. Подметаа улицы широко расклеванными брюками, они заполняли город, вызывая чувство ревнивого соперничества у городских парней. А по ночам прожектор маяка разрезал световым лучом густую черноту неба над прижавшимися у его подножия постройками. Люди жили замкнуто, группировались по национальностям, отсюда и названия улиц: Персидская (ныне имени Котрова), Армянская (имени Дахадаева), Таркинская (имени 26 Бакинских комиссаров) — на ней жили кумыки. И каждая из них строго хранила свои бытовые традиции. На Персидской улице в ноябре — декабре можно было видеть процессии «Шахсей-вахсей»: полуобнаженные окровавленные мужчины с ритмично повторяющимися воплями били себя цепями и кинжалами. Это мусульмане-шииты истязали себя «в воспоминание» смерти Али (зятя пророка Мухаммеда), происшедшей в 680 году. Таркинская улица оглашалась дробью лезгинки. Мне порой кажется, что в те годы ее выбивали не только от веселья, но и с горя, тоски. И происходили в городе серьезные мальчишечьи драки, в которые иногда вмешивались и взрослые. «Маячники», жившие на горе, у маяка, шли против «степняков» (мальчишек — обитателей Степной улицы, теперь ул. Ермошкина). Нагромождение глинобитных домишек представляла предгорная часть Махачкалы — Гур-Гур-аул. Тут не было улиц, а лишь узкие переулки и тупики.

Центры жизни — базары. Многочисленные фанерные будочки и холщовые навесы окружали подножия двух церквей — Успенской и Александро-Невской. Здесь всегда многоголосая толчея. Продают фрукты и сласти, ткани и оружие, медную посуду и сундуки в пестрой жестяной обивке. Из небольших пристроек раздаются шум и лязг: мастера-ремесленники чеканят и лудят посуду, шлифуют клинки и маленькими молоточками выбивают дробь орнамента по меди и серебру. Рев ослов врывается в шум толпы, с гиком проносятся фаэтоны, снуют мальчишки, нараспев предлагая холодную воду из глиняных кувшинов. И весь этот гам время от времени перекрывают звон церковных колоколов и высокие заунывные глоса муэдзинов.

Но Махачкала тех лет лишь внешне жила старым, давно сложившимся бытом. Новая эпоха постепенно ломала его. На круглых тумбах появлялись иногда афиши о лекциях и докладах, редких выставках и концертах. Городская интеллигенция знала имена дагестанских просветителей и революционеров — Алибека Тахо-Годи, Нажмутдина Самурского, Саида Габиева, историка и инженера Багадур Малачиханова, художника Муэтдина-Араби Джемала, скульптора Хасбулата Аскар-Сарыджу. Именно в те годы впервые вокруг себя собрал горских и русских ребятишек художник-пейзажист и педагог Дмитрий Акиндинович Капаницын. В полный голос звучали тогда яркие басни Гамазата Цадасы, песни Сулеймана Стальского и Абуталиба Гафурова.

В 1931 году Дагестан радостно приветствовал Культсанштурм — специальный поход в горы писателей, художников, учителей и врачей. Его участники не только знакомились с местным населением и его бытовым укладом, они несли в горы знания, создавали в аулах школьные ячейки, своеобразные ликбезы, медицинские пункты, выявляли народные таланты¹. После этого похода началась борьба с бездорожьем. Незадолго до начала Великой Отечественной войны город стал покрываться асфальтом. Исчез Гур-Гур-аул, изменился облик старых улиц и появились новые, названные именами любимых писателей: Пушкинская, Чернышевского, Горького.

Махачкала — город-сад, пронизанный южным солнцем и солончатыми запахами моря; город своеобразного колорита — в этом виноваты его жители, по-восточному темпераментные и шумные, с быстрым переходом

от настроения к настроению. Горы совсем близко подступили к его домам, вобрали в себя перспективу улиц, слились с его красками. В Махачкале появились институты, техникумы, театры, ансамбли. Радио разносит по Стране гор старинные героические песни «ыйры» и задорные, шуточные четверостишия «сарыны», записанные Татамом Мурадовым, и легкая грусть, пронизывающая все мелодии горцев, сквозит в фортепьянных концертах и этюдах Готфрида Гасанова.

Война прервала мирное течение жизни. В 1942 году, когда фашистские войска стремились овладеть Кавказом, и прежде всего бакинской нефтью, Махачкала стала прифронтовым городом. Лучшие ее здания были отданы под госпитали (кинотеатр «Комсомолец», школа № 2 и др.). Улицы, идущие с севера на юг, были перегорожены баррикадами, на подходах к городу вырыты глубокие противотанковые рвы и установлены целые аллеи стальных ежей. В местной газете «Дагестанская правда» появилось воззвание «Ко всем народам Северного Кавказа», подписанное представителями многих его национальностей. Читая его сейчас, испытываешь чувство, будто держишь не газету, а раскаленный лист металла. Это были жгучие слова, обращенные к каждому жителю степей и гор: «Слушайте нас, свободолюбивые народы Северного Кавказа! Наша священная обязанность, наш кровный долг не отдавать Кавказ врагу... На тех наших землях, куда ступила поганая нога врага, не оставляйте врагу ни крошки хлеба, ни одной головы скота, ни одной машины, ни одного литра горючего...» 30 августа на антифашистском митинге народов Дагестана прозвучал призыв, обращенный уже «Ко всем трудящимся Страны гор». Его слова звали на борьбу с врагом: «Подымайтесь все как один против гитлеровской погани!»² Враг не был пропущен.

Прошли военные годы. Но о них по сей день невозможно забыть. Во многих селах появились памятники воинам, погибшим в борьбе с фашизмом. Они занимают самые видные места, напоминая то тяжелое время.

Дагестан, который я предлагаю посетить сейчас, — это новый Дагестан. Но здесь новое настолько плотно переплелось со старым, что их нельзя отделить, не нарушив целого. В поездке по стране нам много раз придется встречаться с самыми разными людьми — историками, художниками, безвестными мастерами-умельцами и людьми, чьи имена, вероятно, вам уже давно знакомы.

1. Немного о стране

Знаете ли, что значит название страны этой Дагестан? Страна гор, потому что точно здесь проходят величайшие горы почти в целом Кавказском крае, придавая тем земле чрезвычайно дикий вид...

Виктор Бурьянов. 1837 г.

В Дагестане бытует сказка о всаднике, который вез народам мира языки. В мешке их было множество. Пересекая горы, споткнулся усталый конь, а мешок случайно зацепился за острую скалу. Вниз по каменным уступам посыпались языки. С тех пор и стали жители Дагестана многоязычными.

Обычно Дагестан называют Страной гор, а эта легенда, вероятно, дала ему второе название: «Страна языков» или «Гора языков». Уже в самом начале X века арабский географ Ибн ал-Факих Абу Бакр Ахмад ибн Мухаммад ибн Исхак ал-Хамадани писал в своей «Книге стран»: «В горах Кабх 72 племени, и каждое племя не понимает говора своих соседей иначе как при содействии переводчика»³. Здесь, правда, почтенный ученый несколько преувеличил количество местных языков, но верна общая картина обилия их для всего Кавказа.

Дагестан, как и в целом Кавказ, издавна привлекал внимание путешественников. Однако их сведения были очень противоречивыми, это нашло отражение прежде всего на географических картах. Для образца возьмем карту «Персии», составленную известным путешественником Адамом Олеарием в 1635—1639 годах. На ней Каспийское море изображено в виде вытянутого прямоугольника. Грузия (Georgia) помещена намного севернее Дагестана, а сам Дагестан узкой полоской вытянулся вдоль моря, но все же известные и по сей день прибрежные населенные пункты — Тарки, Войнак, Дербент —

*Карта «Персии»
с Кавказом из книги
Адама Олеария. XVII в.
Фрагмент*

*Дагестан.
Прикаспийская стена*

в правильном порядке следуют друг за другом. Это вполне понятно. Через них издавна проходила дорога к Ирану и далее в страны Востока. По этой узкой приморской равнине проезжали русские дипломаты во времена Ивана Грозного, по этой же дороге позже, когда и карта Олеария стала раритетом, Андреян Иванович Лопухин вел слона, подаренного иранским шахом Петру I.

Любознательным россиянам хотелось знать, что же делается там, за синей стеной горных хребтов. Познать Дагестан стремились не только русские ученые, но и купцы, ратовавшие за расширение торговли, и военные люди, мечтавшие о приросте пределов империи. Для этой цели изучали восточные рукописи и старые пожелтевшие листы дипломатической переписки. Более смелые на свой страх и риск отправлялись в горы. Приближаясь к их громадам, они заранее писали завещательные

письма. И полной неожиданностью для них было гостеприимство местных жителей. Встречались и такие, как офицер Федор Иванович Гене, который, переодевшись горцем, проник в свиту аварского Нуцал-хана и уже в глубине страны у аула Чох, был опознан как лазутчик. Ему удалось бежать. Позже, в 1833 году, Ф. И. Гене писал, что здесь «почти каждое владение и каждое общество имеет свое наречие и весьма трудно определить, которое из них коренное»⁴. Конечно, культуру и языки Дагестана изучали не такие случайные лица, как Гене. Многие ученые целеустремленно занимались этим. И до сих пор Дагестан — его природа, искусство, бытовые особенности местных народов — продолжает волновать самых различных специалистов. С некоторыми из них мы еще встретимся.

Если ехать в Дагестан с севера, то не сразу появятся горы. Долго будет тянуться степь, уходящая в серозный сумрак далей. Поросшая ярко-зеленым кумарчиком, разнообразными колючками и небольшими деревцами саксаула, тамариска и скумпии, она перемежается обширными участками сыпучих песков, обвеваемых ветрами. Во время буранов ими засыпает поселки как снегом. Здесь нет четких границ между Калмыкией, Ставрополем и Дагестаном. Чуть южнее Южно-Сухокумска начинаются ногайские степи. Пейзаж немного меняется, теперь преобладает полынь, и степь кажется голубоватой с нежной игрой цветовых оттенков. Здесь степи разбиты на обширные квадраты полей, пересечены оросительными каналами и пересыхающими речками. Удивительны эти районы. Весной, к апрелю, неспаханые участки их становятся ярко-красными от множества тюльпанов. И нежными вкрапинками сверкают головки желтых тюльпанчиков. К маю убор степи меняется, теперь он еще более яркий, огненный — цветут маки. Но пробежала весна, и беспощадное солнце иссушило зелень, внеся свои краски и оттенки — от голубовато-серых, полынных, до оранжево-желтых и бурых. Черными шарами гонит ветер кустики перекаченного поля, иссушая землю, звенит в ухах.

Но вот с западной стороны показались невысокие бугры. Они будут понемногу набирать высоту. А с востока продолжается степь, но уже пересеченная овражками и небольшими возвышенностями. Перед нами кумыкские степные районы. Здесь много крупных селений, но все же для местного ландшафта особенно характерны не-

большие хуторки — несколько плоскочершких глинобитных домиков в окружении стройных пирамидальных тополей. Летом в перегретом оранжевом воздухе они мерцают, меняют контуры и, как в растекшейся воде, отражаются в белесых блюдцах солончаков. Мираж, не более.

Степь наполнена звуками и запахами. Особенно остры они ночью. Ничто не мешает их восприятию. Переключаются кузнечики и сверчки, где-то в кустах громко и монотонно, на высоких нотах «кричат» цикады. Курлычет какая-то птица. И нет их ночному говору конца. С бездонностью ночного неба, с мириадами звезд необычно гармонируют ароматы трав: резко-горьковатый полыни, пряный, вкрадчивый мяты, и чем более высыхает она к лету, тем сильнее становится ее запах; но самый благовонный, с едва заметной горчинкой принадлежит чебрецу. И все покрывает душный аромат расплзшихся по степи каперсов, огромные розоватые цветы которых едва белеют в мгlistой темени. Хороша ночь в степи!

Но вот мы подъехали к реке Сулак. Нас окружают опаленные зноем отроги гор. Позади остается здание Чирюртовской ГЭС, а невысокие скалистые гряды уже исчезают из поля зрения. Между их зубцами синее платная даль, там — горный Дагестан, а слева все еще тянется равнина, но ширина ее резко падает, замыкаясь голубизной Каспийского моря.

По мере движения к Махачкале взгляд путника невольно приковывает желтоватое марево, появившееся на фоне гор. Оно растет и растет, приобретая очертания оплывшей пирамиды. Это знаменитая песчаная гора Сары-кум («желтый песок»), западная вершина которой достигает солидной высоты — 250 метров. Здесь ноги утопают в песке, он перекачивается в порывах ветра. Иногда пробежит, закрутив хвостик, характерная для пустынь ящерица-круглоголовка, быстро просеменит ушастый ёж. Растений, дающих тень, здесь почти нет. Не очень-то укроешься от жары. Великолепный пустынный пейзаж Сары-кум с барханами, вметнувшимися к небу и всегда куращимися при порывах ветра, явился фоном кинофильма «Белое солнце пустыни». Тихая лирика и смертельные схватки с басмачами — многие кадры фильма разворачивались здесь. И здесь Павел Луспекаев — артист могучего таланта — пел свои последние песни.

Дагестан. Дюна Сары-кум

Существует много легенд о происхождении этой гигантской дюны, расположенной вдали от моря близ скалистых гор. В них фигурируют и соперники-великаны, один из которых, по имени Арин, пересыпал сюда морской песок, по другой легенде под песком Сары-кум похоронен великан Замти, по третьей — здесь была привязана к столбу Загидат, неверная жена кумторкалинского хана, и затем засыпана песком. Ученые же считают, что Сары-кум появилась в результате столкновения ветров, несших песок с развезаемых речных террас⁵. По составу этот песок отличается от морского. 13 апреля 1978 года территория горы Сары-кум объявлена охраняемым памятником природы.

Но вот степные просторы постепенно переходят в узкую полосу приморской низменности. Она тянется от Махачкалы до устья реки Самур — до границ с Азербайджаном. Здесь берега Каспия окаймлены пляжами и

слегка заболоченными низинами. Полоса приморья то покрыта белоснежными пролысынами солончаков, то ярко-красным растительным покровом. Это солянки, они прекрасно ужились с влажным побережьем и почти вплотную подходят к глади моря. Приморские пески оживляются пушистыми кустами пряно пахнущего гамариска. Сейчас большая часть низменности занята виноградниками, а южнее селения Каякент можно видеть леса с деревьями, перевитыми лианами. Узкая полоса приморья в 5—15 километров шириной, и сейчас еще покрытая курганами, в исторических преданиях получила название Дербентского (Каспийского) прохода. Ее дорогами, доступными пешеходу и коню, еще в древности пользовались племена эпохи бронзы, многочисленные кочевники, по ней двигались русы и арабские миссионеры, татаро-монгольские полчища, средневековые купцы и дипломаты. Здесь шагали солдаты Петра I во время его знаменитого Персидского похода. И именно тут частенько пересекали дорогу путникам войны местных феодалов, требуя дани, в кустах таились разбойные люди.

Самая благодатная часть Дагестана — это предгорья (высота их 1200 м). Изрезанные ущельями, они протянулись вдоль степей, незаметно сливаясь с горной частью страны. Летом склоны гор выгорают, пейзаж приобретает оранжево-желтый оттенок. Тут царствует солнце. Оно играет рефlekсами в сухих кустах татарника, среди зарослей астрагалов и можжевельника, бурым налетом пустынного «загара» окрашивает выходы скал. В предгорных низинах часто встречаются леса — замшелые, тихие, с густым подлеском из терна, боярышника, кизила, а на травянистых лужайках островами поднимаются мощные деревья грецкого ореха.

За предгорьями тянется самая изрезанная горная часть страны. В местной географии даже имеется понятие внутреннего горного Дагестана, так как, в отличие от других районов, здесь много глубоких ущелий с бешено мчащимися реками, труднодоступных плато. И каждое ущелье, малое или большое, обладает своим неповторимым колоритом. Эту часть Дагестана окружают мощные хребты: Боковой, Салатау, Андийский и Гимринский.

Четыре реки — четыре Койсу (Казикумукское, Аварское, Андийское и Каракойсу) со своими притоками сливаются в уже упоминавшуюся реку Сулак, пропиливая грандиозные ложа в белых и розово-палевых

известняках, прослоенных сланцами. Перерезая хребет Салатау, Сулак образует каньон глубиной до 1920 метров и затем вырывается к Каспию. Географ В. Ф. Добрынин сравнивал его по величине и мощности с известным каньоном реки Колорадо. Здесь создано сейчас Чиркейское водохранилище, глубина которого достигает 230 метров. По его глади ходит теплоход, обслуживающий пассажиров. Это море дало возможность создать целую систему оросительных каналов, напоить обожженную степь с такими городами, как Хасавюрт и Кызылюрт. Чиркейская ГЭС электроэнергией снабжает не только Дагестан, но и соседние республики. Работники ГЭС живут в молодом уютном поселке Дубки. Это, очевидно, будущий город.

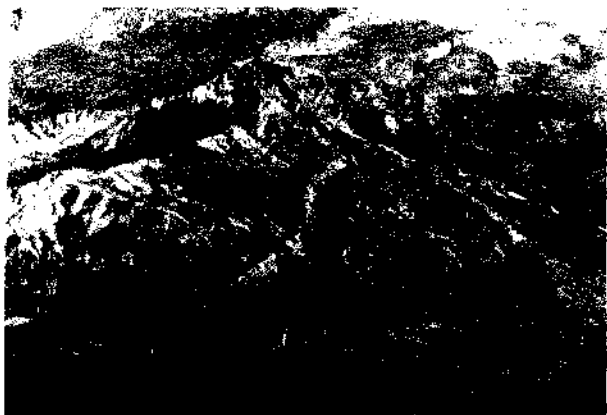
По Главному Кавказскому хребту и отрогам Бокового проходит высокогорная часть Дагестана, а за ними лежат Грузия и Азербайджан. Тут чист и прохладен воздух, и звуки свободно парят над заснеженными массивами гор.

Дагестан — страна множества перевалов. Издавна горцы пользовались ими, пролагая тропы, камнями, обломками и орнаментированными стелами отмечая могилы неудачливых путников.

Население Дагестана составляет три большие языковые семьи-общности: кавказскую, индоевропейскую и тюркскую.

К народностям, говорящим на специфически кавказских языках, относятся аварцы, даргинцы, лезгины и лакцы. Среди них самой крупной народностью являются аварцы. В культурном и языковом отношении близки им андийцы и цезы. На диалектах андийского языка говорят ботлихцы, годоберины, каратинцы, ахвахцы, багулалы (кванадинцы), тиндалы, чамалалы, а цезам, или дидоам, близки хваршины, гинухцы, бежтинцы и гунзебцы. Ученые причисляют их к аваро-андо-цезским народностям. Сейчас эти народы объединяются вокруг аварцев. Даргинцы населяют горные и предгорные районы страны. По языку им близки кайтаги и кубачинцы. Лезгины занимают южную часть Дагестана. На языках, близких лезгинскому, говорят агулы, табасараны, цахуры. Лакцы занимают территорию, расположенную между аварцами, даргинцами и лезгинами.

К тюркоязычным народам относятся ногойцы и кумыки — жители степей и предгорий. В Дербенте живут азербайджанцы. Индоевропейцами по языку являюся

*Андийский хребет.
Вид с перевала Харам*

таты, которые говорят на татском наречии иранского языка.

Каких только мнений не высказывалось по поводу происхождения народов Кавказа, и в частности Дагестана! Так, некоторые ученые считали, что кавказские горцы представляют собой остатки народов, населявших в «доисторические времена» Азию и Европу. По другой теории, «осколки разбитых полчищ» киммерийцев, скифов, сарматов, гуннов и других народностей именно на Кавказе спаслись от полного уничтожения.

Современные языковеды решили сравнить языки дагестанских горцев. Оказалось их родство довольно тесным. Удалось выявить общедагестанские слова, которые уводят в эпоху существования праязыка населения Дагестана, в эпоху, когда у жителей гор уже появились первые домашние животные и культурные растения. По подсчетам лингвистов за одно тысячелетие утрачи-

вается 15 процентов основного словарного состава, так как за это время существенно меняется быт людей и многие слова исчезают за ненадобностью. Вероятно, к средним векам горцы Дагестана уже настолько обособились, что перестали понимать друг друга. Им приходилось прибегать к своеобразным международным языкам: кумыкскому, а в мире ученых-алимов — арабскому и фарсидскому (иранскому). В наше время разноязычное население Дагестана говорит между собой по-русски.

Однако коренные народы Дагестана всегда ощущали свое единство. Они пронесли его через века. И, пожалуй, сказать об этом лучше, чем сказал лакский поэт и музыкант Абуталиб Гафуров, почти невозможно: «Нет, Дагестан — это не просто географическое понятие. У него есть свое лицо, свои желания, своя мечта. Есть общая история, общие горести и радости. Разве боль в одном пальце не касается другого пальца? Есть у нас и такие общие слова, как Октябрь, Ленин, Россия. Эти слова не надо даже переводить на каждый язык. Они понятны и без того...»⁶.

2. Махачкала. Экскурсии в далекое прошлое Дагестана

Ты с парохода видишь каждый раз.
Из Астрахани двигаясь на юг:
Махачкала сияет, словно глаз,
Тарки-гора — как брови полукруг...

Али Калику. 1952 г.

Махачкала сравнительно молодой город, история его начинается в XVIII веке. Во время царствования Петра I уделялось большое внимание русско-персидским отношениям. Россия должна была стать торговым посредником между Европой и Востоком, к тому же южно-русские территории беспокоили своими нападениями кочевые народы, связанные с Персией и Турцией. Особенно страдали от них русские крепости Тарки у устья Терека, Святой Крест на Сулаке, Астрахань.

И вот 13 мая 1722 года Петр I выехал из Москвы в Персидский поход, а уже в июле успешно руководил военными действиями, стремясь «оснаватца на Каспийском море». Жители Дербента, встретив царя, заявили, что «ждут с радостью» освобождения от персов. В итоге по Петербургскому договору 1723 года в вечное владение России перешли города Дербент, Баку и прилежащие к ним земли по Каспийскому морю.

По пути Петра I к Дербенту находился аул Тарки (сейчас в окрестностях Махачкалы). В то время здесь жил кумыкский владетель-шамхал Тарковский Адиль-Гирей. 12 августа 1722 года Петр I остановился лагерем в пяти верстах от резиденции шамхала. На третий день царь отслужил литургию в походной церкви Преображенского полка и положил возле нее камень, то же самое он предложил сделать своим приближенным. Вырос холм на месте будущего Порт-Петровска⁷.

В 1844 году на горе Анджиарка, на месте, называе-

мом «Стан Петра Великого», было воздвигнуто главное ядро города — «обширная и прочная из дикого камня крепость с башнями по углам, амбразурами в высоких стенах и со многими зданиями внутри»⁸, а немного позже неподалеку был построен маяк. Город назвали Петровском, но заселялся он очень медленно. Администрации пришлось даже силой переселять в это место некоторых жителей из Темир-Хан-Шуры — тогдашней столицы Дагестанской области. 24 октября 1857 года было утверждено «положение об управлении портового города Петровска, учреждаемого при Петровской крепости на северо-западном берегу Каспийского моря»⁹. К 1894 году, когда через город прошла линия железной дороги из Владикавказа в Баку, Петровск отстроился. Две белокаменные церкви украсили его. Особенно хорош был величественный Александро-Невский собор. Он стоял у подножия горы Анджиарка, недалеко от маяка. Со стороны моря и с гор собор был хорошо заметен, являясь архитектурным центром города.

Безрадостны описания старого Порт-Петровска. Глубокая провинция, соединившая в себе черты русского захолустья с пестротой и многоголосьем Востока. Местное население и называло город по-своему — «Анджикала» (мучная крепость). Если вы откроете «Дагестанский сборник» за 1904 год и внимательно перечитаете строки, посвященные городу, то узнаете, что в нем имеется 16 улиц, которые освещают 172 керосиновых фонаря, но уже появилась надежда, что их когда-либо заменит электричество: «В конце 1903 г. один электротехник внес в городское управление проект электрического освещения города»¹⁰.

В Петровске этого времени были только начальные учебные заведения, прогимназии, среди них «училище госпожи Пальцевой» и две церковноприходские школы. На разных концах города можно было видеть три православные церкви, одну армянскую, три мечети и две синагоги. В городе мало читали, хотя уже тогда гордостью интеллигенции являлась платная Пушкинская библиотека, книжный фонд которой насчитывал 1159 томов.¹¹ Интересно, что, сохранив свое название, эта библиотека и сейчас существует как республиканская, обладая огромным книжным собранием.

Город был окружен шестью кладбищами и болотами такой величины, что часто малярия принимала «широкие размеры».

*Михичкала. Памятник
Махачу Дахадаеву
на Привокзальной
площади. 1971. Скульптор
Х. Н. Аскар-Сарыджа*

К 1913 году в городе не произошло особых изменений, появилось лишь еще одно среднее учебное заведение. Однако сонная жизнь города — это лишь внешнее впечатление. И здесь, в тесном и приземистом Порт-Петровске, создавались революционные кружки, устраивались маевки и «волнения» доставляли неприятности местным буржуа. Особенно часто бастовали рабочие предприятий Михайлова, типографии, бомбарного завода и «Каспийской мануфактуры». В годы гражданской войны город неоднократно переходил из рук в руки — властвовали в нем различные белогвардейские банды, видел он английских оккупантов. Лишь к весне 1920 года в город вошли части Красной Армии¹².

13 ноября 1920 года в Темир-Хан-Шуре на Чрезвычайном съезде была провозглашена декларация о советской автономии Дагестана. В ней говорилось, что Дагестан «будет пользоваться внутренним самоуправле-

нием, сохраняя братскую связь с народами России»¹³. Немного позже, 14 мая 1921 года, по приказу Дагестанского революционного комитета Петровск был объявлен столицей молодой автономной республики и переименован в Махачкалу в честь видного революционера Махача Дахадаева (1882—1918), казненного белогвардейцами. Сейчас на привокзальной площади поставлен ему конный памятник. Это работа известного дагестанского скульптора Хасбулата Аскар-Сарыджа.

Давно уже вокруг города осушены болота, побеждена малярия. Махачкала строится. Красив город ранним утром. Светит яркое солнце, падают длинные фиолетовые тени от деревьев, свежая прохлада, насыщенная запахами моря, разлита по его широким улицам. Людей еще мало, идут они неторопливо, со степенностью, которая так свойственна махачкалинцам.

Узкой полосой низменности протянулись постройки Махачкалы вдоль Каспия. Прямоугольные кварталы

Махачкала. Памятник поэту Гамзату Цадасе. 1956. Скульптор Х. Н. Аскар-Сарыджа

←

Махачкала. Памятник поэту Сулейману Стальскому. 1947. Скульптор Х. Н. Аскар-Сарыджа

→

пересечены садами и скверами. Там, где сейчас проходит просторная улица-бульвар, носящая имя С. М. Кирова, тянулась пыльная ухабистая дорога с одиночными тузовыми деревьями по ее бокам. Это был путь к Таркам и поворот к Дербенту. Лет сорок тому назад здесь еще можно было видеть караван-сарай — саманные постройки с каменными воротами. На них красовалось высеченное изображение льва с мечом на фоне восходящего солнца — герб Ирана. Караван-сарай принадлежали персам. Сейчас от старого Петровска почти ничего не осталось. Лишь изредка встречаются небольшие дома, сложенные из темного серо-желтого, хорошо подтесанного известняка. Это постройки конца XIX и начала XX века. Многие из них принадлежали шамхалу Тарковскому и его родственникам. Их за приличные деньги сдавали внаем. Свидетелями прошлого являются две постройки по улице Ленина — здание школы № 2, где на-

ходила женская гимназия, и помещение Музыкального училища имени Г. А. Гасанова. Построено оно в «восточном стиле» специально для мечети и медресе. Зданиями XIX века являются прекрасный дом с кариаидами, поддерживающими балконы (угол улиц Горького и Маркова), и здание кинотеатра «Дружба» (на ул. Буйнакской). В нем размещался синаматограф «Шарк», затем переименованный в «Темп». Здесь шли немые фильмы. Здесь же проходили городские собрания и размещался антирелигиозный музей. От прошлого остались кое-где узкие тротуарчики да отдельные дома с нависающими балконами и глухими воротами.

В 20-х годах в Махачкале появились постройки, возведенные в духе конструктивизма. Таковы здание управления Министерства связи (оно стоит на площади Ленина) и целый комплекс «Кузницы кадров», в котором размещается сейчас Сельскохозяйственный институт, — творение известного архитектора И. В. Жолтовского.

В 30-х годах в самом центре города, на Буйнакской улице, на месте торговых подвалов и лабазов была воздвигнута гостиница «Дагестан» (архитектор Г. Гримм). Она хорошо вписывается в городской пейзаж. Широкие плоскости ее пилонов, украшенные ковровым узором, всегда кажутся ярко освещенными. Среди городских зданий часто встречаются постройки, декорированные орнаментальными мотивами. Среди них наиболее красив арочный вход в городской сад. Возле него на круглом гранитном цоколе возвышается прекрасный памятник Владимиру Ильичу Ленину работы скульптора В. В. Кошова. Монумент был установлен в 1930 году и является копией памятника, находящегося в Смоленском. В тени центрального бульвара стоит памятник аварскому поэту Гамзату Цадаса. Это был мужественный и волевой человек. Таким и изобразил его скульптор. В то время, когда в Дагестане кинжалом разрешались самые острые вопросы жизни, Гамзат Цадаса отбросил клинок, его оружием стала поэзия. На берегу Каспия, в приморском сквере, установлен бюст лезгинского ашуга Сулеймана Стальского. Добрая улыбка освещает его лицо. Воспевая новую жизнь, он смотрел на нашу землю как на большой сад и требовал: «Будь верным стражем каждой ветви в твоём саду, ибо нет иного счастья на земле, чем счастье садовника, оберегающего новый сад с невиданными доселе золотыми плодами»¹⁴. Оба памятника созданы Хасбулатом Аскар-Сарыджей.

14 мая 1970 года на территории Дагестана произошло землетрясение небывалой силы. Пострадали многие селения и города республики. Некоторые были превращены в руины. Из разных краев Советского Союза пришла помощь — строительными материалами и, самое главное, людьми. И Махачкала за эти годы сильно изменилась. Она стала многоэтажной, устремилась ввысь, ее серо-коричневый колорит заменили светлые, беловатые тона. Появились здания с широкими фасадами, торжественновеличественные, как здание музыкально-драматического театра, боковые пилоны которого украшены великолепными барельефами, выполненными на плитах желтоватого мрамора. Открытие его, состоявшееся 18 марта 1984 года, превратилось в большой праздник. Проект этого здания принадлежит Х. В. Чхеидзе, а оформление фасада на темы истории театрального искусства и внутренняя отделка выполнены мастерами Художественного фонда Грузии. Напротив находится высотное здание го-

Правый пилон Музыкально-драматического театра в Махачкале. 1984.
Архитектор Х. В. Чхеидзе

стиницы «Ленинград». Несмотря на многоэтажность, оно смотрится легким, воздушным. Строители удачно поставили его среди широкого, просторного сквера. Совершенно иначе выглядит здание национальных театров, что находится в приморском саду. Невысокое, с мощными колоннами, оно словно срослось с землей. Вероятно, формы его навеяны элементами горской архитектуры глубинных районов страны (архитектор Г. Я. Мовчан). Многие здания города украшены фресками, мозаикой (административное здание на площади имени В. И. Ленина), горельефами (магазин «Антика» рядом с гостиницей «Ленинград»). Особенно интересно бронзовое чеканное панно, украшающее общежитие Политехнического института, обращенное к проспекту имени М. И. Калинина. Оно состоит из отдельных картин, отражая становление народного хозяйства Дагестана. Рядом — профильный портрет М. И. Калинина с его высказыва-

*Махачкала. Памятник
героям гражданской
войны. 1980. Скульптор
Г. А. Гейбатов*

нием: «Октябрьская революция в России открыла горцам Дагестана путь к новой жизни». Эту чеканку выполнили Х. Курбанов, З. Рабаданов и О. Омаров к 100-летию со дня рождения М. И. Калинина (1975).

В городе много монументов. О некоторых уже говорилось. Главную площадь столицы, носящую имя В. И. Ленина, украшает памятник, поставленный вождем к 40-летнему юбилею Советской власти в Дагестане (скульптор З. Азгур, архитектор Г. Захаров). Скульптура хорошо увязана с горными далями и простором площади.

В молодом парке, обращенном к проспекту М. И. Калинина, высится огромный белый обелиск (архитектор Г. А. Ганиев). Это памятник «Борцам за власть Советов», он воздвигнут на деньги, собранные молодежью. Основная обелиска украшена литым поясом рельефов на темы гражданской войны. Автор их уже упоминавшийся здесь Х. Аскар-Сарыджа.

Гражданская война на Кавказе неотделима от личности Сергея Мироновича Кирова. С 1909 года он был связан с местными революционными силами, а в 1919 году был одним из активных руководителей разгрома Деникина. Памятник С. М. Кирову возведен на прямой, как по линейке проведенной, улице, носящей его имя. Сергей Миронович, откинув бурку, приветствует Красный Дагестан. Этот памятник, стоящий на золотисто-желтом гранитном цоколе, создан Б. А. Шанаевым, В. А. Тотиевым, Д. А. Цораевым, Ф. З. Махмудовым.

И еще один монумент посвящен героям гражданской войны. Он находится в сквере, неподалеку от площади В. И. Ленина. Молча постойте около него, осмотрите каждую фигуру. Эти люди, как гласит надпись, являясь руководителями местного революционного подполья, были расстреляны врагами Советской власти в 1919 году. Их имена: У. Буйнакский, О. Лещинский, А.-В. Гаджимагомедов, А. Исмаилов, С. Абдул-Гамидов, А. Алиев. Кровью героев омыты и освящены успехи современного Дагестана. Скульптор Г. А. Гейбатов сумел создать в бронзе торжественный гимн погибшим революционерам.

Вечный огонь полыхает возле памятника воинам, павшим в Великую Отечественную войну 1941 — 1945 годов. Он возвышается у входа в Парк культуры и отдыха. Воин в плаще-накидке победным залпом разряжает свой автомат, а к его плечу прильнула скорбящая мать-горянка. Авторы этого памятника А. А. Эмирбеков, Ю. П. Поммер, С. И. Кулев и Р. Е. Степанов, архитектор В. А. Бедеров.

Здесь названы лишь некоторые из монументов, украшающих Махачкалу. Но чтобы оценить жизнь горцев и ее изменения за годы Советской власти, надо хотя бы немного ознакомиться с историей и культурой народов Дагестана.

Сейчас в Дагестане уже почти забыто имя музейного работника — историка Д. М. Павлова. В 1925 году он начал формировать Дагестанский музей. Ему удалось получить коллекции князя Барятинского из бывшего Кавказского военно-исторического музея (Храма Славы) в Тифлисе, собрать множество различных вещей, картин, рисунков, гравюр и литографий. На базе всего собранного им создано сейчас два музея: краеведческий и художественный. Краеведческий музей находится на площади Ленина. Перед его фасадом на постаментах установлены две бронзовые пушки XIX века. В прохладных залах

ощущается тот специфический запах, который имеют старые, отслужившие свой век вещи. Я некогда сам работал в этом музее, и почти каждый экспонат знаком мне с давних пор. У каждой вещи своя жизнь, своя история.

Еще относительно недавно ничего не было известно о находках каменного века в Дагестане. Казалось, что мнение известного ученого, академика Д. Н. Анучина, о позднем заселении Кавказа не может быть опровергнуто. Но это не так. По всему Кавказскому перешейку, в том числе и в Дагестане, уже найдены кремневые орудия глубочайшей древности. Многие из них обнаружены археологом В. Г. Котовичем (местонахождения — Чумусиниц по реке Дарвагчай, Кумрала-када у селения Усиши и др.). Если относительно недавно о новом каменном веке (неолите) можно было судить в основном по случайным находкам из города Буйнакса и Тарнаира (пригород Махачкалы) и из некоторых других мест, то сейчас этот важный период в истории человечества изучен очень фундаментально и на материалах интереснейшей стоянки у села Чох. Находится она на высоте 1700—1800 метров на огромном скалистом плато Турчидаг. Начинал здесь раскопки В. Г. Котович, а завершил их совсем недавно Х. А. Амирханов. Им было обнаружено каменное жилище «в виде неправильного полукруга, края которого упираются в скалу известнякового борта каньона, образованного речкой Багдакули»¹⁵. Стены его были сложены из плотно подогнанных глыб известняка и возвышались до одного метра. Вход был обрамлен двумя рядами крупных, вертикально поставленных плит. Внутри помещения найдены два кострища и круглый, слегка углубленный очаг. Жилье могло иметь несколько наклонную плоскую кровлю, которая опиралась на скалу и наружную стену. Описанная постройка является самым древним памятником архитектуры Дагестана. Изучение культурных остатков Чохской стоянки (изделия из кремня и камня, обломки древнейшей глиняной посуды, обгоревшие зерна и кости животных) позволили не только датировать сделанные находки временем до первой половины VI тысячелетия до н. э., но и восстановить процесс перехода от присваивающего хозяйства (охота и собирательство) к производящему — прежде всего к земледелию. Этому могло способствовать и произрастание на территории Дагестана естественных предков культурных злаков¹⁶. Неолит — это время

возникновения и первичного развития многих черт, свойственных человеческим цивилизациям, — от земледелия и скотоводства до появления навыков, необходимых будущим металлургам.

В музее много витрин, заполненных древней и средневековой керамикой. Здесь и сосуды с округлыми и плоскими днищами, горшки и кувшины, посуда с самым различным орнаментом. Все это разнообразие посуды возникло постепенно. После чохских керамических находок (небольших конических плошек, сосудов с едва намеченным венчиком и покрытых изредка наклепным декором) древнейшей следует считать керамику из поселения Гинчи (возле аула Тидиб). Она покрыта росписью красно-коричневой краской в виде косых решеток, зигзагов и полос. Для Дагестана эта посуда IV тысячелетия до н. э., обнаруженная М. Г. Гаджиевым¹⁷, несколько неожиданна. Ей не найдены пока аналогии внутри Страны гор. Но за Главным Кавказским хребтом по реке Куре цепочкой тянутся поселения, где встречается подобная посуда. Очевидно, из Закавказья и была принесена эта посуда в Дагестан. В свою очередь она указывает на связи Кавказа с передовыми культурами Востока, где роспись являлась излюбленным приемом декорирования керамики. Уже в это время в Дагестане появляется посуда, покрытая густой, шероховатой, можно сказать, рельефной обмазкой. Эта черта местной посуды станет характерной на многие сотни лет. Первые ее образцы были найдены М. Г. Гаджиевым на поселении Гинчи.

В III тысячелетии до н. э. на огромной территории, охватывающей значительную часть Ирана, Турции, Закавказья и Северного Кавказа, жили племена, культуру которых условно называли куро-аракской. Это были скотоводы и земледельцы. Их поселения изучены в южной части Дагестана у селений Каякент, Мамай-Кутан, Великент. Оставленная ими керамика, залощенная до блеска, покрыта ритмично повторяющимся, но не очень симметричным рельефным, порой «рогатым» узором. Пластика (особенно фигурки животных) очень выразительна. Влияние носителей куро-аракской культуры на древние местные племена было очень велико. Очевидно, и обратное воздействие было значительным. Как показали работы Р. М. Мунчаева и М. Г. Гаджиева, и в последующее время отдельные «куро-аракские элементы» все еще были ощутимы в местной культуре. Вероятно,

следы такого воздействия можно усмотреть на древних статуэтках из Дербянта и селения Джемикент.

Уже в глубокой древности были прочно заложены основы общедагестанской архитектуры. И строили древние жители свои дома не в подражание естественным пещерам и гротам, как предполагали некоторые ученые, а исходя из условий гор. В этом отношении особенно важны раскопки, проведенные В. М. Котович в центральной части Дагестана у селения Гуниб. Поселение основали горцы, жившие тут с начала II тысячелетия до н. э. Дома, сложенные из камня, располагались террасообразно один над другим, центральный опорный столб поддерживал их кровлю в виде настила из балок, ветвей и мелких плит. Внутри отдельных комнат обнаружены очаги и лежанки вдоль стен.

Археологические материалы музея позволяют изучить все этапы развития культуры местного населения от древности до позднего средневековья.

Но самые важные экспонаты музея посвящены Кавказской войне, которая длилась с 1818 по 1859 год. Собственно, борьба за Кавказ, в том числе и Дагестан, не прекращалась со времени Персидского похода Петра I. Она велась между Ираном, Турцией и Россией всеми возможными средствами. Царское правительство стремилось привлекать к себе местных владельцев, одаривая их щедрыми подарками и обещаниями. В музее можно видеть грамоту, преподнесенную в 1829 году Николаем I Сурхай-хану аварскому. Она была пожалована ему вместе с чином полковника и саблей, усыпанной драгоценными камнями. В ней сказано, что этим документом поручается ему (Сурхай-хану) «управлять зависящим от Вас частию верноподданного Нам Аварского народа, с кротостию и правосудием...». И выражалась надежда, что хан будет пребывать «в точном исполнении обязанностей своих на долгие времена». На подобные грамоты царское правительство не скупилось. Казалось бы, о какой войне может идти речь, коли почти весь Дагестан добровольно вошел в состав Российской империи. Но вслед за «грамотами и дарами» шли войска, которые возводили большие и малые крепости, появлялась администрация и начинала действовать в полной мере колониальная политика царизма. Стали вспыхивать восстания, вызывавшие кровавые столкновения. Войска безжалостно разоряли и уничтожали отдельные селения горцев. Выступления горцев проходили под религиозны-

ми лозунгами, среди них главнейшим являлся «газават» — борьба с неверными. В данном случае объектом борьбы был царизм, за колониальные устремления которого расплачивался простой русский мужик — солдат, и со стороны горцев в войну были втянуты такие же простые люди, труженники, — жители дагестанских и чеченских аулов¹².

Среди имамов, руководивших борьбой горцев, наиболее известен Шамиль. Он принял на свои плечи основную тяжесть этой далеко не равной борьбы, горечь поражений. В музее хранится его оружие и некоторые вещи. В витрине разложены серебряные ордена, которыми Шамиль отмечал своих героев.

Кавказская война приоткрыла горные ущелья — солдаты и офицеры крепостнической России столкнулись с народами Северного Кавказа и Дагестана. Русским людям жители гор казались свободными, привыкшими к «дикой вольности». В ходе боевых действий трудно было заметить те противоречия, среди которых протекала жизнь горцев. Русские художники и поэты, принимавшие участие в войне, с глубокой симпатией относились к народам Кавказа. М. Ю. Лермонтов писал, обращаясь к Кавказу:

«На севере, в стране тебе чужой,
Я сердцем — твой, всегда и всюду твой!..»

В большой серии монументальных полотен, написанных известными баталистами Ф. А. Рубо, Т. Горшельтом, П. Н. Грузинским, выражено отношение художников и к войне, и к народам Кавказа. Эти картины сейчас находятся в Краеведческом и Художественном музеях Дагестана.

Автор известных панорам — Бородинской и Севастопольской — Франц Алексеевич Рубо (1856—1929) немало время провел на Кавказе.

Серию картин на дагестанские темы открывает его полотно «Вступление Петра I в Тарки в августе 1722 года». У самого берега Каспия собралось население кумыкского аула Тарки. Шамхал в сопровождении старейшин приближается к Петру. Знаменосцы и солдаты окружают императора. Плещется море, предвечерние тени падают от аульских построек. Художник несколько пренебрег исторической правдой: он слишком приблизил Тарки к морю. Эта картина Ф. А. Рубо, как и другие его полотна кавказского цикла, была заказана для Храма Славы — Военно-исторического музея в Тифлисе.

*Ф. А. Рубо. Штурм аула
Ахульго. Панорама
фрагмент.
Республиканский
художественный музей.
Магасгала*

*Т. Горшельт. Пленение
Шамиля в 1859 г.
Республиканский
краеведческий музей
Магасгала*

Самым крупным произведением кавказского цикла Рубо является панорама «Штурм аула Ахульго», посвященная битве 1839 года (находится в Художественном музее). Ахульго, окруженный неприступными скалами, обрывающимися к реке Ашильте, был превращен войсками Шамиля в сильное укрепление. В аул можно было проникнуть только через единственный шаткий деревянный мост, под которым kloкотала и билась река Аварская Койсу. Это место обороняла высокая Сурхаева башня. И именно здесь разгорелась жестокая битва.

В музее экспонируется лишь центральная часть панорамы — битва у моста. Из пропасти пытается вылезти раненый воин Шамиля, а рядом лежат трупы русского солдата и горца. Редкие пучки жухлой травы, пробивающейся сквозь камень, дополняют эту молчаливую сцену смерти, а выше, на фоне синих гор, серо-пепельных скал и бесстрастного голубого неба, идет кровавая

битва — люди рубятся у каждого перекрестка и на крышах домов. Горцам помогают женщины. Ф. А. Рубо не подчеркивает героизма русских, он равно повествует о храбрости и солдат, и местных жителей.

Панорама «Штурм Ахульго» выставлялась в Мюнхене, Париже, Нижнем Новгороде. За эту работу Баварская академия художеств присвоила Ф. А. Рубо звание профессора живописи.

Сейчас другие части панорамы, долгие годы пролежавшие в рулоне, находятся на реставрации. Возможно, она будет восстановлена.

Из других картин кавказского цикла, принадлежащих кисти Ф. А. Рубо и хранящихся в Махачкале, стоит назвать «Штурм аула Гимры в 1832 году», «Взятие аула Салты в 1847 году» и «Переход войск князя Аргутинского-Долгорукого через Кавказский хребет в 1848 году». И эти полотна написаны с блестящим мастерством и не могут оставить зрителя равнодушным. Картины, посвященные Кавказской войне, завершает большое полотно «Пленение Шамиля в 1859 году», которое находится сейчас в Грозном.

Одноименную картину написал другой видный баталист, Теодор Горшельт (1829—1879). На Кавказ приехал он из Мюнхена и провел здесь пять лет (1858—1863). Работал он очень много. К сожалению, его акварели и карандашные зарисовки со сценами горского быта, повседневной жизни солдат и боевых стычек, мало известны. Обычно композиции его работ построены по диагонали, очень хорош их рисунок, но краски полотен условны. Художник увлекался желто-золотистой тональностью. Картина Т. Горшельта «Пленение Шамиля», в отличие от скромного полотна Ф. А. Рубо, более торжественна. Это не просто зарисовка действительного факта, а апофеоз победы князя А. И. Барятинского.

В Художественном музее выставлено полотно «Взятие Гуниба», написанное Петром Николаевичем Грузинским (1837—1892). За эту картину художник был награжден большой золотой медалью. Полотно глубоко реалистично — десятки персонажей картины столкнулись в нечеловеческой схватке, и каждому из действующих лиц дана яркая характеристика. За серию кавказских картин П. Н. Грузинский получил звание академика.

В музеях Махачкалы можно видеть также литографии Г. Г. Гагарина, В. Ф. Тимма. Эти зарисовки, сле-

ланные непосредственно с живой природы, обладают не только большой художественностью, но и подлинностью документов.

Бликий друг М. Ю. Лермонтова князь Г. Г. Гагарин (1810—1893) обладал незаурядным талантом художника. Будучи полковником и флигель-адъютантом при наместнике Кавказа, он свободное время отдавал искусству. Многие его рисунки, известные в литографиях, посвящены Дагестану. В них он выступает как художник-этнограф. Среди его рисунков можно видеть панорамы аулов, переправу вооруженных горцев через реку, сцены танцев и оплакивания умершего. Особенно хорош альбом Г. Г. Гагарина с изображениями кавказских костюмов. Каждый лист альбома — живая, хотя и несколько манерная сценка. Яркими, красочными пятнами акварели оживляются тонкие карандашные зарисовки. На основе изучения альбома можно воссоздать многие детали исчезающего народного костюма.

Г. Г. Гагарин.

Селение Араканы

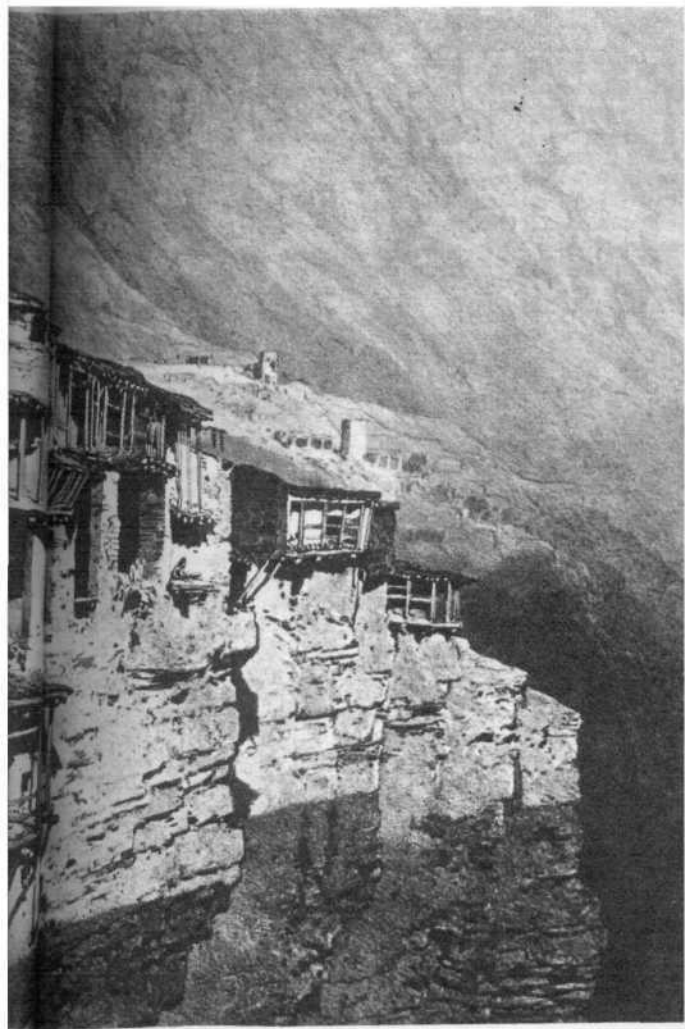
→

Хороши небольшие полотна штабс-капитана И. Н. Занковского (1832—1919). Он любил писать вечерние мотивы, когда уходящие лучи солнца еще играют на скалах, окрашивая их в пурпур, а горные дали уже погружены в холодный вечерний сумрак. Его картины можно видеть в Художественном музее Ставрополя и в Артиллерийском музее Ленинграда.

Махачкалинский художественный музей был открыт в ноябре 1958 года и первоначально размещался в небольшом здании (ул. Маркова, 45). Тогда здесь были экспонированы в основном произведения русских художников. Небольшой зал был отведен работам Евгения Евгеньевича Лансере, в чьем творчестве Дагестан занимал немалое место. И, наконец, можно было видеть произведения некоторых советских художников, в том числе и дагестанских¹⁹. Теснота не позволяла тогда как-либо отразить искусство народных мастеров. Сейчас

музей переехал в новое прекрасное здание. Его посетитель будет приятно удивлен, когда увидит здесь не только произведения известных русских художников (К. Брюллова, И. Айвазовского, И. Шишкина, К. Маковского, И. Левитана, М. Антокольского, В. Серова, В. Сурикова, Л. Бакста, А. Головина и многих других), но и работы западноевропейских художников многих школ, направлений — от средневековья до нашего времени. Прекрасно представлено в музее искусство советских мастеров и местных художников. Очень богаты выставленные в его залах коллекции изделий народных мастеров.

3. Гора Тарки-Тау

Город Тарку есть главный в Дагестане, лежит он высоко в горах и между горами, представляющими крутые, обрывистые скалы.

Адам Олеарий, 1637 г.

Тарки-Тау не очень высокая гора, но она хорошо известна всем народам Дагестана. Это ориентир для путника и моряка. Издали она кажется огромной взметнувшейся окаменевшей волной, и, когда еще не видно городских построек, с радостью ожидаешь, что скоро покажется Махачкала. Тарки-Тау — платовая гора, поверхность ее напоминает слегка неровный прогнутый стол, и только на западе выдается ее лесистая вершина Тик-Тюбе (725 м). Края Тарки-Тау скалистыми обрывами падают вниз, к склонам, поросшим кустарниковым лесом. С плато хорошо видны Махачкала и море.

Тарки-Тау — фон города. Зимой, в солнечный морозный день, когда искрятся запорошенные снегом склоны гор, Махачкала, расцвеченная бликами, кажется прозрачной, а воздух ее — хрустально звонким. В пасмурный дождливый день черная гора наваливается на городские постройки и давит их к земле; лилово-бурыми красками одевает она Махачкалу осенью и ярко-зеленым фоном служит ей ранней весной, а летом желто-оранжевая, словно вобравшая огонь солнца, она иссушает город своим жаром.

Гора Тарки-Тау и город Махачкала расположены на территории с преобладанием кумыкского населения. Интересно его происхождение. Слово «кумык» ученые связывают с названием тюркоязычного народа «кимак», который являлся частью кочевых Половецких племен, известных еще под названием кыпчаков. Кимаки отно-

сидись к западной ветви половцев. Степные пространства между Волгой и Доном кочевники называли Дешт-и-Кыпчак, откуда уже с X века кыпчаки стали проникать в северный — степной и предгорный — Дагестан, который входил тогда в состав Хазарии (об этом государстве мы поговорим немного позже). Кыпчакские пришельцы растворились среди местного дагестанского населения, но передали ему свой тюркский язык. К XIV—XV векам кумыки уже оформились в самостоятельную народность. По своей культуре они не так сильно отличаются от других горцев Дагестана.

На приморских склонах горы Тарки-Тау расположено три кумыкских селения: Алибурикент, Кяхулай и Тарки. Два первых уже почти вошли в черту города, а селение Тарки стало рабочим поселком. Позади Тарки-Тау, там, где выстраиваются цепи невысоких хребтов Нарра-Тюбе и Гинк-Салган, расположен Агачаул, а у речки Черкез-озень — курорт Талги.

Самым древним из них является селение Тарки, скрытое в глубокой лощине горы Тарки-Тау. С Тарками и его окрестностями, известными под названием «Азами», связаны предания, давно исчезнувшие народы, исторические имена.

В середине VII века в северо-восточной части Кавказа сложилось Хазарское государство (каганат). В исторической хронике Михаила Сирийского (1126—1199) рассказывается о появлении хазар. К Танаису (Дону) из черноморских степей пришли три брата. Один из них, Булгар, пошел далее на запад — к Дунаю, где получил земли от римского императора. Их заселили булгары (болгары). Два других брата двинулись на Кавказ, в Берсилию, которая раскинулась от низовий Терека до Дербента. Их народ по имени старшего брата называли хазарами. Но это легенда. На самом деле появлению хазар на Кавказе предшествовали сложнейшие исторические события: распад Западно-Тюркского каганата, сложившегося в VI веке в Центральной Азии, подчинение воле хазар приазовских булгар и т. д. Описание этих событий может занять многие страницы²⁰.

Существует мнение, что культура дагестанских народов, несмотря на вторжение кочевников-хазар, продолжала развиваться, являясь наследницей сложившихся в Дагестане с глубокой древности оседло-земледельческих и ремесленных традиций. Эти факторы в конечном итоге и создали прочную основу для быстрого расцвета Хазар-

Новосток Таври

ского государства²¹. Иначе говоря, культура Дагестана и прилегающих земель, как и более далеких территорий (Крым, левый берег Дона и др.), объединенных к IX веку общим названием Хазарии, была самобытна и развивалась вполне самостоятельно, хотя все эти области подчинялись двум лицам: шаду — «высшему царю» хазар и кагану, который, не обладая политической властью, являлся духовным властелином в государстве. Ему приписывали способность влиять на благополучие страны и на урожайность ее полей. Даже сам верховный царь подходил босиком к золотому трону кагана, держа в руках кусок зажженного дерева, чтобы «очистить» свое брненное тело.

Одной из ранних столиц Хазарии являлся город Семендер, известный с VII века. Место, где стоял этот город, ученые искали в районе Кизляра, на Сулаке и даже между Терекон и Кумой. Существовало мнение, что Се-

мендер (Аземендер) — это не город, а хазарская территория между Тарками (Азами) и селением Эндери (за рекой Сулак). Сейчас большинство ученых считают, что Семендер — это все-таки город и находился он на территории нижней части селения Тарки, где остатки бывших городских кварталов занимали не менее одного километра в длину и опускались вниз по склону горы не менее чем на 700 метров.

Семендер — персидское название, которым пользовались хазары. Оно означает «крайняя дверь», так как город стоял на выходе из гор в степи и за ним в сторону гор простирался Серир — районы внутреннего Дагестана, вероятно, не очень-то зависевшие от хазар. У жителей Кавказа Семендер был известен как Таргу (Таргью) — Тарки, хотя с близким названием в Дагестане имеется еще один пункт (Тарку-Даргу) у реки Гимри-озень.

Арабский географ ал-Балхи (около 850—934) видел в окрестностях Семендера много садов и виноградников. Это был богатый ремесленный город. Здесь вырабатывали хорошие шерстяные ткани. Археолог М. Г. Магомедов в пределах Семендера обнаружил могильник VIII—IX веков, в котором были найдены самые разнообразные украшения и оружие. В Тарках, как и по территории всей бывшей Хазарии, можно собрать коллекции сероглиняной керамики: обломки тарелок, кувшинчиков разных форм, светильников и хумов — огромных сосудов для зерна и всяческой снеди. Правда, посуда хазарского времени красотой орнамента на блещет — линейные и волнообразные пояски, отдельные вмятины и только. Такую керамику хорошо изучила археолог Л. Б. Гмыря.

Семендер, как упоминал ал-Балхи, имел рынки, на которых можно было приобрести даже живой товар — рабов. Другой арабский писатель, Мукаддаси (X в.), оставил краткое описание города: «Домами его служат палатки, жилища семендерцев из дерева, переплетенного камышом; крыши у них остроконечные»²². Здесь, вероятно, упоминаются постройки, которые очень напоминают современные хозяйственные строения кумыков, известные под названием «алачык». Эти цилиндрической формы сооружения, похожие на юрту, плотно сплетенные из жердей, прутьев и соломы, имеют коническую крышу, внутри которой укреплено колесо, надетое на высокую жердь. Алачык снабжен небольшим окном и дверью²³. Такое сопоставление древних и современных построек позволяет сделать предположение, что дагестанские ку-

хьки — жители предгорий — отчасти являются потомками тюркоязычных хазар.

Среди построек Семендера могли возвышаться мечети, так как в 722—723 годах арабский военачальник Джаррах в ответ на хазарские набеги вторгся на территорию Хазарии и взял Семендер. Однако среди его жителей могло быть много христиан и людей, исповедовавших иудаизм.

Город Семендер был укреплен. С западной стороны его окружали отвесы скал горы Тарки-Тау, а по бокам мощные крепостные стены. Северную его стену еще в 1734 году осмотрел путешественник И. Лерхе, а южная еще недавно, спускаясь по склонам, уходила к равнине и пропала среди приморских песков. В юности я видел ее. Она была сложена из крупных, до одного метра высотой, блоков туфа и известняка, с забутовкой мелким камнем между ними. Как предполагает М. Г. Магомедов, стены города отстояли друг от друга на два километра.

После VIII века Семендер постепенно теряет свое значение, так как с появлением арабов в Прикаспии хазары перенесли свою столицу в Итиль, который находился где-то в дельте Волги.

На территории Дагестана во время владычества хазар были построены и другие города. Это Беленджер, остатки которого известны в виде Чирюртовского городища, Варачан (вероятно, городище Урцеки) и другие, безымянные.

История хазар исключительно интересна. Возьмем хотя бы один вопрос: как могло произойти, что хазары, говорившие на тюркском языке (они являлись потомками азиатских гуннов), приняли иудейство? Средневековый еврейский писатель Иехуда Галеви (XII в.) в своей «Хазарской книге» объясняет это видениями, которые якобы заставили хазарского царя принять эту веру. Существует и другая версия. Проповедником иудейства считается еврей-военачальник, служивший у хазар. Жена его, «праведная» Серах, склонила его к религиозному проповедничеству. Он устроил диспут, на котором хазары должны были выбрать понравившееся им вероисповедание. Собрались греки-христиане и арабские знатоки Корана. Диспут окончился победой военачальника. Хазары избрали его своим каганом и дали ему имя Сабриель.

Известный советский историк и археолог М. И. Артамонов считает, что обращение в иудейство «не было единовременным актом», а представляло в действительности «длительный, подчас незаметный процесс», сущность

которого состояла в смешении евреев с туземцами, «а в дальнейшем и обращение в иудейство таких хазар, которые на самом деле по своему происхождению не имели отношения к евреям, тем более что хазарские иудеи ничем, кроме религии, не отличались от других хазар»²⁴. Но окончательно этот вопрос наукой еще не решен.

Иудейство хазар не оставило каких-либо заметных следов в культуре дагестанских горцев. Как видно, это вероисповедание было модным среди хазарских верхов.

В XIII—XIV веках Тарки упоминаются в связи с нашествием монголо-татар и походом Тимура в Золотую Орду и Закавказье. Это было тогда небольшое приморское местечко. В 1466 году тверской купец Афанасий Никитин предпринял «хождение за три моря» — в Индию. Ему пришлось плыть по Хвалынскому морю — Каспию. И под Тарками с ним случилась беда: его корабль был разбит бурей, а товары разграблены местными жителями и уведены даже спутники русского купца. Никитин с жалобой обратился к кайтагскому князю Халил-беку, чтобы он «люди ко мне прислал и товар их собрал, занеже те люди посланы на мое имя»²⁵. Только в Дербенте он встретился со своими людьми.

Как видно, и в дальнейшем побережье в районе Тарков было небезопасным. Грузия просила русское правительство построить здесь крепость. Интересно описание Тарков, оставленное грузинским послом Кириллом (XVI в.): «Изстари город бывал каменный, стоит на горе... и ныне на той горе на самом верху стоит башня каменная. А с одну сторону у той горы... двор шевкалов (шамхала — местного владельца. — В. М.), палаты каменные и избы. Да тут же с одново края позади шевкалова двора башня другая каменная да городище старое. З дву сторон горы стена была каменная... А ниже шевкалова двора, на самом низу мечет каменная... И людям и скоту то место и воды добре здоровы»²⁶.

В этом описании имеется указание на остатки стен, вероятно, еще хазарского времени и какое-то древнее поселение (городище). В те годы, о которых пишет Кирилл, шамхалы лишь заездами жили в Тарках, главной их резиденцией являлся Кази-Кумух, расположенный глубоко в горах. Лишь с Сурхая IV, то есть с 1640 года, шамхалы получают прозвание Тарковских по названию новой столицы — селения Тарки. Сюда же был перенесен своеобразный трон — некое подобие каменного кресла. Вудущих владельцев усаживали на него и «по окончании

*Селение Согратль.
Каменный трон шамхалов.
Снимок 1970 года*

*Город Тарки. Гравюра
из книги Адама Олеария
(издание 1727 г.)*

сей церемонии, — как писал майор Д. И. Тихонов в 1796 году, — уже признан будет от всех народов шамхалом.²⁷

Ныне креслообразный камень, по преданию, связанный с Сурхаем, хранится в высокогорном селении Согратль. Как он попал туда, не известно.

Тарки из века в век привлекали к себе внимание. Русский купец Федор Котов в 1624 году видел здесь «посад невелик и острожек деревянный стоячий»²⁸. В 1636—1638 годах здесь проезжало немецкое (голландское) посольство. Секретарь его Адам Олеарий (Эльшлегер) оставил краткое описание Тарков как «совершенно открытого города», без оборонительных стен, со стремительными ручьями. Упоминает он и длинные саманные залы шамхальского дворца. В его книге есть гравюра с изображением «города» Тарки — в глубокой лощине приютились плоскокрышие домики. Перспектива в гравюре

скомкана. На переднем плане видны паруса кораблей, палатки купцов и кавалькада всадников²⁹.

Незадолго до Персидского похода Петра I (1722) на горе Тарки-Гау высились две башни, в которых жили шамхальские «караульщики» и двадцать русских солдат, присылаемых сюда из крепости Терки, расположенной в дельте Терека. В своем распоряжении они имели две пушки и должны были следить за порядком на дорожных трактах. Подобные сведения сохранились в дорожном журнале А. И. Лопухина, родственника Евдокии — первой жены Петра I.

К концу XVIII века Тарки считались не только столицей, но и крупным приморским городом. В 1796 году академик П. Г. Бутков был принят шамхалом в его резиденции. Вход во дворец вел через ворота, которые возвышались «башнею готического вкуса». Внутренние комнаты украшены были «одними коврами и посудой медною и фарфоровою». Шамхал гордился своим дворцом, особенно главным его залом, ведь «во оной Петр Великий с супругою своею имел обеденный стол»³⁰. Это было во время его Персидского похода.

В Тарках в начале XIX века жило около десяти тысяч жителей, а к середине столетия, когда у самого Каспия начинает расти Порт-Петровск, жизнь в селении замирает. Красочное описание Тарков этого времени можно найти у И. Н. Березина. Воспользуемся им. 23 июля 1842 года начал он поездку по Кавказу в надежде на «неведомые наслаждения» и с опаской «неожиданных книжальных ударов». Иначе говоря, Березин был романтически настроен.

Тарки несколько разочаровали путешественника. Ему чрезвычайно хотелось видеть красоты Востока, а тут малолюдное местечко. «Сакли в Тарху большею частию смазаны из камня с глиной; кровли у всех саклей плоские», — пишет Березин. — Дом шамхала выделялся среди других построек лишь «величиной и тщательной отделкой»³¹. В отличие от сельских построек, в которых не было настоящих окон, лишь небольшие отверстия со ставнями, дворец шамхала освещался «правильно расположенными окнами с рамами и стеклами». У главных ворот находилась тюрьма — яма, выкопанная в земле. На первом дворе, возле навеса над фонтаном, находился каменный трон шамхала, о котором уже говорилось. На втором дворе стояло здание с внутренним фонтаном, здесь шамхал принимал Петра I. И. Н. Березину

удалось получить аудиенцию у жены шамкала Султанат — героини романа А. А. Бестужева-Марлинского «Амалат-Бек». Стройная женщина лет тридцати приняла его в комнате, в которой «пол устлан коврами, на стенах два небольших простых зеркала и маленький лежачий книжкал с шашкой: вот и все!»³².

И. Н. Березин закончил свою прогулку по Таркам, поднявшись на плато. Открывшийся сверху пейзаж его поразило: «С этой страшной высоты взор обегает окружающие горы, живописно волнующиеся одна за другой, скользит по скалям Тарху, представляющимся отсюда в очаровательном беспорядке, и стелется по необъятной равнине моря, сливающейся с далью»³³.

Селение Тарки в старину делилось на три части — нижнюю, выходящую к равнине, среднюю и верхнюю, прикрытую кромкой скал. В нижней части жили зависимые и пришлые люди. В 30—40-х годах XVIII века по настоянию грузинского епископа Иоанна здесь была построена церковь³⁴. Тут же, у подножия горы, издавна существовал еврейский поселок, а ниже его находилось кладбище, которое можно было видеть еще до 1946 года. На замшелых плитах были выбиты семисвечники. Жаль, что оно осталось неизученным.

Наиболее богатой являлась средняя часть аула. Несколько выше и в стороне жил сам шамкал. Это сиятельное лицо не желало жить рядом с обычными смертными, ведь его род, по преданиям, происходил от древних халифов, а царским указом от 21 декабря 1849 года шамкалы были возведены «в княжеское Российской империи достоинство»³⁵.

Наверху, под отвесами скал, находили приют довольно бедные, но вольные кумыкские крестьяне — уздени. Здесь почти не было зданий, сложенных из хорошо отесанного камня.

Сейчас Тарки — рабочий поселок. Теперь здесь уже редкость постройки, сохранившие традиционный плоскокрышный облик. Обычно такие дома двухэтажны. Планировка их довольно симметрична: обязательные застекленные балконы или открытые веранды (лоджии) располагаются в центре здания, а с боков выступает основной массив, имеющий по два окна с каждой стороны. Нижние этажи таких домов использовались для хозяйственных целей, а верхние — под жилье. Дворы аккуратно замощены крупными плитами известняка, и здесь же где-нибудь под навесом помещается печь — корюк,

*Минарет мечети
в верхней части поселка
Тарки*

поставленная на высокие ножки. Тут орудуют женщины. Внутри таркинских домов обычная городская обстановка, лишь обилие ковров является данью старым традициям. Среди них особенно интересны войлочные ковры — арбабаши. Они сделаны по принципу аппликации: в войлоке, служащем фоном, вырезается сквозной узор, и на его место вшиваются точно пригнанные по рисунку орнаментальные вставки из войлока других цветов.

На площади в средней части Тарков стоит большая соборная мечеть (Джума-мечеть). Здесь когда-то читали приказы шамхала, чинили суд и расправу. Цилиндрический минарет высоко взметнулся в небо, его верхушка украшена остроконечной башенкой наподобие ротонды. Вестибюль мечети освещается цветными оконцами. Здесь молящиеся после омовения оставляют обувь, входя в прохладные внутренние покои.

Мечеть сделана очень тщательно. Камни ее прекрасно

*Поселок Тарки.
Купольный родник.
Фотография 1940 г.*

отшлифованы, огромные светлые окна завершаются полукруглыми арками, а над окнами можно видеть множество резных камней. Тут цитаты из Корана, прославляющие аллаха, камень с рисунком корабля. На корабле видны каюты в виде беседок, множество весел опущено в воду. Может быть, это символическое изображение житейского корабля среди волн — превратностей судьбы. Далее плита, на которой высечен город с пятью минаретами, — это стилизованное воспроизведение Мекки — главного центра мусульманства. На одном из камней стоит дата 1312 года хиджры (1894—1895), когда мечеть, очевидно, подновили. Все рельефы расписаны, набор красок невелик — зеленая, голубая, розовая, красная.

В верхней части Тарков находятся еще две мечети, одна из них, построенная в 1238 году хиджры (1822—1823), сейчас почти разрушена, а другая стоит возле

*Стена крепости «Бурной»
Плато Тарки-гау.
Зарисовка автора, 1949 г.*

небольшого кладбища. Ее невысокий шлемовидный минарет едва заметен издали. Эта мечеть обслуживала только верхние кварталы селения. Построена она с большим вкусом и изяществом. В ней нет пестроты и яркости, а каменные рельефы, вложенные в кладку, подчеркивают ее скромную нарядность.

Тарки всегда славились чудесной водой. Еще и сейчас во многих местах стоят каменные колоды, в которые стекает вода из родников. Особенно мощные родники выбивали на небольших площадях. Их резервуары, покрытые каменными куполами, являлись средоточием жизни. Возле них чистили посуду, сушили ковры, здесь по утрам нарядные девушки могли украдкой взглядом и словом перекинуться со своим избранником. К сожалению, сейчас каменное обрамление родников разрушено. Украшенные резьбой, они оживляли однообразие сельских улиц.

Тарки плотно окружены кладбищами, среди них есть и совсем заброшенные и заботливо огороженные. В ложинке, почти рядом с жилыми постройками, находится шамхальское кладбище. Глядя на огромное количество каменных памятников, изукрашенных орнаментом и вязью надписей, невольно удивляешься — сколько же поколений таркинцев покоится здесь!

К Таркам сбежалось много дорог и троп. Но самая живописная и «выдавшая виды» дорога — размытая, в ступенчатых уступах — проходит под скальными навесами, выводя на плато горы Тарки-Тау. Ее называют Русской (Урус ёл). Она была связана с крепостью Буркой, построенной в 1821 году по приказу генерала А. П. Ермолова. Крепость получила свое название, как считает И. Н. Березин, из-за ветров, которые с неистовой свирелью обдували ее. В действительности устрашающие названия крепостей (Грозная, Внезапная и др.) должны были пугать «непокорных» горцев.

За последние годы постройки Бурной были разобраны на камень. А жаль! С ней связано много исторических событий.

И. Н. Березин пишет: «Первая крепостная стена, прикрывающая родник, изгибается под утесом, на котором посажена Бурная: здесь находятся первые ворота, подле которых выстроена башня, и вытекает ключ, снабжающий крепость водой»³⁶, затем у последнего поворота дороги, по его словам, стояла вторая башня и уже на плато — крепость, окруженная стеной, с главными воротами.

Сейчас сохранился лишь наблюдательный пункт крепости. Он устроен в обрыве скалы над селением, укреплен каменной кладкой с вырезанными в ней амбразурами.

22 июня 1827 года в крепость Бурную прибыл Тенгинский полк, в котором несколько позже служил М. Ю. Лермонтов. Кстати, сейчас выяснено, что Михаил Юрьевич побывал во многих местах Дагестана, в том числе и у песчаной горы Сары-кум. Именно в этих местах поэт мог видеть картины, нарисованные им в стихотворении «Сон»:

«Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном».

Однако вернемся в Тарки. В 1831 году на крепость Бурную напал Гази-Мухаммед (Кази-Мулла) — первый

имам Дагестана. Он начал «газават» — священную войну против колонизации края, требуя от народа посвятить всю жизнь безупречной вере и войне. Имам стремился старые горские обычаи заменить шарнатом — мусульманскими законами и своим воинам обещал: «Кто убьет врага или сам погибнет в битве — рай тому награда».

Бой возле Бурной разгорелся жестокий. Солдатам пришлось взорвать пороховой погреб, чтобы отбить штурм. В октябре 1832 года войска генерала Вельяминова стали стягиваться к высокогорному аулу Гимры. Гази-Мухаммед поспешил к родному селению, но удача покинула его. Он был убит, когда выпрыгивал из осажденной башни. Разнеслась весть, что поверженный лежал в позе праведника: одной рукой держался за бороду, а другой указывал на небо.

Тело имама перевезли в Тарки и похоронили у въезда в крепость Бурную³⁷. Каменная стела и сейчас возвышается здесь, только сбито ее навершие. На памятнике — арабская двустрочная надпись: «Памятник имаму, воину, мученику, который Гази-Мухаммед. Пришли неверные, и он в сражении стал мучеником. А высек этот памятник Хаджжи Атак, сын Гирайхана Ал-Кяхулай. 1248 год». Здесь дата дана по мусульманскому летосчислению (хиджры), что равно 1832 году, а памятник сделал мастер из соседнего поселка Кяхулай.

Несколько позже тело Гази-Мухаммеда перевезли в Гимры. Над его могилой выстроили склеп с небольшим навесом у входа и водрузили шест с металлическим навершием. Так всегда отмечали могилы участников газавата. А памятник на плато у Тарков остался поклонным кенотафом.

В 1839 году крепость Бурную упразднили. Гарнизон ее перешел в приморское укрепление Низовое, которое до этого являлось его хозяйственной базой. Оно было окружено валом и рвом, имело двое ворот, вышки по углам, и среди его глинобитных мазанок высилась церковь. Вскоре и оно было срыто.

Сейчас почти нет следов от крепости Бурной. Здесь всегда гуляет ветер. Завывая в кустах, сметает он жухлую траву, каменную крошку, сглаживает надпись на могиле имама, перекатывает пустые винтовочные гильзы — следы боев во время гражданской войны.

4. Рисунки на скалах. Древняя пластика

Если трудно бывает расшифровать письменность на неизвестном языке, то еще труднее проникнуть в содержание и смысл наскальных изображений, в которых роль индивидуального творчества и случайности несоизмеримо выше, чем в самой примитивной письменности.

В. Н. Чернецов, 1964 г.

Стройная гряда зубчатых гор замыкает Махачкалу с северо-запада. Это хребет Нара-Тюбе. Выступая из-за горы Тарки-Тау, он уходит в синюю даль, к реке Сулак. Здесь же, у города, хребет скалистыми вершинами и ущельями подступает к долине реки Шура-озень. И если идти вдоль реки в глубь гор, то можно увидеть нагромождения скал, поросших редкими сосенками и можжевельником. Скальные увалы перемежаются понижениями, покрытыми степной растительностью. Это Калчугайские ущелья. Полная тишина, лишь иногда со скалы посыплются мелкие камушки — значит, пробежала агама, крупная ящерица. Здесь в 1949 году впервые были обнаружены древние рисунки на скалах. Выполнены они в виде своеобразных гравировок или выбиты точечными ударами. Сейчас в предгорной части Дагестана такие изображения найдены от Чирюрта и до Уйташа (к югу от Махачкалы). Наиболее интересные среди них можно видеть в Калчугае, у селения Экибулак, возле города Буйнакса (скалы «Кавалер-Батареи»), сел Нижнее Казаняще, Буглен, Манас-аул и других.

Художники древности для своих рисунков выбирали плоские и ровные отвесы скал с хорошими площадками перед ними. Обычно изображения нанесены на породы с тонкой, мелкозернистой структурой. Таковы местные светлые песчаники и песчаниковые известняки. Несмотря на хрупкость, горные породы, содержащие песок, со временем под влиянием химических изменений и при высо-

*Экибулак. Рисунки
на стенах грота*

кой летней температуре слегка оплавляются, покрываясь тонкой и плотной корой выветривания — «загаром». Чем гуще загар на рисунках, тем, естественно, они древнее. Наиболее старые среди них почти сливаются с фоном.

Скальные рисунки разнообразны. Наиболее часто встречаются изображения животных: олени следуют друг за другом, бежит группа шакалов, горный тур, наклонив бородатую голову, приготовился к обороне, стоит ошетилившийся кабан, насторожилась серна. Реже можно видеть сцены охоты: человек стреляет из массивного лука, иногда сам охотник не изображен, а на животных направлен лишь лук со стрелой; самые уязвимые места на теле животных обозначены точками или черточками. Среди рисунков встречаются «счетные знаки». Так условно называл длинный линейный врез со множеством насечек на нем. Таким способом могли отмечать количество скота, охотничьи трофеи. Можно видеть среди

скальных рисунков и знаки, символизирующие пол людей и животных. Особенно часто встречается знак женского пола (овал с точками). Его принято считать символом плодородия.

На скалах у Манас-аула высечены рисунки двухколесных арб-повозок. Художник не владел перспективным рисунком, и арбы изображены в развороте: в плане показано одно колесо, затем корпус арбы и второе колесо. Подобный рисунок был найден и на плите каменной гробницы в селении Берекей.

Наскальные рисунки не представляют собой хаотического нагромождения фигур, линий, символических знаков. Можно заметить продуманность композиций: фигуры животных образуют живые группы, а в охотничьих сценах четко выделен объект охоты. Даже сотни рисунков на полу гротообразной скальной щели у селения Экибулак, образуя компактные группы, смотрятся ритмически повторяющимися картинками. Интересно, что здесь среди изображений заметны чашевидные углубления со сглавами. Вероятно, их использовали для каких-то ритуальных действий.

Древние художники изображали то, что хорошо знали, только одни оставили линейные, схематические рисунки, а другие пытались передать объем, как бы очерчивая фигуру. Но в любом случае древние рисовальщики с огромным мастерством умели подчеркнуть наиболее характерные особенности натуры: степенность оленя, яркость шакалов, свирепую тупость кабана, монументальность в облике тура.

Изысканство контуров (линия то сходит на нет, то утолщается), умелое расположение рисунков на скальной поверхности, часто в два-три ряда, создают впечатление внутренней силы скупого графического рассказа. Мы должны признать у древних художников прекрасное чувство меры, которое делает рисунок произведением искусства.

На скалах изображали лишь крупных животных, сцены охоты, пастухов со стадами, знаки плодородия, фигуры людей. Здесь нет тех животных, которые бы практически не интересовали людей. Можно думать, что места со скальными рисунками являлись святилищами, где люди, молясь, наносили новые и новые изображения с надеждой магически способствовать успеху в охоте, увеличить поголовье домашних и диких животных, иногда фиксировали на скалах важные события жизни — под-

виги соплеменников, перемирия и т. д. Рисунки арб могли являться благопожеланиями путешествующим, если даже они отправлялись в загробный мир. Несомненно, такие святилища глубоко почитались³⁸.

К какому же времени могут относиться наскальные гравировки? Это вопрос не легкий. Отдельные находки кремневых, так называемых ножевидных пластин (трапециевидного сечения, с острыми краями), найденных под некоторыми скалами с рисунками (Уйташ, Экибулак), позволяют думать, что самые черные, «загоревшие» рисунки могли быть нанесены в эпохи, далекие от появления металла. Может быть, в неолите. Но основная масса рисунков относится к эпохе бронзы. В 1980 году в Капчугае возле самой большой скалы с целой картинной галереей — сценами охоты, шествием животных, рисунком лабиринта и массой других — были проведены раскопки. Были найдены остатки каменных прямоугольных строений с очагами. Огонь в них поддерживался очень долгое время, раскоп был весь заполнен золистой почвой. Здесь найдены кремневый наконечник стрелы с выемкой у основания, обломки ладьевидных зернотерок и очень много керамики. Обломки ее относились к разным этапам эпохи бронзы. Преобладали части сосудов ручной лепки с маленькими неустойчивыми днищами, круглыми выпуклыми боками и сильно отвернутыми венчиками. Шейка такого горшка тщательно заглажена, а тулово вплоть до дна покрыто грубой обмазкой. Орнамент несложен: выпуклый валик с неглубокими насечками отделяет гладкую часть от шероховатой. Такая посуда характерна для конца II тысячелетия до н. э. В это время в Дагестане жили племена, культуру которых условно называют каякентско-харачоевской. Название это дано по двум могильникам — у селений Каякент в Дагестане и Харачой в Чечне. Местное население занималось тогда земледелием, скотоводством и охотой, оно умело плавить бронзу, изготавливая из золотистого металла и оружие и украшения.

Более ранняя керамика из Капчугае покрыта лощением. Вот этот археологический материал позволяет считать, что все II тысячелетие до н. э. местные скалы служили полотнищами для работы художников. Не исключено, что некоторые из рисунков обладают еще более глубокой древностью.

Находки древних рисунков в предгорьях дали толчок для поисков их в высокогорных районах Дагестана. Впер-

вые наскальные рисунки близ аула Чирката обнаружил большой знаток местных древностей Магомед Исакович Исаков. Теперь уже известно довольно много таких местонахождений. В отличие от предгорий, здесь рисунки выполнены краской — охрами разных оттенков. Этот минеральный краситель, напоминающий глину, легко соединяется с жиром, и «масляная краска» — готова. Изучением таких писаниц долгие годы занималась Валентина Михайловна Котович. Интересны древние рисунки, обнаруженные у лакского аула Кара. Здесь, среди альпийских лугов, на откосах скал и в нишах можно видеть изображения оленей с ветвистыми рогами, туров и козлов. Огромный массив горы Турчидаг, протянувшийся от Гуниба до лакских районов, оказался излюбленным местом, где древние люди оставляли свои рисунки. На южной окраине плато у селения Варай помимо сцен с дикими и домашними животными обнаружены знаки, обрамленные рамками. Что они означают, пока не очень ясно. В другом пункте, у селения Ругуджа, найдены сцены с всадниками, фигуры помещены среди солнечных (солнечных) знаков. Среди изображений, обнаруженных у селения Согратль, можно видеть контурный рисунок «зубра», но почему-то с когтистыми лапами. Подобные изображения при определенной доле фантазии можно интерпретировать очень вольно. Я за минимальное фантазирование в таких случаях.

В. М. Котович древнейшие рисунки среди писаниц склонна датировать мезолитом — средним этапом в развитии каменного века³⁹. Однако какие-либо предметы этого времени под рисунками пока не найдены, но достаточно древний возраст местных изображений не вызывает сомнений. Главное то, что здесь, в глубинах горного Дагестана, где горы соседствуют с облаками и словно поддерживают небосвод, уже на ранних этапах развития местных культур древние жители знали искусство. Они умели точно передать характер животных и населяли реальный, видимый мир религиозно-мистическими символами.

Уже говорилось, что традиция наносить на скалы рисунки не ограничилась только глубокой древностью. Среди изображений, покрытых легким «загаром», можно видеть фигуры животных, выполненные в так называемом скифском «зверином стиле». Известно, что в VII веке до н.э. ираноязычные племена скифов начали совершать походы в Ассирию, Урарту, Мидию. Шли они через Кав-

каз. Это были довольно воинственные племена, хорошо известные и как искусные резчики и мастера художественного литья. Их изделия украшены изображениями сильных и быстрых животных, стилизация которых иногда доведена до орнаментальности. Несомненно, скифы вкладывали определенный смысл в сцены «терзания зверей», шествия животных, в фигуры свернувшихся хищников и крылатых грифонов. Ученые пытаются раскрыть значение подобных сюжетов. В Дагестане найдено два места с необычными для страны наскальными изображениями.

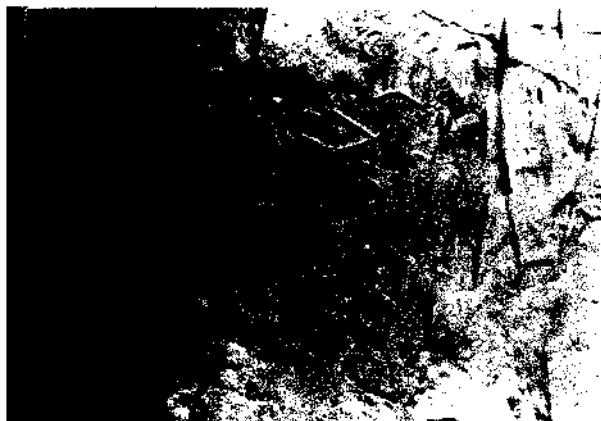
У селения Ленинкент недалеко от пруда, поросшего запыленными акациями, возвышается скала. На ней четко видны фигуры оленей. Верхние фигуры этой группы сделаны схематично, а нижние — тонко реалистически. Олени бегут галопом, у них отмечены изгибы ног, хорошо прорисованы характерные очертания ветвистых рогов. Изображения выполнены острым орудием, возможно ножом. Рисунок рогов и ног бегущих животных взят из скифского искусства, «импрессионистичного» при всей его монументальности. Эти рисунки, очевидно, оставил горский художник, но он видел предметы скифского мастерства, и ему хотелось создать нечто подобное.

Второй пункт находится в глубине гор, у даргинского селения Верхнее Лабко-Махи. Здесь В. М. Котович обнаружила сцену бега оленей и ланей, выполненную в скифском стиле. Эти рисунки еще больше подражают манере скифов. В фигурах животных заметна орнаментальная стилизация, художник хорошо владел мягкой, плавной линией. Рисунки относятся к VI—V векам до н. э.

Скалы всегда привлекали путников. Вот и сарматы — другой ираноязычный народ, родственник скифам, — не прошли мимо них. В окрестностях селения Уйташ почти на равнине vzdыбились массивы песчаника. И среди обычных для предгорий наскальных рисунков неожиданно была найдена типичная сарматская тамга (родовой знак), какие в большом количестве встречаются в различных пунктах Причерноморья, где в античное время греки и сарматы были соседями. Эта трехчленная тамга — еще одно неоспоримое подтверждение того, что сарматы в первые века нашей эры пытались проникнуть в Дагестан.

Но не только наскальными рисунками исчерпывается художественное творчество древних дагестайцев. Они оставили интересные образцы пластики. Это каменные

*Уйташ. Сарматская тамга,
выбитая на скале*

статуи, найденные у поселка Дагестанские Огни и у селений Экибулак и Каякент. Подобная скульптура пока еще плохо изучена, а вот мелкая бронзовая пластика известна значительно лучше. В конце XIX века в продажу поступали даже подделки ее, выполненные неряшливо и из плохого металла.

Впервые бронзовые миниатюрные фигурки людей и животных были найдены в 1867 году где-то высоко в горах, на границе между Чечней и Дагестаном. Их привезли горцы прекрасному знатоку края А. П. Ипполитову, и он решил, что имеет дело «с весьма грубым подражанием божествам мифологии греческой»⁴⁰, хотя стоило бы задуматься, как же они могли попасть в горы Северо-Восточного Кавказа. Затем о подобных находках все чаще и чаще стали появляться сообщения в печати.

В 1882 году академик Д. Н. Анучин на вершине горы Зуберха близ аула Гергебиль нашел бронзовые подвески

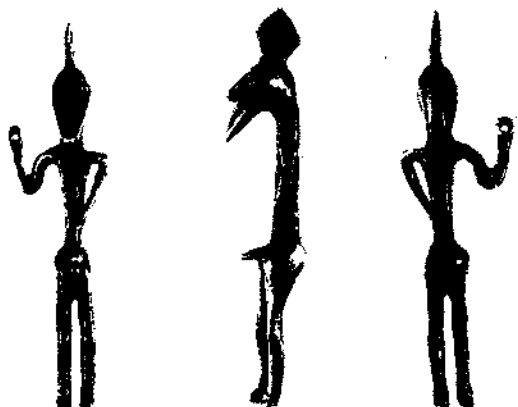

*Селение Гагатль.
Бронзовая статуэтка
жеребенка эпохи раннего
железа. Республиканский
краеведческий музей.
Махачкала*

в виде головок оленей и быков, а немного позже штаб-капитан Кузьминский, развлекаясь, произвел раскопки у селения Ботлих. Им были найдены, как писала газета «Кавказ», «медные идолы наподобие игрушек числом около пятидесяти. Между ними есть олень, коза, мужчины и женщины». Появилась мода на коллекционирование подобных «истуканов». Газета «Новое время» предостерегала, что так могут исчезнуть предметы, ценные для изучения истории края.

Бронзовое литье, найденное в Дагестане, относится в основном к VIII—V векам до н. э. Древние скульпторы-литейщики с большим мастерством изображали животных и людей.

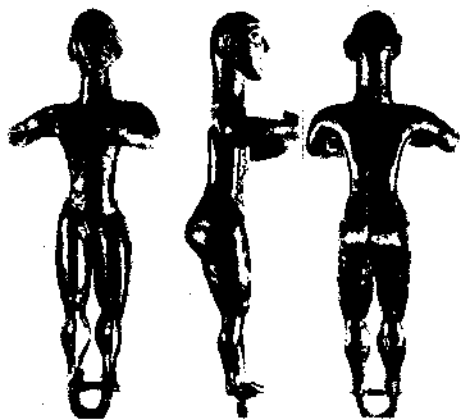
В животных они умели подчеркнуть характерные для них формы тела, выделить наиболее броские детали и делали это с теплотой, любовью, хорошо зная повадки своих моделей. В Дагестанском музее хранится скульптура

*Селение Зибиркала.
Бронзовая статуэтка
эпохи раннего железа.
Республиканский
краеведческий музей.
Махачкала*

жеребенка (она найдена близ Гагатля). Художник с огромным мастерством передал стройную фигуру животного: с любовью изобразил узкое тело, длинные голенастые ножки, коротко подстриженную гриву, поджатый хвост и слегка отвисшую нижнюю губу — жеребенок дремлет, даже глаза у него полузакрыты. В статуэтке горного козла рога закинута за спину, уши прижаты, он стремителен в своей позе. Совершенно иным, тупым и покорным, изображен бык с веревкой на шее. У статуэток ноги сведены вместе, очевидно, они служили навершиями каких-то штандартов.

Иначе, более условно, древние мастера изображали людей. Многие из фигурок приземисты, у них крупные головы, а руки с огромными ладонями подняты вверх. Эти фигуры, часто без признаков пола, изображены в позе моления — адорации. Другая группа статуэток не менее схематична, но в них подчеркнуты мужские и жен-

Селение Согратль, гора Хурцы-Гаал. Бронзовая женская статуэтка эпохи раннего железа. Республиканский краеведческий музей. Махачкала

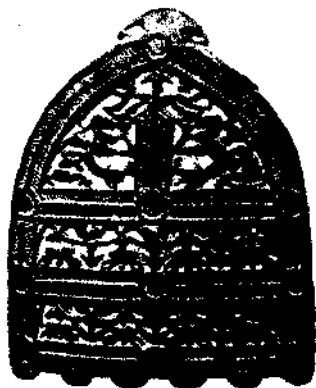
ские признаки, а рукам уделено меньше внимания. И позы у них иные — руки или положены на бедра, или одна слегка приподнята, лишь женские фигуры иногда прижимают к груди конический сосуд. Несмотря на разнообразие статуэток, изображающих людей, они близки между собой стилистическими деталями: веки глаз всегда изображены выпуклыми, словно припухшими, губы оформлены в виде рельефных валиков, массивен или заострен подбородок, тонкое длинное тело резко переходит в бедра. И среди этих статуэток встречаются иногда настоящие шедевры. Вот статуэтка, найденная на горе Хурцы-Гаал у Согратля. Сильная и прекрасная в своей обнаженности женщина прижимает руки к груди. Эта дагестанская Венера обладает всеми канонами горской красоты, у нее длинная шея, небольшие конические груди, хорошо развитые ноги и руки. Ее отливал мастер, знавший, что удел горской женщины — прежде всего

труд. Прямой нос, большие глаза и приятной формы губы дополняют облик статуэтки. В ушах видны дырочки (они сделаны для сережек), затылок побрит, лишь небольшая челка украшает лоб да вдоль висков спадают волосы. Пусть не удивит вас такая прическа; еще совсем недавно аварские женщины некоторых аулов, выходя замуж, брили головы.

Обычно такие статуэтки находят на вершинах гор. В 1937 году археолог А. П. Круглов предпринял раскопки святилища на высокой горе, нависшей над ущельем, на дне которого лежит аул Тлибиш. Раскопки позволили обнаружить остатки какого-то каменного сооружения и массу углей. Среди них лежали статуэтки людей, козла и склепанные из железа трезубцы. Как видно, здесь приносили жертвы, и жрецы, манипулируя трезубцами, молились о плодородии скота и о даровании урожайности крохотным полям, что террасами окружают аулы.

В 1977 году Омар Маллаевич Давудов раскопал не менее интересное святилище у селения Хосрех. Здесь было найдено квадратное в плане сооружение из речных гальшеш (8 × 8 м), ориентированное стенами по странам света. Внутри него выложен круг с «алтарем» из каменного блока. В этой постройке обнаружены тайнички, заполненные землей с угольками. Помимо костей животных здесь находились железный кинжал (акинак), множество бронзовых украшений, детали конской упряжки и три бронзовые фигурки: оленя с мощными рогами, быка и «близнецов» — так можно назвать два мужских изображения, стоящих в рост⁴¹ (они соприкасаются локтями приподнятых рук). Культовый характер и фигурок, и самого сооружения в Хосрехе не вызывает сомнений. Здесь приносили жертвы и возлагали дары — оружие и украшения. Схожие святилища обнаружены в Грузии К. Н. Пичхелаури.

Описанная пластика была широко распространена не только по Кавказу. Известны ее находки в Греции, Италии, Испании, Австрии, на островах Эгейского бассейна, в Малой и Передней Азии и в других странах. Нельзя думать, что такую огромную территорию зажимало близкое по происхождению население. В древности, как и в наше время, бытовали обширные регионы со сходными верованиями. Они и породили сходные по конструкции святилища (храмы), культовые предметы, в том числе и пластику. Можно думать, что религиозные представления, в которых большую роль играла миниатюрная

*Бронзовая бляха
«бежтинского типа».
Найдена в 1921 г.
на Аваро-Кахетинской
дороге. Республиканский
краеведческий музей.
Махачкала*

скульптура, имели своих фанатически настроенных почитателей, свою иерархию с верховными жрецами во главе и, несомненно, сомневающимися скептиков. Первые стремились все делать «по вере», вторые могли порой отступать от канонов, диктуемых верованиями. Обнаженность людских фигурок, подчеркнутые признаки пола позволяют предполагать, что древние верования не лишены были элементов эротики. Судя по текстам Библии, «идолы», подобные найденным на Кавказе, хранились в каждой семье и пользовались огромным уважением, их одевали, старались им угодить. Идолов делали из дерева, камня и кости. Они изображали не только людей, но и то, «что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в водах ниже земли» (Второзаконие 5, 8), то есть — животный мир. И библейские пророки, проповедуя единобожие, требовали, чтобы уничтожались все места, где устраивали моления им, — «на высоких горах, и на хол-

ях, и под всяким ветвистым деревом» (Второзаконие, 5,8; 12,2).

Мастера художественного литья в древнем Дагестане помимо статуэток отливали всевозможные украшения. Среди них наиболее красивы огромные поясные пряжки. С первого взгляда кажется, что они декорированы сложным прорезным орнаментом, но взглядишься — и среди узорочья выступают симметрично расположенные (в геральдических позах) лошади, устало падающие на колени, а над их шеей помещены изможденные жеребята. Этой главной изобразительной теме подчинен остальной декор, состоящий из медвежьих и турьих голов. Особенно много подобных пряжек найдено в окрестностях аула Бежта, и их часто так и называют «пряжками бежтинского типа». Стилистически они очень близки уже знакомым нам литым фигуркам, вероятно, их отливали в то же время. Однако и в средние века пряжки продолжали высоко цениться жителями гор, вот почему их находят иногда и в средневековых могилах. Сейчас уже установлен их подлинный возраст и даже некоторая доля скифского влияния в создании этих произведений самобытного дагестанского «звериного стиля».

Пряжки «бежтинского типа» входят в коллекции многих музеев, в 1970 году экспонировались они среди других предметов искусства Дагестана в Варшаве.

Сложны пути развития искусства Дагестана, и без знания его истоков многое не понять в современном творчестве его народов.

5. Буйнакск. Агачкала

Путь, который направляется в центральную часть горного Дагестана, неизбежно попадает сначала в Буйнакск. Город этот называют «Воротами в горы».

Булач Гаджиев. 1966 г.

Серое полотно шоссе убегает вдаль мимо виноградников, упираясь в зубчатые нагромождения гор. Справа показались белые домики селения Ленинкент с небольшим прудом на окраине. Если побродить по его окрестностям, то можно увидеть интересные группы скал с древними рисунками.

Дорога подошла вплотную к горам и теперь петляет между громад песчаника, поднимаясь все выше. С ее верхних извивов можно видеть уже пройденные витки шоссе. В самом опасном месте, теперь значительно расширенном и укрепленном опорными стенами, долгие годы стоит небольшой обелиск. Буквы на нем стерлись, выпали куски, но надпись можно разобрать: «Шоссе сооружено с 1864 г. по 1869 г. при его императорском высочестве главнокомандующем армией государе великом князе Михаиле Николаевиче, при командующем войсками генерал-адъютанте князе Меликове, начальнике управления путей сообщения Кавказа инженере генерал-майоре Бликса, начальнике работ инженере статском советнике Бениславском, разработка полотна произведена жителями Верхнего Дагестана по наряду. Производителем работ был инженер коллежский асессор Вилинский. Мастер 1871-го г. Спиров».

Итак, это шоссе было построено более ста лет тому назад. В это время по всему Дагестану разрабатывали главные дороги и мосты. Сейчас известны только фамилии создавших их инженеров. Георгиевский (Салтынский)

мост у Гунгиба, сохранившийся в основном и сейчас, построен в 1865—1866 годах Бетулинским, мост у Кафыр-Кумуха (1870—1873) — уже знакомым нам Балинским, а у Хаджал-Махи — Винчем (1860). И каждый из этих мостов смотрится величественным архитектурным сооружением. Думаю, что до сих пор дагестанцы, спокойно переходя через бурные реки своей страны, с благодарностью поминуют их строителей, целыми селениями выходивших на дорожные работы.

Наш автобус подошел к перевалу Атлы-Боюн. Позади остались Прикаспийская низменность с утопающими в серой дымке постройками Махачкалы. Впереди долина Кар-Кар, теперь уже распахиваемая, а раньше безводная, являвшаяся пристанищем змей и скорпионов.

Кумыкские селения Кафыр-Кумух и Халимбек-аул неожиданно появляются из-за бугров. Они славятся вишневыми и черешневыми садами. Весной аромат цветущих деревьев разносится далеко по течению Шура-озень.

Массивная скала желтого песчаника возвышается в селении Кафыр-Кумух. Еще недавно на ней можно было видеть развалины дворца шамхала Тарковского. Здесь его бесчинства не знали предела. Обласканный русскими царями, в своих владениях он был всемогущим монархом.

Само название Кафыр-Кумух по-русски звучит как «Кумух неверных», в отличие от Кази-Кумуха — самого крупного селения лакцев, которое переводится как «Святой Кумух». Говорят, что во время нашествия арабов жители Карт-Урума не захотели принять ислам и аул получил кличку «кяфира» — неверного, а Кази-Кумух, как оплот мусульманства, почетную приставку «кази».

Но вот оказался Буйнакск.

Темир-Хан-Шура — таково старое название города. Его можно перевести и как «Скала хана Темира», и как «Озеро хана Темира». Озеро, находившееся в черте города, осушили в 1854 году, а скалы громоздятся по берегу Шура-озень. По преданию, здесь находилось становище среднеазиатского властелина Тамерлана. В 1396 году, возвращаясь из неудачного похода на Русь, он по пути вторгся в присулакскую часть Дагестана.

В XVI веке через поселок Шуру шла аваро-кахетинская дорога в Грузию, и ею пользовались грузинские и русские послы. В посольских бумагах сохранилось имя «узденя шевкалова Темирхана», который держал десять конников для разъездов. Может быть, от имени этого

подвластного шамхалу горца и идет название аула Темир-Хан-Шура.

В 1820 году в Темир-Хан-Шуре было всего сто шестьдесят дворов, но ее расположение на стыке ущелий и дорог заставило царскую администрацию задуматься над устройством здесь «поста» или «крепости». И крепость возникла. В 1833 году по инициативе полковника Ф. К. Клюки фон Клюгенау началось ее строительство. Основное ядро крепостных построек выросло вокруг Тамерлановых скал, которые получили название «Кавалер-Батарей». Здесь находились главные артиллерийские орудия. 30 марта 1834 года крепость по высочайшему указанию была заселена Куринским егерским полком. Как пишет историк города Е. И. Козубский, «вскоре после того прибытие значительного числа семейных солдат и стечение людей торгового сословия заставило раздвинуть пространство под поселение пристройкою с южной стороны форштадта, в котором тотчас появились домики семейных офицеров и солдат — турлучные и из сырцового кирпича, с плоскими земляными крышами»⁴². Построили русскую и армянскую церкви, а вокруг площади появились лавки и духаны. «Для общественных гульбищ был разведен сад и обсажена тополями аллея». Стал возникать город. Строился он трудами и потом солдат — «они и лес рубили, и возили его с ближайших гор, и камень ломали, и кирпич делали, и известь приготавливали, и сами же были плотниками, каменщиками и малярами». И все это «обходилось неизмеримо дешево». А у господ офицеров появились «и собрания, и балы, и вист, и бильярд, и даже театр»⁴³.

Город Темир-Хан-Шура — «довольно обширное, но мало изящное местечко»⁴⁴ — находился в центре всех событий Кавказской войны: осада его войсками Шамиля в 1844 году, налет конников Хаджи-Мурата в 1849 году, парады войск и «дикования» по поводу «дарованных» побед, приезд плененного Шамиля с семейством и конвоирующей его свитой. Город — центр Дагестанской области с 1860 года — привлекал всеобщее внимание. В нем побывали поэты и писатели А. И. Полежаев, А. А. Бестужев-Марлинский, художники Ф. А. Рубо, Т. Горшельт, И. К. Айвазовский, Н. А. Ярошенко, хирург Н. И. Пирогов. Путешествуя по Дагестану, заезжал в Темир-Хан-Шуру и знаменитый Александр Дюма — автор «Трех мушкетеров». В 1858 году он совершил небольшое путешествие по Дагестану, мечтая написать ро-

ман о Шамиле. Страна поразила его «величием природы». В Темир-Хан-Шуре Дюма останавливался в небольшом восьмиконном домике (на улице Хизроева). Теперь на фасаде дома установлена мемориальная доска. Побывал в Темир-Хан-Шуре и М. Ю. Лермонтов. 30 июля 1840 года у скал «Кавалер-Батарей» его зарисовал вместе с друзьями художник Дитрих Пален. Многие образы и картины природы в произведениях Лермонтова были навеяны его пребыванием в Дагестане. Знаменитая лермонтовская Бэла, скорее всего, была не черкешенкой, а кумычкой⁴⁵.

29 ноября 1866 года Шура была возведена в степень города. Ее по-прежнему окружали обветшалые крепостные стены с четырьмя воротами: Эрпелинскими, Ишкартинскими, Дербентскими и Аварскими. От них расходились дороги, ведущие в горы и к равнине. Пять массивных круглых башен обороняли подступы к городу. Одна башня стояла на скалах «Кавалер-Батарей», две — у спуска к реке, а еще две позже оказались среди городских построек. Одна из них разрушена совсем недавно. Башни имели по шестнадцать щелевидных бойниц, в нижней части их были устроены треугольные выемки, также снабженные амбразурами. В базарные дни у башен приезжие горцы сдавали свое оружие дежурным офицерам. Город жил по строгому регламенту, на ночь все ворота запирались, а ровно в двенадцать часов дня на «Кавалер-Батарее» холостым зарядом стреляла пушка.

В центре города возвышался Андреевский военный собор. Эскизы для его оформления создал художник Г. Т. Гагарин, который увлекался тогда грузинской архитектурой и ее элементы ввел в декорировку собора.

Город Темир-Хан-Шура пережил все перипетии гражданской войны. Надо знать, что Октябрьская революция, открывшая «выход» ненависти горцев к самодержавию, началась в Дагестане «борьбой за национальное самоопределение»⁴⁶, а закончилась в общем потоке борьбы угнетенных за победу революции. В 1921 году Темир-Хан-Шуру переименовали в Буйнакск в честь революционера Уллубия Буйнакского (1890—1919). Землетрясение 14 мая 1970 года нанесло значительный урон Буйнакску. Но уже 18 мая учащиеся Буйнакского профтехучилища № 7 обратились к молодежи города с призывом восстановить разрушенное стихией⁴⁷. И Буйнакск строился. Появился жилой микрорайон «Дружба» с

просторными трех-пятиэтажными домами. В его создании участвовали не только местные жители, но и строители из Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Армении. И каждый внес что-то свое в скромный облик зданий — мозаичный узор, отделку красно-бурым вулканическим туфом.

Особенно красивой стала центральная улица, названная именем В. И. Ленина. Она смотрится грандиозным бульваром — чистым, просторным, обсаженным кипарисами, пирамидальными тополями и эйлантом (китайским ясенем). Улицу украшают здания с обилием стекла, алюминиевых переплетов и навесов. Горы создают своеобразный колорит — они служат кулисами центральному проспекту.

Современный Буйнакск из тихого захудалого городишки стал вполне современным, со своим особым обликом. Высокие новые здания и улицы неожиданно перемежаются с улочками, сохранившими еще низенькие старые постройки.

Из хорошо сохранившихся старых построек стоит назвать здание Педагогического училища. Украшенное каннелированными четырехгранными колоннами, оно опирается о скалы «Кавалер-Батареи». Дом этот являлся когда-то резиденцией генерал-губернатора Дагестанской области, а в 1920—1922 годах здесь размещался Дагестанский революционный комитет. Перед зданием училища высится памятник в виде многоступенчатого обелиска, украшенный барельефом с изображением трех красногвардейцев. Он сооружен в 1925 году над братской могилой двенадцати революционеров. Среди них покоятся Махач Дахадаев и Уллубий Буйнакский.

На центральной площади города возвышается величественный памятник Уллубию Буйнакскому. В нем прекрасно переданы величие образа пламенного революционера. Отброшен плащ, и в откинутой назад правой руке зажата папаха, голова в скорбном молчании опущена. 16 августа 1919 года у станции Темиргоя вместе с четырьмя своими товарищами он был расстрелян. На белогвардейском суде Уллубий бросил в лицо палачам: «Вы расстреляете меня и еще тысячу подобных мне. Но ту идею, которая уже живет в нашем народе, вы не сумеете расстрелять»⁴⁸. Памятник этот создан дагестанским скульптором А. Газалиевым.

Почти не пострадало от стихий красное кирпичное здание бывшей женской гимназии. Сейчас здесь находится

*Буйнакск. Памятник
Уллубию Буйнакскому.
1973. Скульптор
А. Газалиев*

Дворец пионеров и музей. Оно внушительно своей массивностью и обдуманностью архитектуры, хотя ничего уникального в нем нет. Местный музей, к сожалению, содержит довольно мало материалов по истории города. Буйнакск заслуживает большего.

Городские постройки обрываются у скал «Кавалер-Батареи». На их вершине, как это было в старину, сейчас установлена бронзовая пушка, напоминающая забытые страницы в истории города.

Окрестности Буйнакска богаты археологическими памятниками. У въезда в город со стороны Махачкалы находилась неолитическая стоянка, окрестные скалы испещрены интересными изображениями, имеются тут древности каякентско-харачоевской культуры. Но наиболее известен могильник хазарского времени, расположенный у селения Агачкала.

Чисто побеленные дома окружают фруктовые сады.

Они раскинулись у подножия Гимринского хребта и незаметно сливаются с лесом. С речки Атлан-озень доносится густой рев буйволов и сухой скрежет осыпающегося сланца. Здесь, в долине Атлан-озень, в местности Бакалы-Кол, в 1948 году начались раскопки. За три года известный археолог Константин Федорович Смирнов (1917—1980) вскрыл несколько больших каменных склепов, земляных могил и два каменных ящика VII—X веков. Несколько позже археологические работы продолжал Мурад Гаджиевич Магомедов. На склепах иногда лежали останки коней, должные сосуществовать «на том свете» хозяину. Стекланные флакончики, бронзовые зеркала, пуговицы в виде позолоченных бубенчиков, серьги самых различных форм, множество бус — вот далеко не полный перечень обнаруженного в склепах. Среди массовых находок выделяются головные булавки в виде иголок с расплюсченной или шаровидной головкой, украшенные округлой или многогранной бусиной, и булавки, навершия которых, покрытые зернью, окружают вставку из цветного стекла или камня (розового сердолика и виннокрасного алмадинна). Ими женщины скрепляли и украшали головные накладки или прически наподобие того, как это делают японские дамы. Одновременно булавки могли служить своеобразными оберегами. Навершие одной булавки украшено крестом. Такой оберег может сохранить от всяких случайностей, ибо крест, по поверьям горцев, олицетворяет и охраняет все «четыре стороны». Булавки с округлыми и шарообразными головками могли вселять надежду на помощь астральных (небесных) сил, а все каменные вставки (жуковины) в зависимости от породы камня или даже его цвета должны были «помогать» от различных болезней, зубной боли и «душевной тоски». Например: красный гранат «мог» защищать от ядов и ранений, аметист хорошего фиолетового тона помогал «удалить лихие мысли», сердолик цвета свежего мяса «усмирять» зубную боль и останавливал кровь.

Жители средневековья глубоко верили во всевозможные амулеты, задача которых — отворачивать зло, магически оберегать своего хозяина от разных бед, верили в талисманы, которые должны были приносить счастье, богатство, удачу. Жизнь горцев была трудной, к тому же она почти всегда сопровождалась всполохами войны. Надо не забывать, что агачкалинские древности найдены на периферии хазарского государства. За Гимринским хребтом находилось горское царство — Серир, правитель

*Агачкала. Медальон
с изображением
человеческого лица.
X—XI вв.
Республиканский
краеведческий музей.
Махачкала*

которого жил в огромном замке, где за каменными стенами скрывалась и его сокровищница, пополняемая за счет бесконечных набегов. Недаром небольшое поселение в Агачкале размещено выше могильника по мысу с крутыми склонами, что исключало случайность нападения. Военные стычки между «владельцем трона» Серир, чья столица Хумрадж (возможно, на месте современного Хунзаха) находилась за «семью горами», и ставленниками хазарского кагана не прекращались. Все письменные источники VII—X веков пестрят описаниями военных столкновений, угона в плен, казней.

Из Агачкалы происходят несколько находок, смысловое значение которых полностью еще не раскрыто. Вот круглая бляха с прорезным изображением рогатого существа, морда которого обращена к хвосту, или плоская фигура кота (?) с пышным хвостом, приподнятым над спиной. Для каких целей могли служить эти предметы?

В Агачкале найден прекрасный резной сердолик, изображающий человеческое лицо. Рассеянный взгляд широко расставленных и опущенных глаз, уплощенный нос — и сразу же вспоминаются бронзовые статуэтки: те же припухшие веки, заостренное лицо. Этот камень, обрамленный в позолоченную обойму с выступами, служивший кулоном, создал местный мастер. Кого изображал сей загадочный лик? Существует мнение, что это «тул» — изображение умершего, которому поклонялись.

Интересна также находка подвесного бронзового зеркала, тыльная сторона которого украшена змеевидными существами, имеющими ноги. Возможно, это драконы. В VII—X веках и несколько позже по всему Северному Кавказу были распространены зеркала с разными изображениями. С ними не расставались и после смерти, так как они, служа одновременно амулетами и талисманами, «оберегали» покой при жизни и в «потустороннем мире». Такие изделия охотно покупали и вывозили в далекие страны. На Кавказе известны зеркала, которые ведут свое происхождение из Китая и Ирана. Так, в Дагестане найдено три иранские зеркала, покрытых литым рельефом, в виде двух женоликих крылатых львов в геральдической позе.

Возможно, многие образы горских сказок возникли именно в то время, когда на поселении, что возвышается над могильником в Агачкале, кипела жизнь, когда близ Чирюрта появилась мощная хазарская крепость (стены ее, после раскопок М. Г. Магомедова, и сейчас еще выглядят весьма внушительно), когда к Семендеру стекались караваны и во многих местах Дагестана готовы были загореться сигнальные огни, призывая к боевым схваткам.

Сказки и легенды живут и сейчас, их рассказывают в часы отдыха и в назидание, воспитывая в детях извечное понятие «намуса». Обычно это слово переводят как «честь», но это не совсем точно. Фольклорист А. Ф. Назаревич определяет «намус» как «честь и порядочность, и гордость, и, пожалуй, больше всего чувство собственного мужского достоинства»¹⁹.

Герои сказок сражаются со злыми «аждаха» — змеями и драконами. От одной до семи голов имеют эти чудовища, их алчности нет предела. Это они пожирают людей, захватывают у них земли. Хитростью и в открытом бою побеждают отважные горцы кровжадного аждаха. И вот в аварской сказке о сыновьях мельника идет

*Дербент. Каменная
консоль в виде дракона*

речь о том, как младший, наиболее трудолюбивый сын мельника договаривается с драконом рассказать ему небывальщину, но чтобы дракон не перебивал его, иначе он сдерет с него кусок кожи шириной в локоть. И рассказывает, как в стужу из собственного черепа поил лошадей и даже оставил череп возле проруби. Небылицы следуют одна за другой, дракон не выдерживает и кричит: «Ну и здорово же ты врешь!» Наступает расплата.

Образ дракона собирательный, в нем воплощены все чужеземцы, когда-либо в воинственном порыве ступавшие на землю Дагестана. Позже в образе дракона мог быть осмыслен сатана в том виде, как его представляют мусульмане. Но особенно яркие образы дракона-змеи появились в хазарское время, и им сопутствовали изображения человеческих лиц.

Вероятно, именно такими мотивами были навеяны некоторые образцы местной скульптуры. Таковы резные

консоли в виде драконов. Их можно было видеть в Буйнакске по улице Орджоникидзе на небольшом доме XIX века с разрушенным балконом. В 1975 году дом разрушили и не пощадили скульптурные консоли. Драконы двух консолей имели зубастые рты и закрученные в спираль губы. В передних лапах, напоминающих руки, они держали бородастую человеческую голову, причем на одной из консолей голова была повернута затылком вниз. Сильно перевитые хвосты лежали на туловище драконов. Замечу, что подобные балконные консоли можно и сейчас видеть в Дербенте. Во рту этих драконов изображены выпуклые присоски, которые окаймляют губы. Очевидно, в балконных консолях мастер не следовал в точности сюжету популярной сказки и не запечатлел победу над драконом. Здесь, выступая из стен дома, драконы, грозные «аждаха», должны были гарантировать неприступность постройки.

Только путем наслоения образов самых различных эпох могли возникнуть и горские сказки, и те памятники местного искусства, в которых заметны отголоски давно прошедших эпох. Такие каменные наваения равнозначны сказкам, а «сказки созданы и верой, и мечтой, и мудростью, и подвигом, и печалью, и радостью. В них отражена история народа» (Расул Гамзатов).

6. Дербент

Сказывают, что сей старинный и примечания достойный город Дербент построен Александром Великим, которого восточные обыкновенно Искандером называют...

Самуил Готлиб Гмелин. 1770 г.

Бог построил горы, человек — города: так по крайней мере я думал, сравнивая щепетильность нашего зодчества с неподражаемым величием зодчества природы. Дербентцы судят свой город с большою справедливостью: они говорят, что их город построен чертом.

А. А. Бестужев-Марлинский. 1830-е гг.

И снова убегает дорога, вселяя радость движения. Снова аквамаринная гладь Каспия. Она то теряется за песчаными барханами, то снова проглядывает сквозь дымчатые заросли тамариска.

Остался позади Каспийск — небольшой промышленный город, детище нашего времени, медленно развернулись чаши Туралинских соляных озер, откуда еще в XIX веке соль расходилась по восточной части Кавказа.

Справа тянется степь, поросшая чебрецом и полынью и замкнутая цепью гор. Промелькнули скалы Уйташа, в оранжевом мареве показалось большое село. Это Уллубий-аул — родина Уллубия Буйнакского. За ним расположено плоскогорье с известным городищем Урцек. Впервые в 1959 году оно было осмотрено профессором истории Р. М. Магомедовым. Раскопки, которыми руководил В. Г. Котович, позволили частично раскрыть город. Он был известен как Варачан и вплоть до VIII века процветал. Перед глазами археологов предстала цитадель, окруженная стеной с одиннадцатью башнями, и огромное пространство (свыше 2000 га), занятое городскими строениями. Основное ядро Варачана окружали тройные линии стен. Дороги, которые вели в Варачан, не пустовали — их колес очень глубоко врезались в скалы, это поражает сейчас — сколько же телег и колесниц здесь проехало и сколько людей прошло пешком! Дороги вели на север — к Семендеру, они уходили в горы — в глубины царства Серир, их колес спешили к Дербенту.

Въезжая в Варачан, путники попадали к храму огня, где окуренные дымом, очищенные им, могли надеяться на гостеприимство городских жителей. Это был крупный центр торговли и ремесла. Особенно развитым было гончарство. Здесь изготавливались сосуды самых различных форм и назначения. Найдены богато украшенные образцы: на одном сосуде изображено стилизованное дерево по сторонам которого — олени. У некоторых кушинеи ручки вылеплены в виде фигуры лошади. Но более всего удивляют кумы — крупные сосуды на десятки литров. Их врывали в земляные полы помещений и использовали для хранения продуктов⁵⁰.

Но вот последние километры пути, и автобус въезжает в Дербент — один из древнейших городов нашей страны.

Существует много легенд о первом строителе города. Но, конечно, не черт запутал улочки Дербента, никогда не был здесь и Александр Македонский, хотя местные жители говорят, что курганы в окрестностях — это пыль сбитая с сапог его воинов.

Внимание путника в первую очередь привлекает дербентский холм (Нарын-кала). Судя по отдельным находкам, он обжился людьми с эпохи камня. Раскопки последних лет, которыми руководит А. А. Кудрявцев, позволили обнаружить остатки эпохи бронзы (II тысячелетия до н. э.) и более поздние — VIII — начала VII века до н. э. Уже тогда здесь было укрепление, ороженное каменными стенами. Находки — посуда, покрытая обмазкой и одиночными налепами, бронзовые наконечники стрел с опущенным шипом (их трудно было извлечь из раны) — свидетельствуют об интенсивности жизни на холме в то время⁵¹.

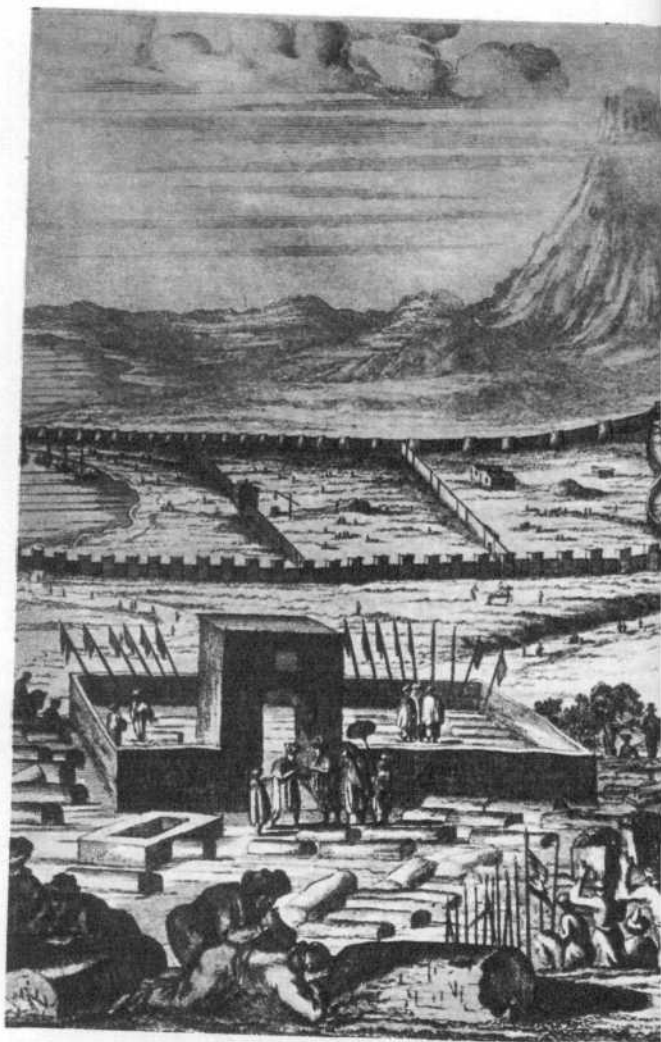
В районе Дербента в V веке проходила северная, самая тревожная граница Ирана. Ее беспокоили кочевники, стремившиеся к благодатному югу. Неподдалеку некогда находился большой город с резиденцией епископа. Армянские путешественники называли его Чор (Джора), а византийцы — Цур. Набеги хазар заставили епископа переехать в Партав (Вердаа в Азербайджане), и город стал угасать. Его значение перешло к Дербенту. Он стал популярным. Строящийся Дербент должен был перекрыть уязвимое место. Первые его стены были сырцовыми. Глинобитный цоколь их на метр ниже более позднего фундамента каменной стены. Прослеживаются они на высоту до шести метров, в ширину они достигали восьми метров. Такая кладка шла от самой высокой час-

ти города к морю. А. А. Кудрявцев относит ее возведение ко времени правления царя Иездигерда II (439—457) из иранской династии Сасанидов. Позже, при царе Каваде (488—531), началось строительство каменных стен. Для этой цели из Ирана были приглашены архитекторы и мастера.

На стенах Дербента обнаружено двадцать пехлевийских (древнеперсидских) надписей. Их удалось расшифровать. Установлено, что строительством стен руководил «амаркар» — важное государственное лицо, которое заведовало также сбором податей. Таким человеком был некто Бараниш, происходивший из Артпатакана на реке Араксе.

Городские стены много раз перестраивались. Однако отдельные части их сохранились с древности. Стены выполнены из массивных блоков известняка более метра в длину, 70—80 см в ширину и 25—30 см в толщину. Камни поставлены то широкой стороной, то ребром. Но такая кладка служит лишь внешней облицовкой. В изломах видно внутреннее заполнение — рваный камень, скрепленный известковым раствором. С подновлением появились различные системы кладки — из небольших и гладких камней, из рустованных (грубо обитых) блоков. Некоторые ряды кладки положены на растворе, в котором заметна примесь кира (нефтяной смолы). Толщина стены достигает 2,5—3,5 м. Адаму Олеарию, который посетил множество городов во время путешествия из Германии в Персию (1636—1639), стены Дербента показались исключительно толстыми — «ведь на них можно было ездить в телеге»⁵².

Вероятно, завершено строительство города было при царе Хосрове I Ануширване (531—579). Велось оно этапами, с большими разрывами, так как все это время шла война между Ираном и Византией. На самой высокой части города была построена цитадель. Так возник город Дербент. Его расположение в Каспийском проходе на стыке дорог, проложенных вдоль моря и уводящих в горы, и дало ему персидское название Дербент (Дар-банд), что означает «узел ворот». Арабы перевели это слово как «Баб ал-абваб», то есть «Ворота ворот». Татаро-монголы и турки называли его «Демир-Капи» — «железные ворота», ибо город перегораживал путь вдоль берега моря. «Морскими воротами» — «Дэгвис-Карн» — прозвали его грузины.

*Город Дербент. Гравюра
из книги Адама Олеария
(издание 1727 г.)*

*Бронзовая курильница
из Дагестана.
Сасанидское время. Гос.
Эрмитаж (по К. В. Тревер)*

Чтобы закрепиться в Дагестане, Хосров I Ануширван целыми семьями переселял людей из Ирана в Дербент и его окрестности. В среду переселенцев попало много татов, говорящих на диалекте иранского языка. Исповедовали они иудаизм, вероятно, этому способствовало и их смешение с хазарами, но к палестинским евреям по культуре и языку они отношения не имеют. Более чем 1500-летнее проживание в южном Дагестане позволяет считать их местным, коренным населением.

Такие переселения будут понятны, если вспомнить, что Дербент строили на территории обширного древнего государственного образования, известного под названием Кавказской Албании (ее столица Кабалака находилась близ Нухи в Азербайджане). История Албании изучена плохо. Это было объединение, по Страбону (ум. в 24 г. н. э.), двадцати шести племен («языков»), которыми правили цари. В VIII веке Албания была захвачена ара-

бами, и позже «агван» — албанские племена — лишь изредка вспоминают армянские средневековые писатели.

В стране существовало многоверие. Языческие культы с человеческими жертвоприношениями возглавлял «человек, самый уважаемый после царя»⁶³. Шла служба в синагогах, в храмах зороастрийцев поклонялись огню, а из церквей раздавались молитвенные возгласы. Особенно ревностным проповедником христианства был царь Варачан III (487—510). Такой была ситуация, в которой шло строительство города. К этому следует добавить военные стычки со степняками, кочевавшими к северу от него, безжалостные сборы налогов и жесточайшие казни. Параллельно шло смешение иранской (сасанидской) культуры и албанской (местной).

Исключительно своеобразно сасанидское искусство. Еще в Агачкале были найдены иранские бусины-печатки с геммами, на которых изображены рука и фигура человека. Сделаны они с большим мастерством. Сасанидские монеты также поражают красотой стилизации, величественной монументальностью. Однако сасанидское искусство получило всемирное признание благодаря прекрасным произведениям торевтики — чеканным металлическим сосудам. Многие из таких предметов — чаш, блюд, кувшинов — найдены в Дагестане. Сцены охоты, восседания царя (он в таких случаях изображался в крупном масштабе, а его свита уменьшено), фантастические птицы, санмурвы, — таковы сюжеты гравировок, покрывающих эти вещи. Говоря о сасанидском металле, всегда обращают внимание не только на изящество и совершенство формы предметов, но и на композиционно блестящее размещение фигур в круге или на изогнутой поверхности кувшина, смелый и четкий рисунок. Ясно, что мастера — чеканщики, граверы и ювелиры, работавшие на огромной территории сасанидской державы, были разнолики и разноязычны. Они — жители Азии и Кавказа — вместе с иранскими художниками создавали то, что обычно принято называть «памятниками сасанидского времени». Напомню форму типичного сасанидского кувшина: у него овально вытянутое тулово, верхняя часть которого снабжена сливом в виде плоскоклювой птичьей головки. А теперь, путешествуя по Дагестану, приглядитесь к кувшинам горцев. Невольно возникнет мысль о взаимном влиянии, о том, что «сасанидские» черты еще живут в изделиях горских медников, а разглядывая иранскую торевтику, можно заметить в ней нечто

от кавказского мастерства. В связи с этим интересно предположение искусствоведа Э. В. Кильчевской, которая считает, что в сасанидскую эпоху некоторые талантливые дагестанцы могли учиться ремеслу в Иране. Ими могли быть добровольцы, искавшие хороших художников-учителей, и пленные, которых силой заставили взять в руки молоток чеканщика и резец гравера.

Искусство Кавказской Албании изучено хуже. Известно, что среди албанов имелись прекрасные керамисты. Их продукция удивляет и мастерством исполнения, и оригинальностью форм: это различные сосуды на высоких изящных ножках; сосуды, напоминающие чайники; водолеи в виде животных. К этим предметам необходимо добавить резьбу по камню, изделия ювелиров и медников. Многие из случайных находок, которые приписывали сасанидскому искусству, теперь прочно заняли свое место среди албанских изделий. Таковы происходящие из Дагестана кувшины и зооморфные водолеи в виде утки, петуха, джейрана. Таким образом, искусство Восточного Кавказа первых веков возникло в итоге смешения местных художественных традиций и иранского мастерства.

Стены Дербента — это своеобразная книга. На ее листах поколения людей оставили память о себе. В XIX веке на северной стене города была обнаружена албанская надпись. Обычно албанскую письменность (52 буквы) использовали для переписки богослужебных книг. К сожалению, что означает надпись, обнаруженная в Дербенте, пока неизвестно.

Уже говорилось здесь о пехлевийских строительных письменах. В 30-х годах VII века, когда сасанидский Иран, ослабленный войной с Византией, очень мало внимания уделил Дербенту, хазары захватили его. И вот на стенах Дербента появляются новые знаки в виде ромбов, свастики, колец с лучами и сильно стилизованных лошадей. Они высечены на плитах уже готовой кладки и расположены на уровне человеческого роста. Это могли быть родовые клейма хазарских воевод. Некоторые из таких знаков известны археологам по оттискам на кирпичках, найденных на городищах, приписываемых хазарам.

В 652 году у стен города появились арабы. Они несли новое, еще оформляющееся вероучение — ислам. Арабский халифат в это время «утверждался не столько в религиозном, сколько в политическом плане»⁵⁴. И пер-

вые битвы с завоевателями были более битвами за свободу, чем за веру.

В 652 году жители Дербента вместе с хазарами разбили арабский отряд. Но вскоре Дербент был взят арабами. В этой битве, как пишет дербентская хроника «Дербент-Наме», «двадцать тысяч хазар заслужили вечное проклятие и переселились в ад, а двести мусульман испили шербет блаженной смерти»⁵⁵. Особенно отличились в борьбе с неверными сорок арабских богатырей во главе с Салманом и Рабиятул-Бахли. Эти павшие обрели почетное название умерших мучеников за веру — «шахидов».

Теперь для арабов за северной стеной Дербента простирались страны «дар-аль-харб» — «кяфирские» страны, еще не знавшие арабов, не знавшие благодати ислама. Предводитель арабов Маслама, захватив Дербент, велел починить разрушенные стены, башни, здания и прорубить шесть новых ворот. Одни из них — Ваби-кучук, расположенные у моря, — должны были служить для тайного выхода из города. Но самой большой его заботой было привить населению понятие о пяти обязанностях «уверовавших»: прежде всего исповедовать основной мусульманский догмат — «Нет бога, кроме Аллаха, а Мухаммед — пророк его»; приобщить их к ежедневным молитвам; научить соблюдать пост, вносить милостыню и стремиться совершить паломничество в Мекку — на родину пророка. Для этого Маслама велел разбить город на семь магалов (кварталов) и в каждом построить по мечети. Так появились Хазарская, Палестинская (Филистини), Дамасская, Мосульская и другие мечети. Им же была построена и большая соборная мечеть (Джума-мечеть). Население принимало ислам, но это делалось не по велению души, а чтобы уменьшить выплачиваемые налоги. Помимо «хараджа» — земельного налога — местные жители должны были платить «джизью» — подушную подать как дань арабам за их веротерпимость. И первое время от этого налога освобождало принятие ислама, но затем арабы стали взимать его и с новообращенных. Деятельность Масламы была весьма активной, однако дагестанцы мало знают о нем. Дело в том, что божество, как считают мусульмане, воплотилось в Иисусе Христе, Мухаммеде и в религиозном вожде Абу-Муслиме. И этот человек, снискавший «огромную популярность в народе как борец за социальную справедливость», стал объектом легенд.

«Не странно поэтому, что именно ему приписывается распространение ислама в Дагестане, хотя здесь он не был»⁵⁶. Вот тогда, в сложные годы исламизации (VII—X вв.), на стенах и воротах Дербента появились арабские надписи.

С распадом арабского халифата слабеет и власть арабов. Дербентом правит эмир. К XI веку эмират крепнет, чеканит свою монету и вплоть до начала XIII века ведет вполне самостоятельную политику, хотя правители Дербента должны были подчиняться ширваншахам — властителям Ширвана (северо-восточная часть Азербайджана). Жители Дербента этого времени не благоденствовали.

В XI веке у стен города дважды появлялись турки-сельджуки, в 1071 году они взяли его, и тогда было приказано всем муллам Дербента во время проповедей провозглашать в первую очередь имя сельджукского султана, а затем уже местного правителя.

Тринадцатый век принес встречу с монголо-татарами. Видели жители Дербента и знаменитого Тамерлана, и золотоордынского хана Тохтамыша. И так век за веком: завоевания, небольшие передышки и снова битвы.

23 августа 1722 года к стенам Дербента подошел Петр I со своим войском, его движению предшествовал манифест на «татарском, турецком и персидском» языках, в котором предлагалось мирному населению сохранить спокойствие. Русского царя встречали торжественно. Навстречу с ключами от Дербента выехали наибы, а у ворот выстроилось население и мусульманское духовенство.

Рассказывают, что, когда конь Петра сделал первые шаги по улице города, началось сильное землетрясение, народ пал в ужасе перед русским царем. «Петр милостиво ударил по воротам три раза нагайкою, землетрясение прекратилось, и он, призвав к себе всех нищих, одел их деньгами».

Задумав Персидский поход, Петр I прекрасно понимал необходимость тактичности. Находясь в Дербенте, он отдал обед, данный ему табасаранскими беками в пригородной роще, осмотрел стены города, попробовал воду из местных родников. Дербент ему понравился, началось благоустройство города.

В Дербенте Петр I жил в двухкомнатной землянке, которую построили солдаты у берега моря. В 1848 году землянку укрепили, вокруг нее соорудили ограду и пере-

*Город Дербент. Рисунок
Гиллиуса, литография
А. Мюнстера. 1870-е гг.*

крытие и сделали надпись: «Место первого отдохновения Великого Петра 23 августа 1722 году».

Добровольная сдача Дербента Петру I расценивалась как блистательная победа, равная взятию Нотебурга в Северной войне со Швецией. Известный публицист того времени Феофан Прокопович говорил об этом в своей речи при торжественном возвращении Петра I из Персидского похода: «Тогда взятием Нотебурга отверзся дверь в полунощные, ныне получением Дербента в полуденные страны, обоюду затворы толь твердые, что как тамо не всуе по взятии наречен Ключград, тако и зде в челюстях Кавказских и не без вины прозывается Врата железныя, и не без божия смотрения на вход твой отверзлися: тамо и зде Петр, но и Самсон тамо и зде показался еси»⁵⁷.

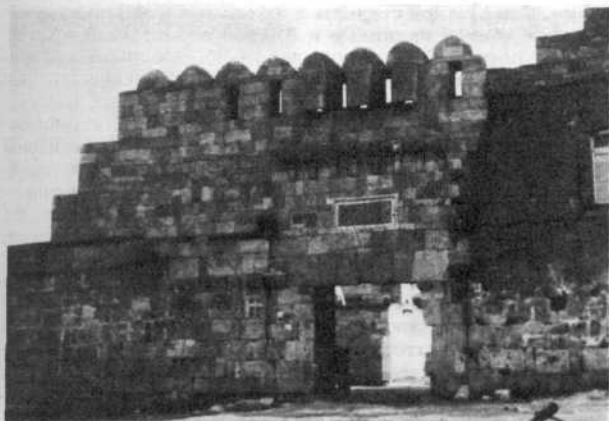
Россия ликовала: император, подобно легендарному Самсону, с дерзновенной смелостью перекраивал карту Европы и Азии. Однако после смерти Петра I Ирану

вернули земли Прикаспия, и только в начале XIX века Дербент снова был присоединен к России.

Дербент — город многих эпох. Его архитектура — достояние разных народов. Каждый из них внес в его облик нечто свое.

Дербентские стены, северная и южная, протянулись от Джалгаевского хребта к морю и до сих пор укрывают основную часть города от «постороннего» глаза. Некогда город пересекали и поперечные стены, одна из них, верхняя, примыкала к Джума-мечети. Существуют сведения X—XI веков, что в гавани параллельно морскому берегу проходили две стены, которые запирались цепью и даже воротами, и корабли без разрешения не могли ни подойти к причалам, ни выйти в море. Арабский ученый Абу-Хасан Али Масуди (X в.) сообщает, как строили эти стены. Каменные блоки погружали в воду на надутых воздухом бурдюках, затем, после укладки, скрепляли их свинцом и железом. Однако стены эти все же разрушены морем, и когда в Дербент в 1623 году попал купец Котов Федот сын Афанасьев, то вынужден был записать: «Сказывают, что еще города море взяло башен с тридцать».

Говоря о Дербенте, нельзя умолчать о стене Даг-Бары. Она в свое время поражала воображение путешественников. Ф. А. Котов писал о ней: «А от того города Дербента стена была каменная чрез горы в Черное море в Турскую землю»⁵⁸. Адам Олеарий в 1636 году также упоминал об этой уже разрушенной стене: «Повыше города, по горам, поросшим кустарником, была каменная стена, толщиною в три фута, простиравшаяся на пятьдесят миль, до Понта»⁵⁹. Г. С. Гмелин осматривал Даг-Бары в 1773 году и нашел, что в некоторых участках стена «столь невредима, что как будто только лишь построена была», он видел «остроконечные или пирамидальные сторожевые башни» и «целые крепости». Гмелин также не сомневался, что «сию стену ничему лучше уподобить нельзя, как линии от Каспийского моря до Черногорской проведенной»⁶⁰. Даг-Бары была построена арабами от набегов хазар. Она шла в глубь гор на 14 фарсагов, что равно четырнадцати дневным переходам верблюжьего каравана (около 70—80 км) и доходила до селения Халиль близ реки Рубас-Чай в Табасарани. Стена и сейчас отдельными островками возвышается по всему этому пространству, укрепленная валами, башнями и крепостными помещениями, в которых размещались воины.

*Дербент.
Ворота Кырхляр-капы*

В средние века, когда многие русские города были малы, Дербент мог казаться огромным городом. Купец, автор «Сказания о Железных вратах», посетил Дербент между 1436—1447 годами. Он писал: «А город был zelo велик: из лука турецкова три перестрела промеж стенами ширина». И совсем иным казался тот же Дербент Ивану Березинну, который, осмотрев город в 1842 году, записал: «...на две с лишком версты длины город едва имеет 455 шагов ширины у Кизлярских ворот»⁶¹. Действительно, среднее расстояние между стенами составляет примерно 400 метров.

В VIII веке в Дербент вело семь ворот, перестроенных из более древних, ко времени прихода Петра I — одиннадцать. Сейчас в Дербенте можно видеть девять ворот. Если идти от нижней части города вверх, то первыми нам встретятся на северной стороне стены ворота Дашкапы (или Шуринские). Они невелики, устроены в виде

арки. С наружной стороны в их кладку был вставлен камень со сбитой надписью и именем строителя Ал-Харис ибн-Иазида. Затем следуют ворота Кырхляр-капы (Ворота сорока богатырей, или Кизлярские), расположенные возле кладбища Кырхляр. Арабы называли их Баб-эль-Джахад, то есть Ворота священной войны. Они производят мрачное впечатление. Снаружи ворота ограничены прямоугольным проемом шириной в 3,4 м, а с внутренней стороны имеют вид заостренной арки. Основание у них очень древнее, а далее следует кладка XV века. По бокам ворота украшены скульптурными головами львов. Между ними помещена персидская надпись: «Во время шаха Султан Халила предводителя это укрепление приведено в порядок и эта крепость стала надежным укрытием. Смута Яджуджа возвратилась назад, как при Искандере, так что слава этой постройки распространилась в городах неверных. Да пребудет благоустроенным основания его стен до дня собрания! Да продлится его царство многие века! Будь вестником полученного известия о годе: если хочешь вычислить дату этого, то возьми слово вестник» (перевод Л. И. Лаврова).

Дата этой надписи определяется по употребленному здесь арабскому слову «мухбир» — «вестник», где сумма цифровых соответствий согласным буквам дает дату — 842 год хиджры, то есть 1439 год н. э. — время, когда правил ширваншах Халилаллах I (1417—1462). В надписи говорится, что ворота построены на старой основе времен Искандера (Александра Македонского) и они так же, как при нем, спасали город от чудовища Яджуджа, а теперь должны оградить его от «неверных» до «дня собрания», то есть «страшного суда». Над надписью укреплено восемь декоративных консолей. Сейчас ворота отреставрированы, но имелись ли здесь в древности ключовидные машикули, которые появились после реставрации, трудно сказать. Скорее всего, здесь были зубчатые завершения, которые характерны для архитектуры Передней Азии.

Ворота Кырхляр-капы были главными. Их защищала огромная круглая башня, стоящая рядом. Через Кырхляр-капы проходили караваны, здесь встречали Петра I.

Далее следуют ворота Джарчи-капы — Ворота вестника. Здесь, как писал полковник А. И. Ахвердов в 1804 году, читали «всякого рода» приказания «владельцу сего городом через высылаемых для того есаулов»⁸². У арабов эти ворота назывались Баб-эль-Мухаджир (Ворота бег-

*Дербент.
Ворота Кырхляр-капы.
Деталь*

лецов), так как они выводили к тропам, проходившим в обход Дербента. Русские солдаты называли их Водяными, через них они шли к родникам. Эти ворота сильно перестроены, они имеют форму полуциркульной арки, сверху украшены зубцами.

Если пересечь город, минуя цитадель, то подойдем к южной стене и нам встретятся остатки ворот Кала-капы. Они были сооружены в XVIII веке, к 1925 году обвалились, и сейчас видна лишь полукруглая башня, сложенная из рустованного камня. При спуске к морю нельзя миновать великолепные в своей монументальной строгости ворота Баят-капы. Название их связано с местностью Баят в Иране, откуда в Дербент было переселено пятьсот семейств. Арабы называли их Баб-эль-Мектуб. По бокам их стоят две крупные башни. После реставрации наверху башен появились бойницы. Ворота имеют вид арки с трапециевидным замковым камнем. Арка опира-

*Дербент.
Ворота Баят-капы*

ются на пилястры прямоугольного сечения. Несмотря на красоту этих ворот, они мало гармонируют с общей архитектурой города. Дело в том, что в 1811 году ворота были перестроены под руководством Карпова, тогда же появилась русская надпись: «Время меня разрушило, [п]ослушание меня построило. 1811 года». В надписи можно заметить намек на занятие Дербента без боя русскими войсками под руководством генерала Г. И. Глазенапа в 1806 году и ремонт некоторых городских построек.

Несколько ниже находятся наиболее известные в Дербенте ворота Орта-капы. Темно-коричневые, покрытые многовековой корой выветривания, они имеют сказочно восточный облик. В жаркий день, когда легкая пыль курится в воздухе, подгоняемая ветром, под их тенью всегда прохладно. И здесь всегда сидят люди.

Ворота Орта-капы сделаны в виде выступа, отходящего от крепостной стены. Со стороны города их проем

*Дербент.
Ворота Орга-капы*

имеет плоское перекрытие, а на стены ведут каменные ступени. Наружная часть ворот оформлена в виде массивной килевидно-стрельчатой арки персидского образца. Она опирается на две колонны, капители которых украшены выемками сталактитов. Две небольшие арочки, расположенные по сторонам главной, помещены в нишах. Над их дугами возвышается такая же группа сталактитов. С внутренней стороны между проемами сохранились полустершиеся надписи, а над прямоугольным проемом на консоли стоит каменный лев — своеобразное олицетворение мощи Ирана. Это копия, подлинная скульптура находится у входа в местный музей.

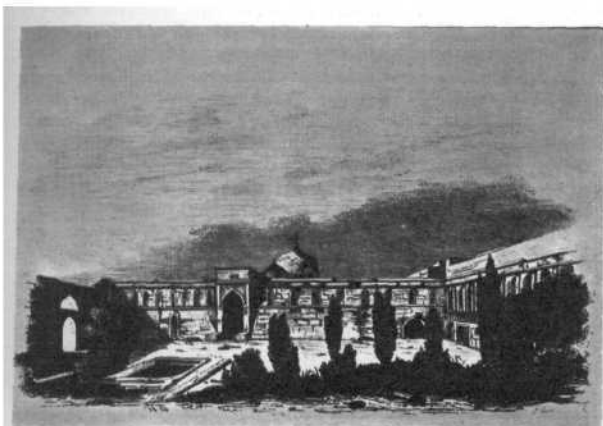
Если взглянуть в кладку ворот, то увидите знаки хазарского времени. Они выбиты на наиболее древних камнях. Арки построены в XIV или XV веке при ширваншахах, а бойницы над воротами появились в XVIII—XIX веках.

*Дербент.
Ворота Орга-капы.
Деталь*

У самого моря сохранились остатки ворот Дубара-капы. Они вели в Дубару — нижнюю, приморскую часть города, которая, по словам академика П. Г. Буткова (1796), была отделена «поперек каменною стеной, пуста»⁶³. Здесь жители содержали скот, и здесь же были огороды. Существует мнение, что ворота северной стены появились позже других, здесь сасаниды пытались наглухо отгородиться от жителей Севера.

Дербент жил замкнутой, скрытой от посторонних глаз жизнью. Приезжий европеец воспринимал город как хаотическое пересечение узких улиц с глухими стенами. Надо было войти во двор дома, чтобы насладиться ароматом цветников, прохладой ажурных теней, радушием хозяев. Только в живописном декоре городских ворот «ощущалось гостеприимство транзитного торгового города»⁶⁴. В. И. Бакунина, сопровождающая мужа в походе 1796 года, отмечала, что «только перед главной мечетью

*Дербент. Джума-мечеть.
Рисунок И. Н. Березина.
1842 г.*

находится красивая четырехугольная площадь, очень обширная и чистая, на которой дома стоят правильной линией...⁶⁵.

Мечеть, о которой здесь говорится, является главной, соборной (джума) мечетью. В городе ходило предание, что здание ее являлось ранее христианским храмом — базиликой IV века — и только в VII веке арабами было перестроено в мечеть. Подтверждение тому искал писатель А. А. Вестужев-Марлинский. Однако это не так. Прямоугольное здание Джума-мечети с выступом — залом в южной части — разделено двумя рядами четырехугольных колонн на три длинных нефа. И если бы это огромное здание (67 × 17 м) являлось базиликой, то арки между столбами располагались бы вдоль нефов, а здесь они перекинуты поперек. Выступающий зал, который принимали за алтарь, в Джума-мечети перекрыт стрельчатым куполом и является местом, где расположен михраб —

ниша для хранения Корана, священной книги мусульман. В центре, где сходится аркада нефов, мечеть перекрыта граненым стрельчатым куполом. Так как вся постройка расположена на склоне, то западная ее часть сильно понижена (на 0,75 м). Мечеть была построена, судя по датам, в 115 году хиджры (733—734 гг. и. э.), а затем она разрушилась и была восстановлена в 270 году хиджры (1368—1369) архитектором Тадж-ад-Дином (сыном Мусы) из Баку при местном правителе Африбурузе. Джума-мечеть освещается через окна, расположенные с южной стороны, здесь же проходят водостоки. По вечерам и в тусклые дни по бокам главного нефа в XIX веке зажигали большие фонари и лампы со свечами. На стенах ее висели в качестве украшений зеркала. Главный вход в мечеть устроен с северной стороны. Его массивный портал расписан орнаментом и выбитыми камне цитатами из Корана. Минарета мечеть не имела.

Перед входом в Джума-мечеть врыт каменный столб — молчаливое напоминание о прошлом. По преданию, здесь иранский Надир-шах, напавший в 1741 году на Дагестан (Кайтаг и Табасаран), велел насыпать холм из чешуек человеческих глаз — страшной экзекуции подверглись жители непокоренных аулов.

Напротив мечети расположены тринадцать стрельчатых лоджий. Их объединяет такое же, но более крупное помещение — духовное медресе — духовного училища. Здесь в каждом отсеке четыре ученика постигали духовные арабские науки. Медресе построено в XV веке, а затем перестраивалось в 1805 году. Возможно, учениками медресе являлись дербентские ученые Мулла Таги и Мирза Хайдар, с которыми встречался И. Н. Березин. Один из них интересовался даже археологией.

В Дербенте помимо Джума-мечети было еще четырнадцать магалыных (квартальных) мусульманских храмов (у ворот Кырхляр-капы, Джарчи-капы и в других местах). Некоторые из них описаны историком архитектуры С. О. Хан-Магомедовым⁶⁶. С появлением русских одна из мечетей девятого магала была обращена во временную церковь Св. Георгия Победоносца. Позже, в 1849 году была начата постройка большой церкви, которую освятили в 1855 году. Ее декоративное убранство было выдержано в «византийском стиле» и выполнялось по проекту Г. Г. Гагарина. Здание временной церкви в те же годы снова вернули под мечеть (по словам генерала А. П. Ермолова: «Храм молитвы всякой веры свят»)

В новой церкви Св. Георгия Победоносца долгое время хранились иконы «Тайная вечеря» и «Архангелы Михаил и Гавриил», написанные Г. Г. Гагариным. Где сейчас эти произведения — неизвестно.

Жители средневекового Дербента немалое время проводили в банях. Здесь можно было совершить не только гуель (полное омовение), но и решить деловые вопросы, провести время в интересной беседе и просто отдохнуть. Из пяти местных бань одна находилась у ворот Кырхляр-калы, другая — у Джума-мечети и третья — в цитадели (ее сейчас восстанавливают). Это были купольные постройки, углубленные в землю. Свет проникал через отверстия в центре куполов. Обычно, входя в баню, человек попадал в помещение со стрельчатыми сводами. По углам его располагался двойной ряд ниш: в верхние клали одежду, а в нижние — обувь. В центре находился бассейн для мытья ног. Далее узкий коридор вел в моечные помещения, разделенные на отсеки, здесь имелись бассейны для купания. Отопление было под полом в виде канялов.

Но Дербент жил не только молитвами и омовениями. С XIV века здесь существовала почта, и город привлекал массу купцов. В его гавань входило множество торговых судов. Бойко шла торговля всевозможным товаром, в том числе и рабами. Голландский судовой мастер Ян Стрейс в 70-х годах XVII века попал в неволю и оказался в Дербенте. Вот строки из его записок: «Весьма жалкое зрелище являют собой несчастные рабы и рабыни, когда их раздевают, трогают и ощупывают, и обращаются с ними хуже чем... с быками и лошадьми. Здесь ничего не стоит убить раба или рабыню, как собаку...»⁶⁷.

Цитадель (Нарын-кала) и сейчас возвышается над Дербентом. Она видна издали, и только осенние туманы да белесое южное солнце делают ее контуры призрачно далекими. Здесь некогда при приближении врага разжигали сигнальные костры, а в XVII веке, как пишет турецкий путешественник Эвлия Челеби, для этой цели использовали «нефтяное масло», привезенное из Баку⁶⁸.

Цитадель часто упоминается в старой литературе. «Самый замок города, называемый Нарын-кала, в котором заключается дом ханской со всею его прислугою и кроме никакие партикулярные люди не живут, построен из плитняка и от прочей части города отделен поперещною стеною»⁶⁹. Так писал о цитадели полковник А. И. Ахвердов в 1804 году. С 1806 года, когда в цитадели размести-

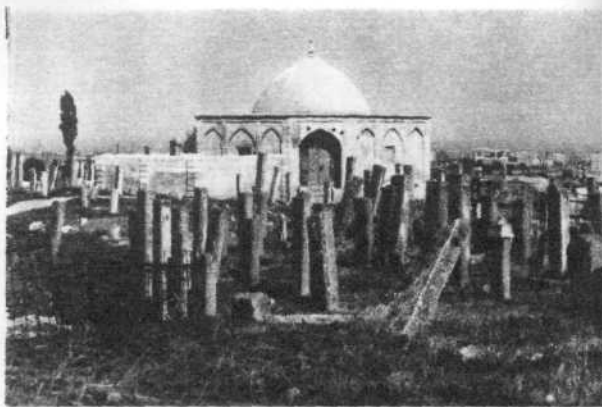
*Дербент. Стены
Нарын-калы*

*Дербент. Кладбище
Кырхляр. На переднем
плане надгробие
Сорока мучеников*

лись русские войска, начались перестройки, а с выводом гарнизона через шестьдесят один год постройки Нарын-калы опустели и стали рушиться. Сейчас здесь ведутся восстановительные работы.

Чтобы попасть во дворец, надо было пройти восточные ворота Нарын-кала-капы. Дворец имеет П-образную форму и примыкает к стене цитадели. Внутри него находился двор с бассейном. Построен дворец на склоне горы, и юго-западная сторона понижена до одного этажа. Окна внутренних покоев дворца, сделанные в виде узорчатых деревянных решеток (шебеке), выходили во двор. Это обычно для Востока — жизнь во дворце должна оставаться тайной, и никто не должен видеть женщин. Над полукруглой башней, которая отходила от стены, был устроен павильон, украшенный узорными рамами с цветными стеклами. Бассейн с «водометами» окружали резные лоджии. Строение дворца, как писал П. Г. Бутков

*Дербент. Кладбище
Кырхляр с мавзолеем
Туги-Бикэ*

(1796), «не занимательно, и что лучше, так живость красок, коими исписаны внутренние стены дома, изображая инде сражение, а инде любовь»⁷⁰.

В 1770 году в этом дворце академика Г. С. Гмелина принимал местный правитель Фет-Али-Хан. Он болел и хотел быть осмотрен знатоком медицины. Гмелин попутно осмотрел дворец, цитадель и ознакомился с жизнью хана. Тот не предпринимал никакого решения без астрологов: «Согласно ли с тем созвездие или нет». У дворца Гмелин видел пушки и мортиры, а возле «замка» — сводчатые помещения для пороха и «артиллерийских материалов»⁷¹.

В XIX веке Кавказ, как и Сибирь, был местом ссылок. В Дербенте в 30-х годах жил ссыльный писатель-декабрист Александр Александрович Бестужев-Марлинский. В верхней части города, неподалеку от ворот Баят-капы, и сейчас стоит его дом «о двух комнатах» — простой,

грубой кладки. Здесь он пережил большую трагедию — от пулевого ранения умерла его невеста Ольга Нестерцева. Небольшая стела, высеченная поэтом из куска мрамора и стоявшая над ее могилой, сейчас находится в городском музее.

Всюду в Дербенте, где нет городских построек, можно видеть обширные поля кладбищ, покрытые вертикально стоящими стелами. А сколько кладбищ уничтожено! Даже дворцовые постройки Нарын-калы строились из могильных плит. О многих местных кладбищах уже во времена Адама Олеария ходили легенды. Особенно много рассказов связано с кладбищем Кырхляр. На нем, по преданиям, погребены те самые сорок мучеников-арабов, которые погибли в VII веке в борьбе с «неверными» дербентцами и хазарами, неся светоч новой веры — ислам. И сейчас можно видеть несколько сундукообразных каменных памятников, которые окружены оградой. Возле могил «мучеников» стоит каменное сооружение с нишей, в которую верующие кладут приношения. Ветви кустарника, растущего среди могил, увешаны обрывками тряпок. Значит, приходившие к этому священному месту что-то просили и оставили как напоминание о своей просьбе и как своеобразное пожертвование лоскуток от своего платья. В XVIII веке персы считали погребенных сынами своего народа, а армяне готовы были признать их своими, и даже русский кунец Федор Котов поклонился могилам, выезжая из Дербента.

Вокруг лес памятников. Орнамент и надписи на них скрывают за сухостью строк жизнь и дела многих сотен людей. Пустынно на кладбищах, только к могилам «сорока» протоптаны тропинки. Да иногда туристы осматривают восьмиугольный мавзолей Тути-Бикэ, правившей Дербентом в конце XVIII века.

История Дербента увлекательна, не торопитесь покинуть его.

7. По горам и селениям

Казалось бы, Дагестан — один-единственный для всех дагестанцев. И все-таки у каждого дагестанца он свой.

Расул Гамзатов. 1968 г.

Когда приближаешься к горам, они уже не кажутся синими. Теперь заметны отдельные края, утесы и скалы. У них свои очертания и свой цвет. И в какую бы часть горного Дагестана вы ни поехали, вас поразят необычные краски природы, чеканные силуэты аулов, яркая свежесть горской мелодии и задумчивая плавность орнамента. И хочется понять звучную тишину гор, ритмическую красоту местной архитектуры и душу народа, что нашла отражение в ковровых узорах, каменной вязи надгробий и в штрихе на пастушеском посохе.

Вероятно, ваш путь будет прежде всего в центральную часть Дагестана. Постепенно набирая высоту, оставив позади Буйнакск, вы будете ехать новыми дорогами, покрытыми асфальтом и снабженными указателями. Но это не дороги Подмосковья, несущиеся вперед и вперед, и не дороги соседней Чечено-Ингушетии, даже высеченные в скалах, но плавно огибающие долины рек. Здесь, в Дагестане, это подъемы и спуски, бесконечные зигзаги серпантинов. И сверху многочисленных перевалов, как на рельефной карте, видны в туманной дымке ущелья, которые проехала уже ваша машина, а впереди тонкими штрихами, пересекая гряды вздыбленных гор, проходит та часть дороги, которую еще предстоит преодолеть. Плывут облака, они захватывают горы, и рельефная картина, перечеркнутая ими, исчезает. Дагестан — страна удивительных контрастов при необычайной гармонии красок.

После нескольких кумыкских селений, обширных, зеленых, с прекрасными домами, пойдут селения даргинцев. Желтая тональность кумыкских нагорий, вобравшая солнечный сухой колорит степей, постепенно сменится молочно-розовой, голубой. Здесь царство мергеля. Из этого камня высятся скалы, из него сложены жилые постройки. Дали тут необычайно мягки, и зелень бесчисленных абрикосовых садов кажется на этом фоне синей. Да и тени цвета чуть ли не чистого ультрамарина. Так их писал художник Е. Е. Лансере — Дагестану он посвящал лучшие годы своего творчества.

Я не буду последовательно останавливаться на описании отдельных селений. Их достопримечательности отмечены в специальных путеводителях. Мне хотелось бы обратить внимание на некоторые факты истории и культуры населения гор, на неповторимый колорит местных аулов.

Вокруг огромного округлого холма, что издали похож на каравай хлеба, расположилось селение Леваша. Это почти город. Здесь в 1920 году проходил съезд горской бедноты, который возглавлял Серго Орджоникидзе. В 1928 году Леваша посетил М. И. Калинин. Он много выступал, и его добрые слова были понятны людям. Михаил Иванович видел одну из задач культурной революции в овладении народом грамотностью. И он считал, что когда население станет грамотным, то можно ожидать перехода количества в качество — элементарная грамотность станет политической дальновидностью, стремлением жить по-новому.

К долине Казикумухского Койсу прижалось селение Хаджалмахи — родина многих ученых и героев гражданской и Великой Отечественной войн. Вдоль реки вытянулись его многокилометровые сады. Возле моста река Койсу заглушает человеческий голос. Скалы здесь сблизились, их можно перешагнуть, а в глубине расщелины мечется зажатая камнем река.

Углубляемся дальше в горы. Глыбами известняка, обточенной водой, укрыто селение Кулпа. Справа старая часть аула. Здесь балками поддерживаются сакли, которые лепятся по скалам над полотном дороги. А новые дома с двускатными крышами, блестя оцинкованной жестию, украшенные лоджиями со множеством полуциркульных арок, радуют глаз добротной опрятностью. Фоном им служат серые скальные надолбы, острыми зубьями врезавшиеся в небо.

*Старая часть селения
Куппа*

Каждое даргинское село обладает своей красочной гаммой: желто-золотистыми тонами окрашены улочки Акушей; белыми с контрастной светотенью выглядят постройки Цудахара; серо-фиолетовыми кажутся селения Маджалис и Муги.

В середине века на территории, занятой даргинцами, существовали «вольные» общества и Кайтакское уцмийство (оно подчинялось феодалу-уцмию). В «вольных» обществах «все были равны всем», в них не было делений на знатных и чернь. Но это была только лишь видимость. Основным личным достоинством в этих «обществах» почитались не мудрость и храбрость, а прежде всего богатство. Чем больше скота, тем больше почета. И неплохо иметь «влиятельную» родню. Вес человеческой личности терялся, низко падал при отсутствии таких «качеств». Вот и получалось, что Акушинским обществом фактически правил кадий — духовное лицо, обладавшее значи-

тельным богатством. В соседнем с «вольным» обществом Кайтакском уцмийстве власть уцмий была наследной. Он был полновластным господином.

Трудно жилось простому народу в те годы. Надо было молчать, глядя на несправедливость. Известный даргинский поэт Батырай (1831—1910) не хотел молчать. Ему запрещали петь песни, а если он все же их пел, то платил штраф — одного быка. И вот рассказывают: «Однажды в праздник народ вспомнил о своем поэте, и молодежь, решив послушать его песни, вскладчину купила быка. Друзья вызвали Батырая. «Пой! — сказали ему. — Черт с ним, с запретом, штрафной бык — вот он, уже стоит, купленный нами вскладчину...»⁷². И поэт, выйдя на гимай (площадь) аула Урахи, пел, мечтая вслух:

«Мне б штрафных быков иметь
Больше, чем седых волос,
Чтоб старшинам Урахи
Каждый день давать троих!»

И часто у даргинцев хорошую песню, кто бы ее ни сочинил, принято приписывать по традиции Батыраю.

Большинство даргинских селений довольно древние. Самая скученная часть аула, прислоненная к скалам или вытянувшаяся вдоль обрыва, — это и есть основное, старейшее его ядро. Из-за нехватки земельных угодий под села шли бросовые земли. И каждый аул являлся своеобразной крепостью, так как междоусобицы были частым явлением. Писатели XIX века пишут, что горные селения имели въездные ворота, которые на ночь запирались.

Учитывалось и то, чтобы место для поселения находилось близ воды и хорошо обогревалось солнцем. Этнографы думают, что здесь могла сказаться и та роль, которую играло солнце в верованиях даргинцев. Сравнение с солнцем было самым ярким, значительным, а клятва его светозарностью самой надежной. Но, наверно, не только солнечный культ руководил выбором места под жилье. В горах почти нет топлива, его заменяют кизяком (высушенным навозом, который складывают в аккуратные штабельки), и естественный пригрев солнца был немаловажен в таких условиях.

Много преданий связано с возникновением отдельных селений. Вот на Казикумухском Койсу стоит селение

Цудахар. Говорят, его построили братья с сестрой и ее женихом. Они бежали из родного села, так как там властвовал хан, не пропускавший случая воспользоваться правом первой ночи. Над шалашом беглецов за ночь свила свое гнездо ласточка. Это было хорошим предзнаменованием, и решено было здесь обосноваться. В дальнейшем каждая семья цудахарцев, имевшая несколько сыновей выделяла юношу, чтобы тот селился в ближайших окрестностях. Так образовались отселки — махи, служившие заградительными пунктами на пути к Цудахару. Возможно, что тогда же, в период укрепления обороноспособности отдельных обществ, возникли боевые башни: четырехугольные (селения Киша, Зубанчи) и круглые (селение Ицари).

Этнограф М.-З. Османов установил, что древнейшим даргинским жилищем является однокомнатная постройка. Подобный дом реконструирован. Он имел площадь до 45 кв. м. В дом вела массивная двустворчатая дверь с высоким порогом, в нем делали «продух», чтобы могла свободно пройти кошка. Налево от входа возвышался камин конусообразной формы. Его украшали лепными узорами и полками. Здесь стояли бронзовые литые и глиняные светильники — чирахи (по форме они напоминают античные лампы). В наиболее древних домах: имелся открытый очаг, тогда в потолке прорубали дымоходное отверстие, а к потолку приделывали перегородку она задерживала дым и отделяла очаг от главной части сакли. Над очагом висела цепь с котлом. На специальных нарах была сложена постель, на протянутые веревки и жерди перекидывали одежду и паласы.

В центре старого дома всегда стоял резной деревянный столб. Его капитель была сделана из двух симметричных округлых выступов — волют. Они напоминают круто заломленные бараньи рога. «Центральный столб играл важную роль в жизни семьи, на нем висело оружие, вырезали имена предков, записывали даты рождения детей, по мере их роста делали зарубки, записывали дату строительства дома»⁷³.

В условиях гор, где безземелье сопутствует скалам, лощинам, жилье вытягивалось в высоту, лишь бы поменьше занимать места. Даргинцы обычно строили многоэтажные дома. Внизу держали скот, этажом выше хранили сено, а на самом верху жило семейство. Такая традиция сохраняется и сейчас.

Даргинцы, как и другие горцы Дагестана, дома строи

*Центральная часть
селения Чох*

ли тщательно и прочно. Окна делали так, чтобы они не могли выходить на чужой двор, иначе сосед, обиженный таким вторжением, мог их заложить. Большое значение придавали входным дверям. На них вырезали узоры и знаки в виде крестов, спиралей, кругов, изображали ладони, надеясь на изобилие и благополучие в доме, на его неприкосновенность. И сейчас большое внимание уделяется красоте дверей и ворот. Среди резьбы на них можно найти имя владельца и дату строительства.

Все строительство в основном велось из камня — в этой части Дагестана леса почти нет. Крыши и перекрытия между этажами застилали плитами сланца; арочными конструкциями, искусно сделанными из блоков плотного известняка и мергеля, заменяли опорные балки и прогоны. Вот почему обилие арок с центральным клинчатым камнем так характерно для Дагестана. У других народов Северного Кавказа они используются намного реже.

На улице селения Чох

Стены жилых построек иногда оживлены несколько необычными вставками. На них можно видеть каменные кольца, высеченные вместе с дужкой из монолита. Это своеобразный показатель мастерства каменщика и одновременно знак прочности. Дома украшали выемчатыми крестами, рядами декоративных консолей, изображениями лабиринтов, да и раковины аммонитов в стенах домов, закрученные в тугую спираль, вероятно, тоже исполняли функции все тех же лабиринтов, чтобы нечистая сила запуталась в витках и не смогла осквернить постройку.

В старину вселение в новый дом сопровождалось молениями, обращенными к божествам, в том числе и к солнцу, и к духам-покровителям. Затем в домашнем очаге разводили первый огонь. Жар приносили из дома ближайшего родственника, и тем самым сохранялась общность огня. И так было у всех горцев Дагестана. Тут и

вера в чудодейственную силу огня — нерушимость домашнего очага, и то глубокое чувство родственности, которое выковывалось веками.

Сейчас жилище даргинцев — это благоустроенный дом, чистый, светлый, блистающий широкими окнами. Все жестяные части его (водосливы, трубы, «подзоры») покрыты сквозным узором. Комнаты обставлены современной мебелью, и лишь на специальных полках можно видеть старую медную и фаянсовую посуду. И ковры. Они придают интерьеру жилья уют и ценимую здесь яркую узорчатость.

Скалы становятся более изрезанными, пейзаж еще грандиознее и суше, более пасмурны его краски — серо-желтые, дымчатые.

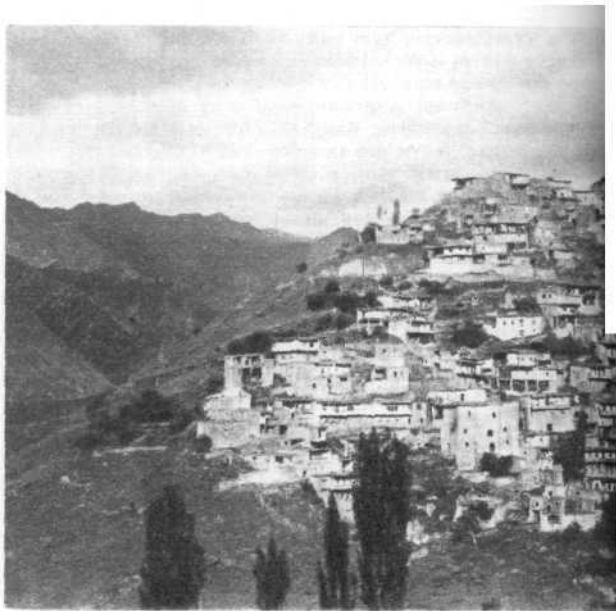
Мы в Аварии. Здесь трудно найти ровную площадку — склоны круто убегают вниз, прерываются у обрывов скал и снова, «набирая скорость», стремятся ко дну ущелий. Теперь, когда горы в разных направлениях пересекают многочисленные дороги, по их обочинам уже не так часто встречаются дорожные домики, но еще лет десять тому назад эти постройки были крайне необходимым элементом местного пейзажа. В них можно было передохнуть, разжечь огонь. И каждый, уходя, стремился оставить после себя что-нибудь полезное для другого путника — спички, соль, несколько сухих веток.

Нельзя насмотреться на неповторимую многоплановость природных композиций в этой части Дагестана.

Коричнево-серой сумрачной громадой кажется издали аул Чох. От небольшой площади в нижней части разбегаются улочки в разные стороны. Дома с многочисленными арками громоздятся, забираясь вверх, тонкими струйками тянется к небу горьковатый дымок. Хозяйки готовят завтрак.

Но вот в оконных стеклах забились лучи солнца, мрачные краски сменились яркими, сочными. И с радостью ощущаешь и свежую прохладу горного воздуха, и добродушные звуки аульской жизни: людские голоса, блеяние овец, частые хлопки мотоцикла.

Селение Согратль появляется сразу из-за поворота. Его желто-охристые домики, увенчанные минаретом мечети, ритмично поднимаются по склону горы вверх. Они окружены массивными конусами кражей. И там, где просвет между ними, видно прикрытое облаками плоскогорье. Здесь в 1741 году были разбиты горцами полчища Надир-шаха. Это он велел насыпать в Дербен-

те гору из человеческих глаз. После битвы Дагестан стал для него «областью несчастий».

Селение Кикунь издали совершенно незаметно. Оно скрылось за зубчатой линией скал. Но стоит их обойти, и вы увидите, как жилые постройки многоэтажной стеной поднимаются к скалистым вершинам.

Неприступными замками кажутся издали аулы Тидиб и Урада. Многоэтажные дома-крепости и башни венчают верхнюю часть селения. Черные провалы лоджий еще более подчеркивают мрачность построек, а внизу, среди зелени фруктовых садов и пирамидальных тополей, радостные, светлые домики — это современные части аулов. Жители даже в пределах одного поселка стремятся жить проторно, красиво и переселяются к долинам рек, где рельеф поспокойнее и нет головокружных подъемов. Здесь, в Гидатлинской долине, это особенно заметно.

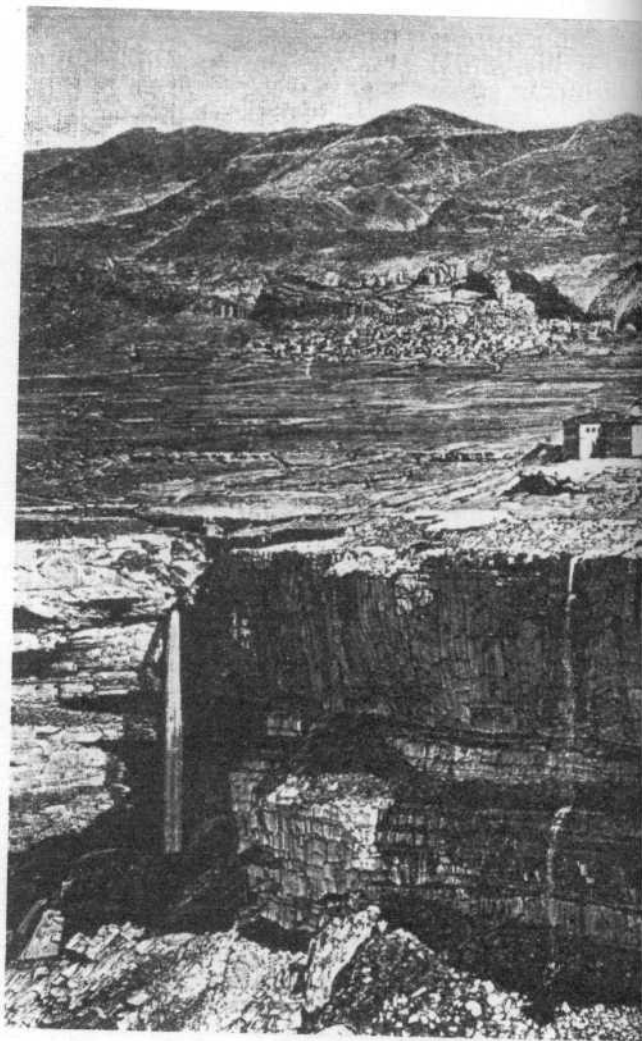

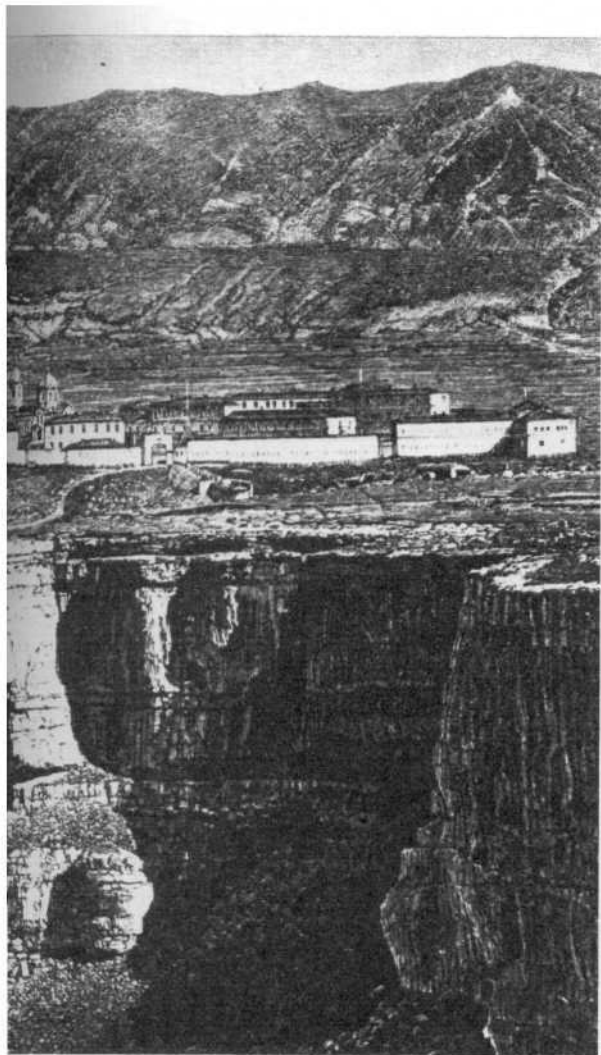
Селение Урада

*Хунзах. Крепость
в местности Арани.
Гравюра XIX века
(по А. П. Андрееву)*

Но вот мы подъезжаем к селению Хунзах с той стороны, где река Тобот красивым водопадом на 70 м низвергается вниз, ко дну лощины. На огромном Хунзахском плато чувствуешь себя так, как будто попал далеко на север: слабо холмистая местность, кое-где выступают скалистые пролысины. Здесь гуляет ветер, обдувая окрестные селения. А если подойти к каменным уступам Чинна, то иллюзия равнины исчезает — обрыв отвесно падает вниз, под ногами лежит рельефная карта гор. Но это не карта, это реальные горы, подернутые опаловой дымкой. Вон бежит дорога к Гунибу, а там в полотнищах облаков виден Кегер (Турчидаг), а в стороне, почти сливаясь с небом, искрится снегами Диклос-Мта, за ней — Грузия. И если под шум водопадов спуститься вниз, в глубокую лощину, то попадешь в селение Хини — тут растут фруктовые деревья, жужжат пчелы, даже не верится, что рядом суровый Хунзах.

Селение Гоор

*Башня в селении Тидиб.
Фотография 1937 г.*

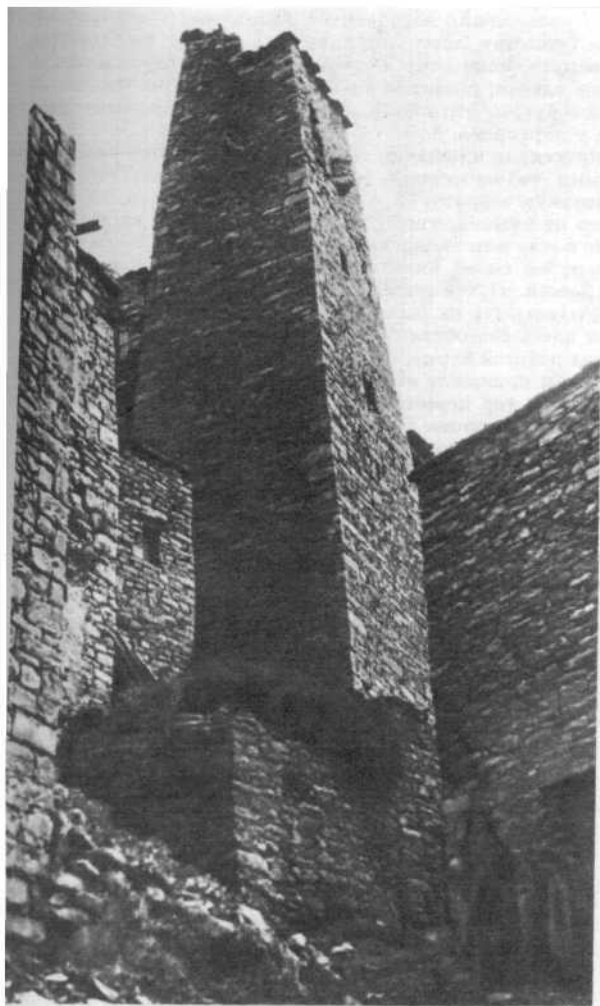

Теперь Хунзах имеет вид города, светлого, веселого. А еще относительно недавно он являлся резиденцией ханов. Здесь суд и расправа чинились по их усмотрению. Во всех делах ханам помогало духовенство.

На Хунзахском плато хорошо сохранилась русская крепость. Она построена во второй половине XIX века в местности Арани. В ней, как рассказывал историк и археолог Д. М. Атаев, доживали свой век некоторые декабристы. В 1906—1907 годах здесь находились сосланные матросы с броненосца «Потемкин». А в годы гражданской войны в крепости отбивались от банд имама Гоцинского и полковника Алиханова местные партизаны во главе с Муслимом Атаевым.

Если вам удастся побывать в Хунзахе, то пойдите в селение Цада. Здесь сохранился дом Гамзата Цадасы, в нем родился известный советский поэт Расул Гамзатов.

Суров край, населенный аварцами и андоцезцами; но существу, здесь нет пахотных земель. Но оглянитесь вокруг: склоны гор изрезаны уступами, они, как лоскутное одеяло, покрыли на многие километры все покато-сти и бугры. Это террасовые поля. Их можно было видеть и у даргинцев, но в Аварии почти нет горы, чтобы ее не пересекали площадки террас. И каждое такое поле — это гимн человеческому труду. Чтобы сделать самую маленькую террасу, надо было выровнять склон, освободить его от камней, укрепить края и принести на своей спине почву или удобрение и уже потом жить надеждой, что поле не смоем ливень, не уничтожит обвал и оно даст урожай. Путешественников всегда поражали эти поля. Возделывать их было крайне трудно, недаром существу-ет здесь своеобразный анекдот, когда горец, сбросив пе-ред работой бурку, не мог найти своего поля — бурка це-ликом прикрыла его. Сейчас многие такие поля пустуют, жители гор переселяются на благодатную равнину.

Жизнь горцев была трудной, особенно у подданных аварских ханов. Но и в вольных обществах — Гумбет Хиндалал, Койсубулу, Андалал, Гидатль, Дидо и дру-гих — ненамного вольготнее. Недаром поэт, известный под прозвищем Магомед из Тлоха, в своей песне мечта-ет «убить» бедность.

Междоусобицы и частые столкновения с Грузией на пограничных с Дагестаном землях (по Главному хребту) заставляли горцев селиться среди сланцевых осыпей и скал, возводить оборонительные башни. Строили их и дагестанцы и грузины над дорогами, у входа в ущелья по гребням гор. Ими контролировались подступы к Ава-рии. Башни можно встретить и на границах между воль-ными обществами. Одна из таких башен у аула Муни (по Андийскому Койсу) являлась «пограничной» межд; обществами Технуца и Тлох. Башни стоят и среди сель-ских построек. Особенно много их в Советском район-е (аулы Тидиб, Гоор, Урада, Хотода и др.). Здесь они обра-зуют исключительно живописные группы. Увы, пока-еще не налажена достойная их охрана.

Этнографы считают, что в башнях, оснащенных бой-ницами, отсиживались во время междоусобиц, вызван-ных кровной местью. Такие столкновения иногда охва-тывали несколько сел, и «осадное сидение» становилось-необходимостью. Вот, например, что сказано в законах-осуществляемых по обычаю (адату), принятому у жите-лей Андалала: «Если произойдет драка и убийство меж-

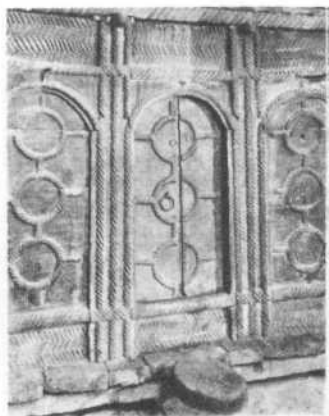

Селение Ругуджа. Деталь башни с «кукби» и прорезным крестом

ду жителем нашего селения и жителем не нашего селения и наше селение подвергнется насилию, то мы его без помощи не оставим. Если подвергнется насилию не наше селение, то мы и его избавим от насилия и окажем ему помощь»⁷⁴.

Как видим, жители Согратля, Чоха, Ругуджи и еще семнадцати других селений, входивших в Андалал, были готовы к войне и брали на себя нелегкие обязательства.

Внутриаульские башни четырехугольны (лишь в Хушгаде стоит круглая башня), сверху они суживаются. У них плоское перекрытие. Интересна башня в верхней части селения Ругуджа (принадлежит Гаджи Мусаеву). Ширина ее у основания около шести метров. Башня имеет пять этажей. Два окна с фасада замкнуты камнями, из которых высечены полуциркульные арки. Над верхним окном висит каменное кольцо. Башня украшена камен-

*Селение Корода. Резной
цагур*

ными рифлеными выпуклостями — «кукби», которые изображают женские груди. «Кукби» символически обозначали пожелание благополучия, обильной жизни в доме. Почитание символической женской груди, как и материнского молока, было широко распространено среди аварцев⁷⁵.

Сейчас далеко не все жители знают, как возникли и селения. Этнографу А. И. Исламмагомедову удалось установить процесс сложения крупных сел. Так, Чох, который раньше назывался Сагульма, возник из одиннадцати аулов, и сделано это было якобы по требованию легендарного Абу-Муслима. Ругуджа объединяет в себе потомков жителей двенадцати различных селений. Там образовались крупные селения — росó, а из них в свою очередь выделились мелкие хуторки.

В аулах аварцев иногда еще встречаются простые конструкции однокамерные дома. Таков дом А. Нуха

*Селение Согратль.
Каменные кольца
над входом в дом*

лова в ауле Тидиб. Задней стеной ему служит скала. Возле был устроен цагур — ларь со множеством отделений. В них хранилось продовольствие. Невысокой резной перегородкой, стоящей у опорного столба, ларь отделен от комнаты⁷⁶. Устройство дома напоминает однокомнатную даргинскую постройку. Цагуры сохранились в селениях Корода, Мачада, Урада и других. Здесь общность культуры дагестанцев сказывается во многих деталях.

В наиболее древних однокомнатных помещениях жили «большие семьи» — родители и их дети со своими семьями, а затем появилось стремление создать дом для отдельной парной семьи. Так возникли многоэтажные здания или двухэтажные постройки со множеством комнат.

Однако еще точно не установлен возраст многих старых построек, не изучены их детали. Главное сейчас их

сохранить. Я бы поручил «шефство» над такими зданиями местным школьникам, а затем превратил бы их в музей, ведь эти незаметные сейчас две-три постройки некогда были характерными для всего села.

Не менее важна работа по изучению характерных черт жилой архитектуры тех малых народов, которые постепенно сливаются с аварцами (андийцы, каратинцы, тиндалы, багулалы и др.). Такую работу предпринял в 1948 году историк архитектуры Г. Я. Мовчан, а сейчас этим занят А. И. Исламмагомедов. Уже выявлены архитектурные формы, уходящие в древность и характерные для названных народов. Таковы полуземлянки с дымовым отверстием в крыше (у андийцев). С фасада такие дома имели деревянные галереи. Каратинцы под жилой частью дома устраивали подвальные хлевы, которые освещались через продухи. Трехэтажные приземистые дома (хлев — сеновал — жилье) строили тиндалы, а бутлихцы — двухэтажные жилища (хлев внизу) с массивными балконами, которые выносили на консольных балках перед фасадом. Сейчас в селении Ботлих такие балконы уже исчезают, а ведь в летнюю жару они приносили благодатную тень. Выносные балконы характерны и для дидоев. Ахвахи (селения Кудияб-Росо, Изани) создавали дома-башни с глубокими лоджиями¹⁷. Здесь не перечислить все вариации жилых построек. Но можно заметить, что единые строительные приемы, известные по архитектурным остаткам III—II тысячелетий до н. э. почти во всем Дагестане, к средним векам были нарушены и у каждого народа приобрели свои характерные черты.

Красочна и неисчерпаемо декоративна горская архитектура. Простыми средствами часто достигается исключительный эффект в игре светотени, в выявлении грандиозности и мощи построек. Тут и изменения характера кладки, и выступающие ребрами каменные тяги, отделяющие этажи, и ряды зигзагов из косо поставленных камней. Стены домов оживляются каменными кольцами и неожиданными вставками из речных галек и сланцевых плит. Они и своим серо-стальным цветом отличаются от охристого тона построек. К сказанному можно добавить выпуклости «кукби», прорезные продухи в виде крестиков и треугольников. Наружные стены зданий декорированы скупой, но бережной резьбой. Строители словно боялись излишней нарядностью построек снизить впечатление их монументальности. Декор внутренних помещений богат. Это резной «цагур», резной диван, а

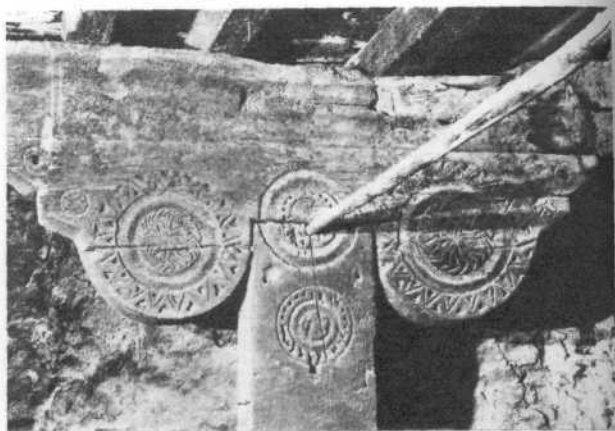

*Селение Чох. Декор
арочной конструкции*

главное — центральный столб жилища с волютными капителями. Его называли «корневым», и он символизировал единство и мощь семьи. Повредить столб — все равно что оскорбить хозяев дома. При переездах его старались увезти с собой, а купить дом вместе со столбом означало удвоить собственные силы. Прекрасные образцы таких столбов издал П. М. Дебиров⁷⁸.

Чтобы завершить описание жилых построек в центральном Дагестане, нужно вспомнить о петроглифах — камнях с изображениями. На них можно видеть кресты, свастики, спирали, лабиринты, изображения солнца, звезд, человеческих рук, фигуры людей и животных.

Петроглифы встречаются и на могильных плитах, и на стенах мечетей. Многие из них напоминают те знаки, которые вырезаны на входных дверях и корневом столбе дома. Интересно, что петроглифы встречаются и в соседней Чечено-Ингушетии, и в Северной Осетии. При

*Селение Мачада.
Корневой столб*

сходстве изображений, характерных для петроглифов этих земель, имеются и отличия. Эти рисунки были сделаны не ради забавы, а несли важную смысловую нагрузку. Действительно, изучение их показывает, что петроглифы высекали с надеждой на помощь чудесных сил на обилие, удачу, успешность во всех делах, а изображение ладони, часто встречаемое на камнях, является оберегом, оно словно напоминает — «не тронь!». Если от печаток руки высечен у входа, то это рука мастера строителя, и он своей десницей утверждает надежность постройки. Петроглифы создают мерцающую игру света на глади стен, оживляют их.

В селении Ругуджа можно видеть довольно поздние рельефы, на которых высечена битва человека с львино подобными существами, сцены противостояний и лабиринты. Связь этих рельефов XIX века со средневековыми петроглифами несомненна, они построены по тем же ком

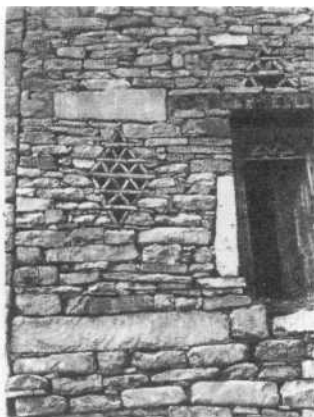

*Селение Корода.
Корневой столб*

позиционным законам — с элементами симметрии, сопоставления пустых и заполненных мест, да и сам сюжет явно связан с мистическим смыслом древних петроглифов. Отмечу, что в аварских домах иногда карнизы крыш поддерживаются консолями, которым придана уже знакомая нам форма головы дракона с жалом и зубами — явно сказочный персонаж, должный охранять постройку. В Согратле мечеть украшена межэтажной тягой. К ней пристроены водостоки в виде подобных химер.

Современное жилище аварцев мало чем отличается от построек других народов Дагестана. Исчезают плоские крыши, которые нужно было подправлять после каждого сильного дождя. Появилось стремление спуститься с круч на места поровнее и поближе к воде. Иногда говорят, что такие «тенденции» приведут к потере местного колорита и дагестанское село станет малоинтересным. Я с этим не согласен. Зелень, цветы, личные вкусы в пла-

Селение Урада. Наружный декор постройки с петроглифом

нировке и декорировке зданий сделают свое дело — аулы Дагестана сохраняют и красоту, и неповторимый колорит. Уже сейчас заметно стремление к необычно красочному оформлению ворот. А порталы современных домов! Пройдитесь хотя бы по селениям Гергебиль, Бацада, Вотлих, Гоцатль, Чох, Согратль (тут можно перечислить почти все аулы аварцев) — и вы увидите, как красивы новые жилые дома. Входные проемы украшены арками, стены покрыты резными камнями, а иногда и вставками со стилизованными изображениями голов различных животных, орнаментальные кронштейны поддерживают балконы, рифленые пилястры членят стены построек. Часто эти декоративные детали расписаны красками, гармоничными, неяркими. К тому же почти в каждом селе сейчас стоят памятники героям, павшим в гражданскую и Великую Отечественную войны, а также выдающимся людям труда. Им посвящены и монументальные обелиски,

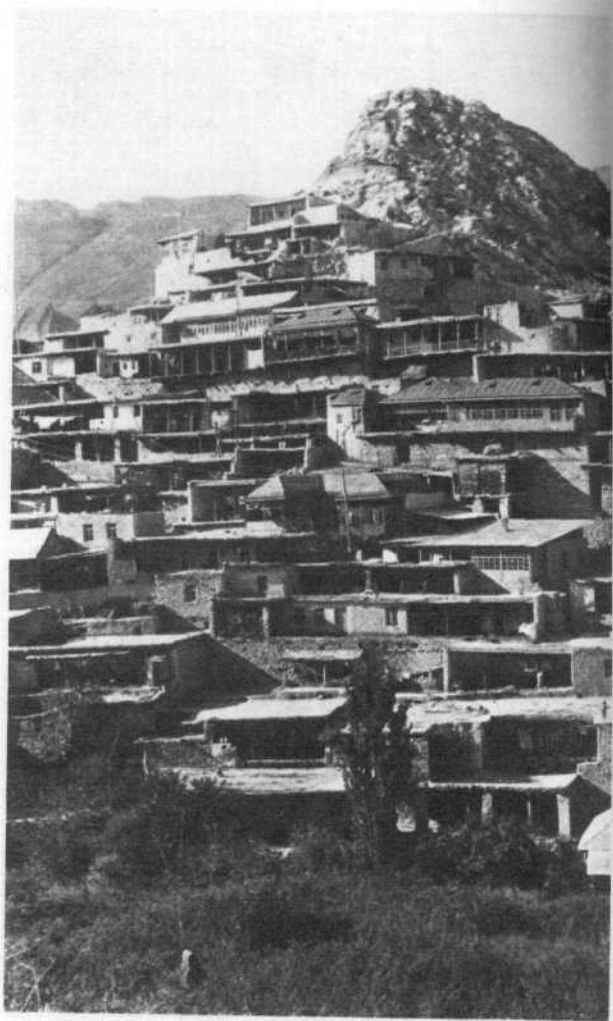

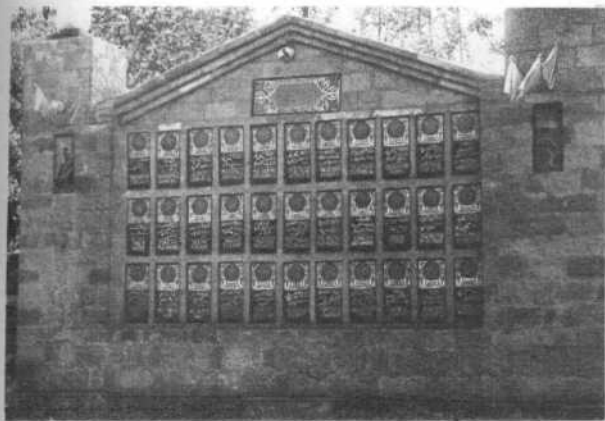
*Селение Ругуджа. Рельеф
с петроглифическим
сюжетом*

и родники, и традиционные скульптурные изображения. Так, например, в Тидибе у входа в село возвышается трехъярусная памятная стела.

В 1948 году с художником кумыкского театра Владимиром Васильевичем Крюковым шли мы пешком из Гуньба в Кумух (бывш. Кази-Кумух). Узкая тропа огибала Турчидаг. Но вот горы стали расступаться, и наш попутчик, старик чабан, махнул рукой вперед и сказал: «Тумал». Это означало, что там живут лакцы. Впереди — высокие горы в бархате трав. Это была Лаккванну — страна лакцев, а за ней висели в воздухе снежные шапки, осенявшие южную часть Дагестана.

Мы стали спускаться вниз, тропа вела нас мимо селений Варай и Убры, и вот Кумух. В центре его небольшой пруд в окружении пирамидальных тополей. У здания лакского драматического театра толпятся приодетые люди. Над селом возвышаются остатки старинной кре-

*Нижняя часть селения
Кикунь*

*Селение Тидиб.
Современная памятная
стела*

пости Бургайкала, а на окраине, в голубом ущелье, угрюмо несет свои темные воды Казикумухское Койсу.

Красива страна лакцев. Темно-желтые скалы окружают селение Вицхи, взгляд поднимается вверх, окидывая постройки селения Кара, среди огромного числа террасовых полей светлой полоской кажется селение Вихли.

Сложна история лакского народа. Здесь в V—X веках находилось государственное объединение Гумик (Туман), упоминаемое в литературных источниках. Позже образовалось Казикумухское шамхальство. В XIII—XV веках страна лакцев подверглась нападению монгольских кочевников. Шамхалы порой поддерживали их интересы, а народ всегда был против незваных пришельцев. Ведь недаром до сих пор рассказывают в горах эпическую поэму о Парту Патимат, возглавившей борьбу с ордами Тимура. В 1640 году шамхальство было уничтожено,

*Селение Хив.
Старинный минарет*

управление перешло к хахлавчи — начальникам народных ополчений. В 1740 году Кумух был взят правителем Ирана Надир-шахом, а на следующий год он потерпел поражение под Согратлем. В битве принимали участие и лакцы. Затем страной управляли местные ханы.

Лакские аулы похожи на другие селения Дагестана. Однако в них можно подметить интересные архитектурные детали. Здесь чаще, чем в других местах, встречаются лестницы оригинального устройства: в глухую стену по диагонали вставлены каменные плиты, и расположены они одна над другой. Над домами можно видеть слегка выступающие каменные навесы — «kozyрьки». В селении Бурши сто двенадцать затемненных арочных переходов. Подобные переходы можно видеть и в аварских селениях, но все же, пожалуй, не в таком количестве.

Кумух, возникший на месте поля, где собирались старейшины, быстро стал богатым аулом. Местная знать

*Селение Хучни.
Старинная резная
коробка дверей*

стремилась пышно украсить свои сакли. В стены их домов вделаны орнаментированные изразцы, сланцевые плитки с изречениями из Корана, в окна вставлены пропиленные деревянные филенки с замысловатым эпиграфическим (буквенным) орнаментом. Более старые дома украшены петроглифами.

Лакские селения делились в старину на кварталы — махла, при них имелись мечети и кладбище. Сейчас подобные деления почти не сохранились, но старики по-прежнему собираются на бывших площадках при мечетях, как и сотни лет тому назад, чтобы обсудить новости, встретиться с друзьями.

Дорога в южную часть Дагестана вначале идет по приморской равнине, затем она сворачивает вправо, и среди зарослей мощных деревьев то появляется, то исче-

зает река Гюльгерычай. Касумкент — это небольшой город и, пожалуй, одно из самых крупных селений в южном Дагестане. Неподалеку находится Ашага-Стал — родина поэта-ашуга Сулеймана Стальского.

Незаметно, проехав несколько поселков, попадаем в селение Хив. Здесь живут табасараны. В этом селе удивительным образом прошлое сочетается с новым. На круглом основании старинного мечетного минарета водружена антенна, а вокруг почти вросших в землю фигурных коновязей расположились постройки с широченными окнами. Вероятно, в средние века тут собирались сходки с большим числом приезжих.

Дальше к Тпигу (центр агулов) дорога становится труднее. Внизу среди валунов бьется, образуя каскады, быстрая Чирахчай. Мы едем монгольским ущельем (могодере). Этим ущельем, говорят предания, монголы пытались проникнуть в глубь гор.

Если бы мы не повернули к Касумкенту, а проехали к долине реки Самур, самой широкой в этих местах, то дорога привела бы нас к крупному селению лезгин — Ахты. Здесь горы с каждым поворотом становятся выше и выше. Иногда сквозь серые полотнища облаков виднеются белые граки снежников Шалбуздага (4149 м). Сотни лет к «пирам» — священным местам этой горы — люди протаптывали тропинки, вымаливая счастья и богатства, исцеления, очищения от грехов. Семикратное восхождение на Шалбуздаг приравнивалось к паломничеству в Мекку — родной город пророка Мухаммеда.

Местные жители считают Ахты городом. Очевидно, скоро так оно и будет. В Ахтах мощные улицы, скверы. В одном из них стоит памятник прославленному летчику — Герою Советского Союза Валентину Эмиру (скульптор Х. Н. Аскар-Сарыджа). Мечеть переоборудована под музей. Над его организацией много потрудились краевед Магомед Исакович Исаков и местные энтузиасты Нурутдин Ахмедович Дагларов с сыном Фикретом.

Некогда лезгины и близкие им народы (табасаранцы, агулы, рутулы, цахуры) также образовывали «вольные общества», а в начале XIX века территория, занятая низовьем Самура и бассейном Курах-Чая, входила в Кюринское ханство (центр — Курах).

Жители южного Дагестана создали своеобразную архитектуру. В Табасаране, где речные долины ограничены большими участками лесов, в зодчестве много деревянных конструкций. Старые двухэтажные дома табасаран-

цев сложены из камня, но они прослоены горизонтальными прокладками из дерева и внешне выглядят очень красиво: золотистый песчаник кладки оттеняется тремя-четырьмя тонкими полосами дерева, которые проходят через весь дом. Сдвоенные окна и аркообразной формы двери заключены в массивные резные коробки. Их покрывает резьба в виде заходящих друг за друга колец, ромбов, жгутов и «морских узлов», узор напоминает русскую плетенку. Верхнюю часть здания завершает карниз с деревянными консолями, они выступают более чем на полметра и украшены волютами (завитками). Историки архитектуры С. О. Хан-Магомедов и Г. Н. Любимова отмечают композиционную асимметричность старых построек табасаранцев. У мастера не было предварительного плана, как будет выглядеть его постройка; ее фасад создавался в процессе строительства. Лишь со временем выработался канонический тип здания, когда уже «симметрия является почти синонимом красоты».

Внутри жилых комнат потолок пропитывали нефтью, а стены белили, поэтому интерьер «отличался интересным цветовым колоритом: черный потолок, яркие ковры и паласы на полу и белые стены, в нишах которых лежали пестрые постельные принадлежности и стояла глиняная и металлическая посуда». Внутреннее убранство комнаты было «рассчитано на низкую точку зрения (человека, сидящего на ковре)», что влияло на «расположение отдельных деталей, и обработку камня, и высоту подоконников»¹⁹.

Агульские селения занимают четыре глубоких ущелья — дере, расположенных вокруг главного центра — селения Тниг. Здесь снова царство камня и сланца и постройки воздвигнуты из камня. Они достигают иногда трех-четырёх этажей, снова арочные конструкции, узкие переходы между домами, красивые улицы. В далекую старину «большая часть домов аулов не имела ни окон, ни печей. Свет проникал через маленькие четырехугольные отверстия в потолке, закрывавшиеся изнутри деревянными ставнями или заслонами»²⁰. Дома-крепости, которые выстояли против монголо-татарских полчищ в 1241 году, заменены сейчас новыми постройками.

Камень и скалы встречают путника в землях рутульцев и цахур (названия народов даны по названиям главных сел Рутул и Цахур). Остатки башен, прочные, почти циклопической кладки стены, предания и редкие надписи указывают на боевые встречи с врагами, стремление

сохранить и развить свою культуру. В Цахуре в конце XI века было построено медресе, при котором имелись факихи — ученые-правоведы. В районе Цахура и Мишлеша найдены строительные надписи X—XV веков. Все три народа — агулы, рутулы и цахуры — играли видную роль в средневековой культуре Дагестана.

Расположение лезгинских сел — и на равнине и высоко в горах (Старый Куруш стоит на высоте около 2800 м) — привело к разнообразию лезгинской архитектуры. В предгорьях и на равнине жилье издавна строили из самана, а в горах возводили каменные дома башенного типа с глухим фасадом и высоко поднятыми дверями (несколько ступеней вели к ним). За входом небольшие сени — почти не повернуться — это на всякий случай, чтобы недруг не мог применить огнестрельное оружие.

Сразу же за сенями — очаг с коническим вытяжным дымоходом. Окон не было, свет проникал из люков в потолке, падал на пол, устланный коврами. Этот основной тип дома дал затем варианты с окнами и лоджиями.

В лезгинских постройках арка играет немалую роль: она придает им и легкость, и вместе с тем прочность. Деревянные детали покрыты резьбой: преобладают спираль, зигзаг, но плетенки уже нет.

К арчинцам надо ехать из аварского селения Цуриц вдоль реки Рис-Ор. Арчинцев немного, живут они в ауле Арчиб (Арчи) и в семи хуторах. Их язык близок лезгинскому. Основное занятие их овцеводство.

Суровая горная природа привела к тому, что в старину между первым и вторым этажом арчинского жилища устраивалось своеобразное промежуточное помещение высотой в один метр. В нем спали зимой, так как сюда проникало тепло, идущее из овчарни, расположенной в первом этаже. Сейчас об этом только рассказывают.

Среди памятников дагестанского зодчества особенно занимают культовые постройки. О распространении христианства в Дагестане стало известно не так давно. Сейчас древние христианские кладбища обнаружены у селений Урада, Тидиб, Хунзах, Батлаич и др. Найдены также каменные кресты византийского типа. Особенно интересны кресты XIV века из местечка Галла (селение Геничутль) и из Хунзаха. На первом из них вырезана грузинская надпись: «Крест Христа, Господи, по милой душе Чахути», а на втором надпись на двух языках — грузинском и аварском, — в ней просьба о «помилвании детей». Слова с упоминанием детей написаны

*Селение Датуна.
Храм. X—XI вв.*

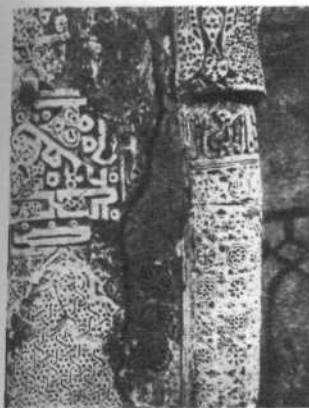
по-аварски, но грузинскими буквами. Вероятно, родителям хотелось, чтобы их просьба, обращенная к Христу и апостолам, была выражена на их родном языке.

Руины древних церквей обнаружены в Ураде, Тидибе, Гоцатле, Хини и других местах. Но особенно интересны два храма, обнаруженных Мурадом Гаджиевичем Магомедовым у селения Верхний Чирюрт на Сулаке. Относятся они к VI—VII векам, то есть ко времени ранних миссионерских попыток крестить и местное население, и хазар. Это низкие прямоугольные постройки с примитивными алтарями с восточной стороны, на которые были водружены каменные кресты. К более позднему времени относится небольшой храм грузинской постройки, приютившийся среди скал близ аварского аула Датуна (Датуни). Закругленная алтарная часть наружу не выдается, она вписана в прямоугольный план здания. И фасад его ничем не украшен, но ярко-желтая поверхность

этой устремленной ввысь постройки необыкновенно гармонично слита с окружающими скалами и небом, и можно надеяться, что этот шедевр архитектуры будет бережно охраняться местным населением. По преданиям, эта церковь функционировала долго и служители ее находились здесь почти до XVIII века. Однако христианское вероучение было воспринято горцами поверхностно. Оно уживалось с языческими верованиями. По-прежнему горцы почитали священные места, высекали петроглифы.

Ислам («покорность», «вручение себя аллаху») как особое вероучение в центральную часть Дагестана проникло поздно, а в предгорья и на равнину — намного раньше. Напомню, что уже в конце VII века Дербент был захвачен арабами. Они принесли сюда мусульманство. В X веке уже многие правители Дагестана приняли ислам, а затем постепенно это вероучение стало охватывать глубинные части страны⁶¹. Горцы стали мусульманами-суннитами, то есть они приняли то толкование мусульманства, при котором помимо безусловной веры в Коран необходимо подражать поступкам пророка Мухаммеда — его суннам.

Для усиления позиций ислама многое сделал Шамиль. Он требовал забыть обычаи и «взвешивать все поступки на весах шариата». Вот тогда, в XIX веке, было построено в Дагестане много мечетей. Обычно это удлиненной формы здания, на южной стороне которых делается апсидообразный выступ — михраб, указывающий молящимся кыблу — направление на Мекку, куда и должны быть обращены их лица. Однако в Дагестане известна целая серия и древних мечетей — X—XII веков. Мечеть рутульского аула Ихрек уже в 1017 году была восстановлена после разрушения. К X—XI векам относится постройка в селении Цахур. Но особенно известна мечеть в кайтагском (даргинском) ауле Кала-Корейш. Ее михраб и опорная колонна украшены резным орнаментом по стуку (штукатурке). В нем ясно видны элементы декора, идущие от древнего, еще ахеменидского Ирана, — это широкие стилизованные листья в виде пальметт, отдельные пересекающиеся «пальмовые ветви». Орнамент крупный, четкий. Резные двери этой же мечети, украшенные львами (они напоминают львов «саркофага» на кладбище того же селения), также несут иноземное — восточное влияние (по преданию, до того, как попасть в мечеть, они находились в языческом культовом здании селения Кубачи, а затем в знак победы

*Селение Кала-Корейш.
Мечеть. Деталь резьбы
по стучу
(по П. М. Дебирову)*

ислама были привезены в Кала-Корейш). Однако основная масса культовых построек выполнена в чисто местном колорите. Такова мечеть X—XI веков в лезгинском ауле Кара-Кюре. Опорные столбы ее наружного навеса и внутренние столбы, поставленные возле каменных колонн, формой и декором напоминают корневые столбы жилых построек, но они несколько легче, изящнее. Ранней постройкой является и мечеть в агульском ауле Рича, разрушенная татарами в 1239 году и затем восстановленная. Она разделена двумя рядами деревянных столбов на три продольные части. Столбы, двоянные окна и дверь покрыты живописным плетеным орнаментом.

С большим мастерством сложена купольная соборная мечеть в Кумухе. Она по своему типу близка Джумамечети Дербента и, очевидно, также не имела минарета. Внутреннее ее пространство (38×18 м) поддерживается стрельчатыми арками, которые опираются на че-

*Селение Урада.
Михрабная часть мечети*

тырнадцать столбов. Эту постройку можно отнести к XV веку.

К купольным мечетям относится и мечеть в Ахтах. Ее современный облик создан в XIX веке, возле нее стоял минарет из желтого камня.

Мечети в центральной части Дагестана интересны своими деталями. Опорные столбы в них украшены резьбой, ниши михраба — лепкой, а фасады часто покрыты петроглифами, лабиринтами, изображениями рук и даже выпуклостями-«кукби» (Ругуджа, Корода, Хпюг и др.). Это отголоски древних, еще домусульманских верований. Они должны были не только украшать мечети, но и придавать возносимым в них молитвам еще большую силу. А данью официальному исламу служили каменные рельефы с раскрашенными цитатами из Корана, вмонтированные в стены храмов. Большинство верующих не умело читать, а традиционные изображения в виде

лабиринтов, петроглифов, «кукби» и т. д. бывае ближе их душе.

Почти все мечети снабжены минаретами. Резко вклиниваясь в небо, они являются своеобразными ритмическими центрами селений. Вот хотя бы стройный минарет в селении Анди, он гармонично слит с окрестным ландшафтом. К сожалению, сейчас он начинает разрушаться и грозит упасть. Форма минаретов разнообразна, некоторые, поздней постройки, напоминают башни (аулы Фий, Хрюк в Лезгинии, Тлях в Аварии), но в некоторых селениях (Кули, Хоредж, Ицари и др.) башни построены в подражание наиболее ранним приземистым минаретам. Кстати, подобное явление отмечено в архитектуре Чечни и Азербайджана.

Все путешественники, попадая в Дагестан, всегда обращали внимание на каменные резные надгробия. Без них немалым дагестанский пейзаж, они возвышаются на кладбищах, их можно видеть возле дорог на месте гибели неудачливого путника — молчаливыми рядами выстроились они возле аулов. Здесь они поставлены в честь умерших на чужбине.

Надгробия встречаются в виде горизонтально лежащих памятников и невысоких врытых плит. Надгробия первой группы напоминают огромные сундуки со стрельчатым или закругленным верхом. Таковы могилы «сорока мучеников» в Дербенте. Самое красивое надгробие обнаружено у аула Кала-Корейш. На памятнике среди буквенных знаков изображены львы в геральдической позе. У них приподняты передние лапы, а хвосты брошены за спину. Это надгробие датируется по-разному — от VIII до XII века. Появление таких «саркофагов» связывают с арабами, хотя сундукообразные памятники характерны и для культуры армян.

Вертикально стоящие памятники типичны для Дагестана. Многие из них имеют антропоморфный вид — напоминают фигуру человека (у них намечены голова, плечи). Это мужские надгробия. Однако у кумыков стелы имеют короткую «шею», плечевые части у них покатые, и почти всегда выделены выступы, имитирующие руки. У даргинцев стелы более стройны, «голова» увенчана шишкообразным выступом, сверху, а иногда и под ней укреплен прямоугольная плитка. У лезгин и табасаранцев антропоморфные формы надгробий высекаются с приподнятой верхней частью и закругленной «головой», которая почти слита с основной массой плиты. На памят-

*Селение Корода. Часть
стены мечети
с лабиринтом и надписями*

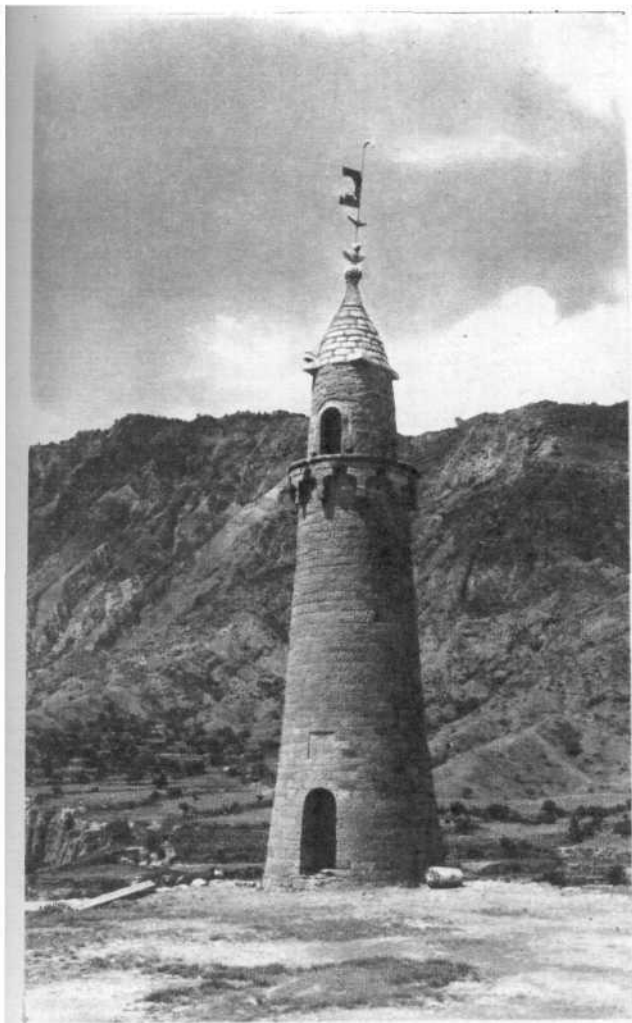
Селение Корода. Минарет

нике «хаджи» — человека, совершившего паломничество в Мекку, — вокруг навершия высекали выпуклый бордюр — «чалму» — признак его святости.

Более всего вариантов антропоморфных стел известно у аварцев. В селении Голотль встречаются памятники XIX века, «головы» которых завершались фигурами Бурака — крылатого кентавра с женским лицом. На нем якобы пророк Мухаммед под покровом ночи «совершил» путешествие в библейские города Иерусалим, Хеврон и Вифлеем. Стелы с округлым, стрельчатым и многолопастным завершением ставили и мужчинам и женщинам. Совершенно прямоугольные камни — женские памятники, хотя у лезгин на прямоугольных плитах иногда очень схематически изображена человеческая фигура. Это уже явный признак мужской могилы. Очень интересны могильные камни в аулах Кудиябросо и Голотль. Они завершаются стилизованной головой коня.

*Поселок Тарки.
Кумыкские надмогильные
стелы*

Наиболее ранние памятники покрыты петроглифами, которые служили напутственными благопожеланиями покойному. Среди них встречаются даже лабиринты — это чтобы нечистая сила не мешала мертвому и запуталась бы в его витках. Стелы с петроглифами можно датировать XI—XV веками, а наиболее поздние, с арабскими надписями, даже XVII—XVIII веками. С XVI—XVIII веков старые петроглифические символы переосмысливаются. Солярные знаки превращаются в розетки, кресты в орнамент, звезды и полумесяц выступают как мусульманский знак, а две поднятые вверх руки должны восхвалять аллаха. Появляется красивый орнаментальный узор. На кумыкских стелах он напоминает узор войлочных ковров — арбашей, у даргинцев — тонкий орнамент по металлу, у лезгин и других народов южного Дагестана — их резьбу по дереву, у аварцев — декор более вольный и не всегда симметричный.

*Селение Джули.
Надмогильная стела
на табасаранском
кладбище*

На стелах в верхней части иногда высечен узкогорлый сосуд как олицетворение благочестия и правочности покойного. Это сосуд с чистой водой, ибо, по Корану, из нее сотворены и люди и животные. Иногда сосуд заменен фигурой Бурака — он понесет душу умершего в рай, или силуэтом голубя — чистой птицы, спутником «души» человека. В нижней части женских стел изображали обувь, украшения, посуду, а на мужских — обыкновенно то, что, по понятиям мусульманина-горца, являлось признаком «счастья»: книгу (Коран), коня, ружье или пистолет, кинжал и саблю, четки. Таким образом, на стелах изображали все, что в языческие эпохи могли бы положить умершему в могилу.

Дагестанские надгробия раскрашивают. Их краски гармоничны. Резчики по камню обладали не только мастерством, но и безупречным вкусом. Некоторые из них известны: Г. Багандов и И. Ярахмедов из селения Уллу-

ая, Ахмаж-Хаджи из Урахи, Омар Мусалалиев из Чоха, Гасан Магомедов из Рича, Г. Рамазанов из Гоа, Х. Гасанов из Кураха, мастер Султан из Тарков, Абдул-Халик Кажлаев из Кумуха. Они оставили подлинные шедевры, и жаль, что иногда могильные камни «пускают в ход» как простой строительный материал.

На дагестанских кладбищах изредка встречаются склепы. Простейшие из них — это стелы, заключенные в коническое обрамление из камней. Такие надгробия можно видеть в Хунзахе. Но чаще встречаются семейные усыпальницы в виде домиков, внутри которых поставлены стелы. Особенно красив склеп, украшенный флагами (признак святости или невинной смерти), который стоит близ Левашей. В южном Дагестане особенно часты своеобразные мавзолеи. Возможно, возникли они под влиянием Азербайджана. Они могут быть пирамидально-ступенчатыми и яйцевидно-конической формы. Очень красивы такие постройки, стоящие на кладбищах селений Штул, Гельхен, Урсун, Карчаг, Орта-Стал, Гоа, Хутхул. Купольные мавзолеи иногда можно видеть в Аварии (Согратль).

Дагестанские надгробия — прекрасный материал для изучения орнамента, эпиграфики и чисто национальных представлений о гармонии красок. Уже многое сделано для изучения их Э. В. Кильчевской, Л. И. Лавровым, П. М. Дибировым, А. Р. Шихсандовым, но работы в этом направлении еще непочатый край.

Как видим, Дагестан далеко не однообразен, каждый местный народ украшает его своими постройками, произведениями своего искусства и культуры. Представления о красоте у горцев настолько выкристаллизовались в гармоничное целое, что созданное ими прекрасно и для людей других «климатов» и иной культуры. И все же есть в Дагестане одно место, которое равно дорого любому жителю страны. Это место — Гуниб.

Когда подъезжаешь к Гунибу, то всегда поражаешься его необычной красоте. Селение возвышается над холодным потоком Кара-Койсу. Чувствуется, как шумят в высоте тополя и ветер колышет занавески в домах, но до его построек еще долгий путь. Надо проехать Хиндахский мост, а затем предстоит восемь километров зигзагов по отвесам скал. Последние усилия — и показываются крепостные ворота.

*Селение Гологль.
Надмогильная стена*

В сумерки, которые здесь опускаются стремительно быстро, скалистая гора, у которой расположено селение, приобретает абрис очаровательного девичьего лица. А утром никакого миража — вздернутый нос и «кокошник» — это остатки русской крепости, а скала — Верхний Гуниб, где каждый камень свидетель истории. Да и в Нижнем Гунибе — современном селении — много следов прошлого.

Крепостные стены с бойницами огибают выступ плато, внизу видны одинокий тополь и пирамидка памятника, здесь погребены солдаты Апшеронского полка — последние жертвы Кавказской войны. Красивый двухэтажный дом со множеством окон и бойниц — бывшая комендатура.

Значение этого селения в истории Дагестана и всего Северо-Восточного Кавказа исключительно велико. Здесь 25 августа 1859 года закончились самые тяжкие страни-

*Селение Хутхул.
Склеповая агульская
постройка*

Селение Гуниб

цы Кавказской войны. Она была жестокой и долгой. Это не были боевые стычки местного значения, как иногда пишут историки⁸². Ее кровавые будни привлекали самым серьезным образом внимание К. Маркса и Ф. Энгельса. Особенно тяжела была она для небольших и без того тяжело живших народов Кавказа. Конца ее с нетерпением ждали все. И он был поистине желаемым для воюющих сторон. Отпадение Чечни от Шамиля, недовольство основной массы горцев бесконечными военными стычками и жестокости, которые всегда сопутствуют войнам, сделали свое дело. Освободительное движение горцев против русского колониализма, которое так умело возглавил Шамиль в первые годы своего правления, стало захлебываться в море крови, да и равенство, которое восхваляли последователи тариката, все более стало равенством перед богом — в загробном мире, а здесь, на земле, рядовых горцев ожидала только вполне реальная кара за непод-

чинение тем новым феодалам, которые росли под зеленым знаменем имамата.

Когда Шамиль поднялся на скалы Верхнего Гуниба и заперся в стенах аула, развалины которого и сейчас видны в лощинке, горцы затаенно ждали, что же будет дальше. Начался штурм Гуниба: солдаты-апшеронцы по приставным лестницам поднимались на скалы. Шамиль вынужден был уступить своим мюридам, «не пожелавшим смерти», и сдаться.

Князь А. И. Барятинский ожидал Шамиля, сидя на камне в березовой роще. Возле него стояли офицеры и адъютанты со знаменами. Показалась группа горцев, и среди них Шамиль на коне. Не доезжая рощи, Шамиль слез с коня и направился к князю. В Санкт-Петербург эстафетой послали срочную депешу: «Гуниб взят: Шамиль в плену и отправлен в Петербург». Вскоре действительно Шамиля увезли из Гуниба с инструкцией: «Присмотр за Шамилем и его семейством должен быть постоянный, но для него не стеснительный». Шамиля ожидала ссылка в далекую Калугу. А в роще на камне, на котором сидел А. И. Барятинский, вскоре высекали надпись, затем построили «сень» — ротонду. Надпись стерлась, содержание ее перенесли на металлическую плиту, что вделана в стену ротонды («беседки», как ее называют): «На сем камне возседал генерал-фельдмаршал князь Барятинский, принимая пленного Шамиля в 1859 году 25 августа».

Вскоре здесь построили крепость. Ее стены с бойницами и сейчас еще целы. Видны башни, стоящие по углам, накаты для орудий, остатки мощеных дорог. В крепости 16 мая 1873 года в семье генерала Д. В. Комарова родилась известная русская писательница Ольга Форш.

Селенке Гуниб — маленькое, уютное. Это небольшая площадь, окруженная жилыми постройками, зданиями учреждений, магазинов и кафе, где всегда много приезжих. Гуниб наполнен солнцем и свежими красками горных далей, здесь все далекое — до иллюзорности близко. В Гунибе, как нигде, чувствуешь, что новое время с новыми отношениями между людьми «рукам дарует силу, свет глазам, уму дает мечту и сердцу крылья» (Расул Гамзатов).

8. Аулы мастеров. Художники

Если вы попросите семилетнего горского мальчика нарисовать дом, он его нарисует так же, как и любой другой семилетний ребенок. Но если вы его же попросите положить орнамент на блюдо или кувшин, то его работа может поспорить с рисунком профессионального художника-декоратора. Почему? Просто потому, что учил его этому искусству тысячу и семь лет! Потому, что в нем живет поэт, композитор, художник.

Расул Гамзатов. 1971 г.

С раннего детства житель Дагестана окружен орнаментальным узорочьем. Оно и на колыбели, яркой, нарядной, и почти на всех вещах, которыми пользуется семья, — деревянных мисках, ложках, солонках, мерках для муки, сделанных с большой любовью. Огромные блюда для хинкала* с тремя концентрическими кругами — углублениями и те нередко покрыты узором. В малое центральное отделение нальет хозяйка чесночный соус, в средний круг положит сваренные ромбики из кукурузного теста, а в нижний — клубящуюся паром баранину. Покончат с едой, и на дне покажется узор. В старину уютно располагались на коврах, на полу. Приходит гость, подают небольшое угощение и перед ним ставят круглый или четырехугольный столик на низеньких ножках. Часть столика, там, где ножки, покрыта узором и расписана. Он то утоплен в фон, то выступает плоским рельефом. Обычно такой столик прислонен к стене, и все могут любоваться его красотой. Всюду узор: на ступке для чеснока, на бархатном футляре для очков, на длинных подушках, которые удобно подложить под бок. Красота орнамента, его то быстрая, бегущая вязь, то плавно-напевная, сопровождала и, думаю, будет сопровождать быт дагестанца всю жизнь. Больно бывает смотреть, когда рядом с чисто народной вещью вдруг окажется холодная и грубая пластмассовая посуда.

* Наиболее популярное в Дагестане национальное кушанье.

*Женщина из селения
Кахиб с височными
кольцами на чухте.
Фотография 1970 г.*

В Дагестане еще носят национальную одежду. Зимой это шубы с рукавами почти до земли (в них не просовывают руки) или с огромными длинношерстными воротниками-пелеринами. В отличие от других народов Северного Кавказа дагестанки носят зимнюю одежду, которая мало отличается от мужской, если не считать папахи — чисто мужского головного убора, который у разных народов несколько отличается по форме. Высоко ценится андийская бурка, особенно белая, отвороты которой покрыты узором из цветной кожи. До сих пор пожилые люди предпочитают носить узкие в талии бешметы, женщины — туникообразные платья, старушки аварки — длинные, до щиколоток штаны. И темный костюм женщин прекрасно сочетается с местным суровым пейзажем. Вариантов одежды много. Художник Н. А. Лаков, изучавший местный костюм, замечает, что в зависимости от того, как носит женщина свое платье («рас-

*Андийки в старинных
головных уборах.
Фотография 1930-х гг.*

пояской», с широкими рукавами, с каким поясом — матерчатым или из серебра), существенно меняется его вид⁸³. Волосы женщины покрывают своеобразным мешком — чухтой. Ее украшают височными кольцами, и в зависимости от их формы можно сказать, кто эта женщина — богулалка, арчинка или каратинка. Особенно оригинален был наряд андиек. Вот с каким восторгом описал путешественник К. Н. Россиков (1884) девушку селения Анди: «Ее красоте как нельзя более соответствовал щегольской костюм, в котором главное внимание обращал на себя тщательно отделанный головной убор... называемый по-аварски «чохто». Это длинное, ниспадающее почти до земли, узкое, вершков 6—8, полотнище из красной цветной материи; верхний конец его, сложенный серпообразно и подбитый изнутри ватой, надевается на темя. Поверх синей рубашки «горде» был надет на ней дорогой шелковый бешмет «чужгат», ловко

обхватывающий стан, перетянутый в талии серебряным, вызолоченным поясом, с длинными вырезными рукавами. Из-под бешмета виднелись шелковые голубые шаровары «тажу», опущенные в желтые чевяки «мариял», поверх которых надеты были сафьяновые сапожки «хитал»³⁴. И сейчас молоденькие девушки с большой охотой поистине грациозно носят национальную одежду по праздникам или приезжая из города в родное село.

Украшения из серебра очень идут к смуглым и усталым лицам пожилых горянок и подчеркивают красоту молодых девушек. Височные кольца, серьги, перстни, браслеты и шейные гривны, цепочки с капсулами для заклинаний, поясные пряжки, нагрудные бляхи — таков неполный перечень украшений. Они переходят от матери к дочери, из поколения в поколение.

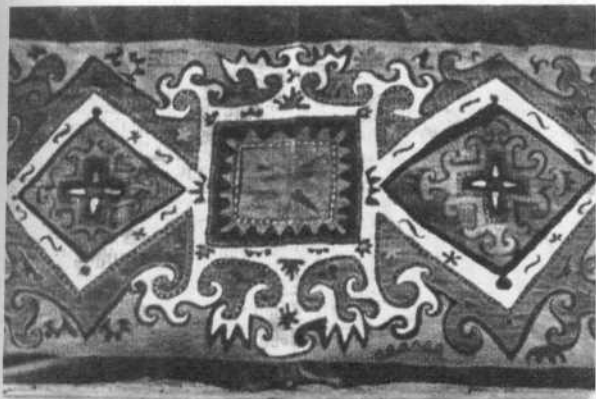
Скромным узором покрыты мужские ременные украшения, газыри* черкесок, кинжалы и шашки — реликвии старины.

Умелый мастер, как и певец, и сказитель, всегда пользовался уважением. Рукоделием так же восторженно любовались, как и заслушивались песней. «Отдай бурку певцу, думай словами песни — станет жарко». Здесь нет преувеличения, искусство всегда согревало народ.

В каждом селе жили свои умельцы. В основном занимаясь сельским хозяйством, они от случая к случаю изготавливали деревянные солонки, поставцы, ложки, столики и трехногие табуретки. Женщины ткали паласы, ковры, циновки и войлоки — все то, что лежит на полу и висит на стене. Особенно оригинальны намазлыки — небольшие коврики, предназначенные для совершения молитвы. Считалось, что их краями ограничено чистое пространство и, стоя на таком ковре, молящийся уже отделен от окружающей «скверны». В музеях Махачкалы прекрасные коллекции намазлыков XIX века, сделанные аварками. Коврики украшены петроглифическими узорами, языческий характер декора выступает очень явно, а ритмика рисунка, цветовая гамма, в которой выполнены эти аппликации (оранжево-красные, серо-зеленые, черно-коричневые цвета), делают их исключительно оригинальными произведениями искусства.

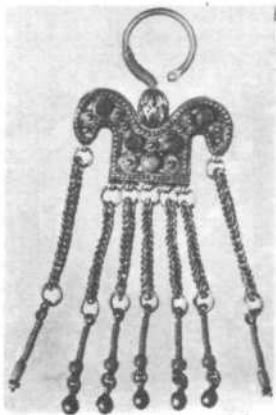
Все народы Дагестана выделывают свои ковровые изделия, но самые прославленные — это ковры южного

* Украшения в виде патროнов из серебра, дерева, кости. Их вкладывают в нагрудный карман черкески — своеобразный патронгаш. В старину в гамнях хранили заряд на один выстрел.

*Молитвенный ковер —
намазлык XIX в.
Аварская работа.
Республиканский
краеведческий музей.
Махачкала*

Дагестана. Здесь изготавливаются безворсовые и ворсовые ковры. Это паласы с геометрическим узором внутри полос и обрамляющей рамой, сумахи, которыми покрывают пол (у них мягкое сочетание красок при строго повторяющемся узоре). Но на рынок более всего производятся ворсовые ковры, которые, можно думать, уже в XVII—XVIII веках получили специальные названия по местам их изготовления и в зависимости от колорита, композиции и декоративных особенностей («ахты», «рутул», «микрах», «халаг», «харасан» и другие). Повторяемость красочных пятен и ритмика узора, отвечая законам симметрии, строго ограничены рамочным обрамлением. В элементах орнамента, также имеющих свои местные названия, можно заметить животные мотивы (хищные птицы, голуби, уточки, бычьи головы, рога разных форм), листья, цветы, завитки, «солнца» и прочее. Изделия некоторых местных мастериц (Х. Ю. Султановой,

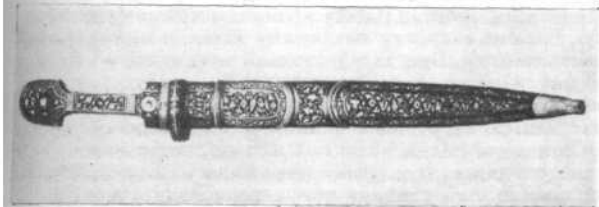

Аварская серебряная подвеска с сердоликовыми вставками. XIX в.

М. О. Сейфулаевой, А. С. Пирмагомедовой, Ш. Г. Ализаевой и других) получили мировое признание.

К сожалению, многие ремесленные центры уже исчезли. Нет производства бус, газырей, мундштуков из гадата (гишера) — разновидности каменного угля, которое процветало в селениях Куяда, Вачи.

Селение Кумух, о котором уже говорилось, всегда славилось хорошими мастерами. Лудильщики, паяльщики, медники (так называемые «калаччи») бродили по всему Дагестану и за его пределами, работали они на совесть. Они снабжали почти весь Дагестан медными водоносными кувшинами, казанами (котлами) и маленькими кумганами. Их изделия побогаче покрыты чеканным орнаментом и гравировкой. Идет поутру женщина за водой, у нее на спине красуется узкогорлый кувшин с небольшим круглым корпусом и изящным коническим поддоном. Через ручку продета оранжевая или полосатая

*Мастер Чаландар. Кинжал
с гравировкой. Серебро,
чернь. Музей искусства
народов Востока. Москва*

ковровая лента. Кувшины удобно держать, сам красив и хозяйку красит. Очень ценились и ценятся емкие казикамухские и гоцатлинские кувшины.

Но Кумух был известен и как ювелирный центр. Местные мастера с 70—80-х годов XIX века стали даже заниматься отходничеством. Они работали далеко за пределами родного аула. Их можно было видеть в Петербурге, Тифлисе, Поти, Кутаиси, Баку, Владикавказе, во многих курортных городах Кавказа и за границей (Стамбул, Аддис-Абеба, Багдад). Многие мастера экспонировали свои изделия на выставках в Тифлисе (1889), Париже (1900), Петербурге (1903). Успех мастеров из Кумуха отчасти объясняется умением быстро откликаться на запросы времени, учитывать и местные вкусы, и веяния моды. Ведь они делали все, начиная от женских украшений и оружия и кончая туалетными аксессуарами (пудреницы, флакончики и прочее).

В Дагестане особенно распространены изделия из серебра, покрытые гравировкой и чернью. Их делали во многих местах Аварии (Чох, Согратль, Ругуджа, Гоцатль, Гамсутль, Ботлих, Хунзах и др.). Для аварских мастеров характерно использование черни для фона, в котором утопают орнаментальный мотив. Орнамент не заполняет сплошь все изделие, а небольшими островками вместе с черневым фоном «плывет» по большому серебряному полю. Внешне аварские ювелирные изделия кажутся монументальными. Они действительно массивны, а подвески из монет (русских и восточных) только подчеркивают величину вещи. Особенно много монет подвешивалось к массивным нагрудным бляхам и амулетницам, иногда их заменяли подделками под монеты, подвесками в виде птичьих лапок, рук. Вещи украшали камнями. Обоймы их высоки, они гладкие или декорированы зернью. Набор камней невелик: гагат, халцедон, сердолик, алмадин, реже встречается бирюза, красный коралл. Каждый камень издревле имел свою не только ювелирную характеристику, но и определенное смысловое значение. Сердолик — полосчатый камень огнистого тона, — считалось, спасает от многих болезней, приносит благополучие и счастье (армяне верили даже в его помощь при землетрясениях); халцедон делает человека ученым и мудрым; алмадин — красный гранат глубокого винного тона, — как и другие красные камни, хорошо «врачует» мозг, силу, память. Бирюза (феризе — у персов) хороша для всадников — способствует легкой посадке и твердости. Ювелиры этому камню часто придавали форму груди (в качестве оберега) и старались, чтобы голубовато-лазоревый цвет его нигде не менялся вкраплениями темных «жучков».

Почти все предметы, выполненные аварцами, скульптурны, в них скупо введены гравированные и черневые узоры. Таковы украшения: перевитые браслеты с утолщенными концами, перстни с крупными жуковинами из гладких овальных сердоликов и халцедонов, подвески в виде конских голов (они повернуты в разные стороны), гладкие широкие браслеты с камнями по концам, цепочки с гирьками из зерни.

Наиболее выдающимся мастером являлся Чаландар из аула Гамсутль. Хороши его мелкие ювелирные изделия, которым присущи поэтичность и музыкальность. Но известность приобрел он как мастер по изготовлению оружия. В его черневых изделиях фон почти не заполнен и

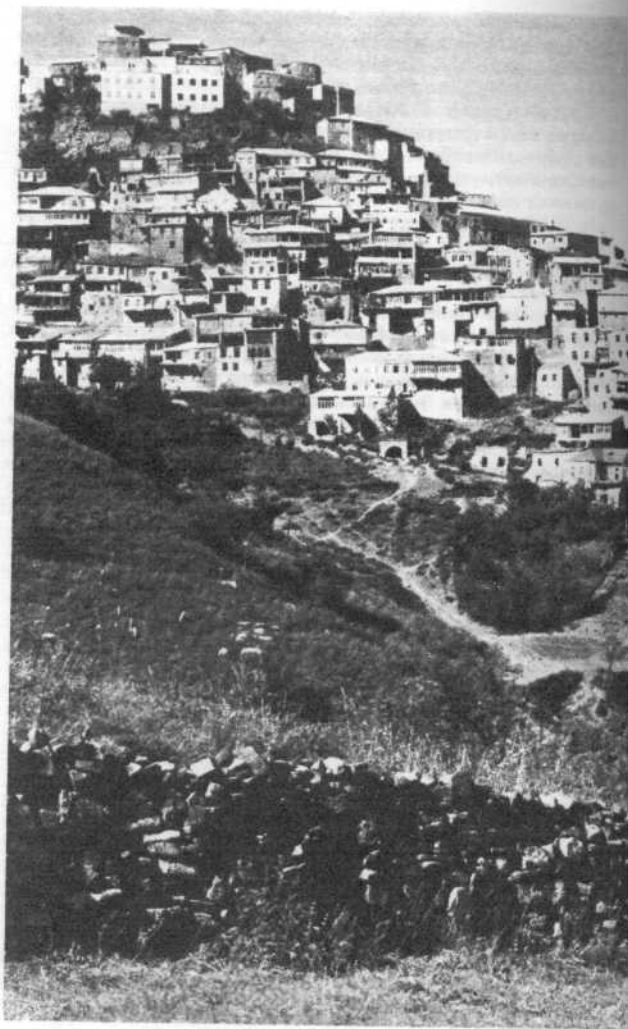
«звучит самостоятельно, активно, благодаря чему каждая деталь, каждый лепесток и стебелек орнамента читаются предельно отчетливо, пластически завершено, включаясь в то же время в общую композицию узора»²⁵.

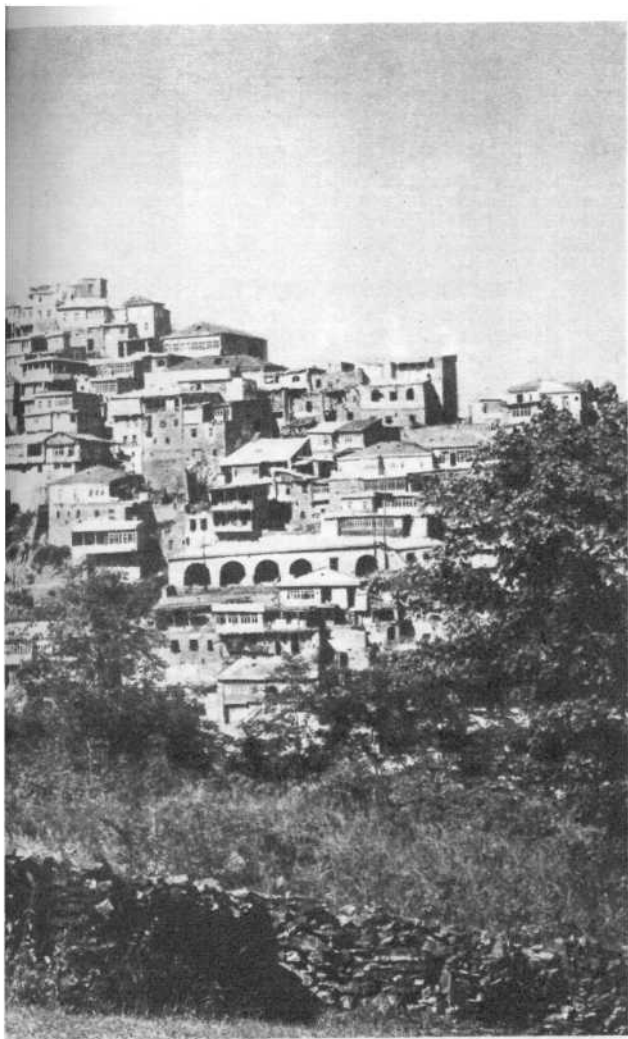
Другой мастер — оружейник Якуб из Чоха — известен больше как виртуоз насечки золотом по железу и кости. Его работы смотрятся как мерцающий узор на фоне вороненого, почти синего железа или желтоватой поверхности слоновой кости.

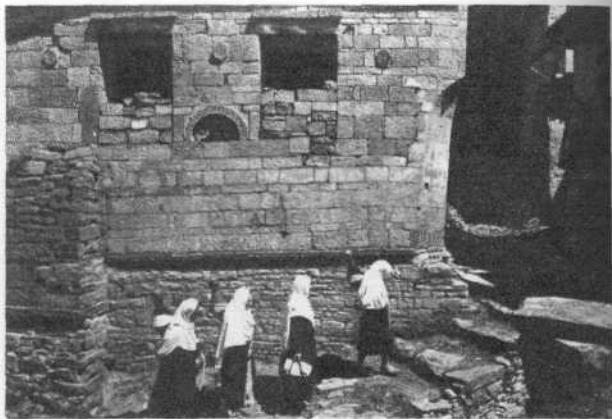
В 1958 году в селе Гочатль была создана артель, выросшая теперь в фабрику ювелирных изделий. Работы местных мастеров хорошо известны по кубкам-рогам («канц»), окованным металлом и снабженным наконечниками. Возглавил артель Магомед Джамалутдинов. Горловина одного из серебряных винных кувшинчиков его работы завершается коническим колпачком, носик для слива изящно изогнут в виде буквы S. На слегка матовой поверхности разбросаны небольшие кустики орнамента, они создают музыкальный ритм, и эту небольшую вещь лишь постепенно охватываешь взглядом. В ней нет той симметрии, которая обычно приписывается всему дагестанскому узору. М. Джамалутдинов добился в своих произведениях ритмики, переключки светлых и темных пятен, его орнамент иногда заканчивается неожиданно, но линии его как бы продолжают в соседнем витке узора.

Интересны работы и другого гочатлинца — Базаргана Гимбатова. Он не боится переносить местный узор на предметы чисто европейских форм, и это ему удается. Смелость в выборе гравировемых предметов вообще характерна для Б. Гимбатова, и во всех случаях он остается блестящим мастером, прекрасно владеющим певучим орнаментом. Узор то покрывает изготовленные им вещи словно отцветающей осенней порослью, то охватывает серебряное тулово сосудов плавными волнами. Сейчас в Гочатле работает много ювелиров — М. Умалатов, Г. Абдулхалилов, М. Ватыралиев и другие, и их продукцию часто можно видеть на различных выставках.

Но ни одно село в Дагестане не пользуется такой известностью, как Кубачи. Жители его называют себя «урбуган», а свой аул «Урбуг». С IX века среди арабов и персов они известны как «зирехгеране» — кольчужники, а слово «кубачи» появилось позже — так по-турецки назы-

*Нижняя часть селения
Кубачи*

*Кубачинки с водоносными
кувшинами-мучалами*

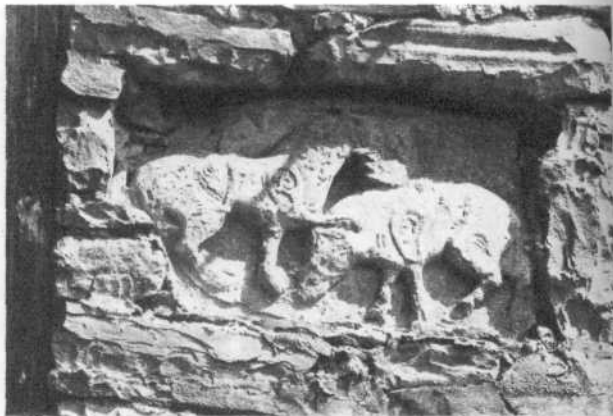
вают делателей кольчуг. Арабский писатель Масуди (ум. в 956 г.) писал, что страна их недоступна и благодаря этому защищена от соседних племен. Однако Кубачи, подчинив себе ряд ближайших селений, в том числе и Кала-Корейш, были зависимы от Дербента и платили его правителям дань своими изделиями. Возможно, такие поборы начались еще при сасанидских царях, у которых зороастризм являлся государственной религией. Географ XII века Абу-Хамид Андалуси видел у кубачинцев похороны, очень похожие на зороастрийские.

К XV веку кубачинцы уже приняли мусульманство. В одной из арабских надписей, найденных в Кубачах, говорится о постройке медресе в 1404—1405 годах «в дни поражения этой страны чумой»⁸⁶. Значит, в эти годы в Кубачах уже имелись мечеть и медресе. Как предполагает Л. И. Лавров, их построили, чтобы замолить грехи, вызвавшие страшную болезнь.

К началу XVIII века Кубачи уже были известны в России. Вот что писал об этом селении в 1718 году А. И. Лодухин: «Жители в нем все люди мастеровые и торговые, ни с кем ссоры не имеют, и они никого не слушают, живут сами собой, а управителей из своей братьи имеют погодно. Ремесло у них такое — делают много хорошева ружья мелкаго, также сказывают и пушки льют». Он же упоминает около Кубачей «стену каменную»⁸⁷. Вполне вероятно, что аул имел вид крепости с башнями. Археолог М. М. Маммаев обнаружил здесь всхолмления с залытыми руинами. Как выглядят сейчас Кубачи, ставшие рабочим поселком?

У въезда расположены водоемы, покрытые арочными навесами, затем замечаешь традиционный ряд могильных плит — кенотафов. Путник, поминая умерших далеко за пределами села, обязан степенно пройти мимо них. А выше — ступенчатые этажи построек. Каждое окно покрашено голубой краской, дверные проемы тоже голубые, и двухскатные крыши (их теперь больше, чем плоских) сверкают легкой голубизной свежего цинка. Серо-фиолетовые стены старых построек и голубой цвет, сливаясь, создают мягкие переливы спокойных тонов, несколько холодноватых. Здесь почти нет деревьев, и солнце свободно играет отсветами, теплой дымкой окутывая дальние постройки и горы. Жизнь всюду — на дорогах, площадях и крышах. Женщины о чем-то разговаривают, не забывая вязать яркий шерстяной носок. Лица у них ясные, строгие. Головы их окутаны полотенцеобразными покрывалами — каз, которые красиво спускаются на грудь и свисают на спину. Пестрые мелкие цветочки на каз — признак девичества, золотой и серебряный узор украшает покрывала замужних женщин. Каз четко выделяется на фоне черной чухты, тонкой полоской обрамляющей лоб.

В Кубачах много старых построек. На самом верху его сохранились две круглые башни, используемые сейчас под жилье. Среди древних построек интересна единственная в Дагестане мечеть Хунала, предназначенная специально для женщин. В стену ее вделан камень с чисто мусульманской сентенцией: «Смерть — истина, а жизнь — обман! Привязанность к этому миру — начало всякого греха» (перевод Л. И. Лаврова). Камень этот высек Мухаммед сын Ахмеда в 1694 году. Может быть, в этом же году, в связи с неясной вспышкой правоверности, погибли многие древние рельефы в Кубачах — на

*Селение Кубачи. Рельеф
на стене дома «Лев
и свинья»*

них были уничтожены головы и лица. Дело в том, что местные постройки украшены прекрасными рельефами. Они в виде тимпанов нависают над проемами, заменяют переплеты окон, вставлены в кладку стен. Самые древние из них могут быть отнесены к XIII—XIV векам. Рельефы с изображениями льва и свиньи, оленя, всадника обрамлены надписями, которые выполнены буквами раннего арабского шрифта с орнаментальными контурами — «расцветающим куфи». Оказалось, что эти надписи не арабские. Они остаются пока загадкой.

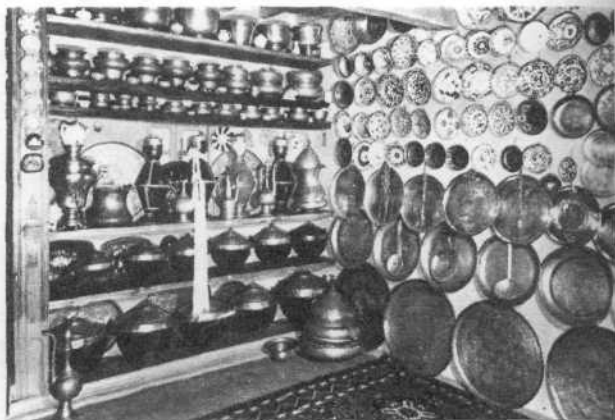
В XVI веке среди истовых мусульман появился запрет изображать живые существа, а если встречалось нечто подобное, то требовалось «зарезать его» — провести черту по шее или отбить (стереть) голову. И кто-то основательно уничтожил рельефы.

Резные камни женской мечети и других построек Кубачей настолько необычны и великолепны по исполне-

*Селение Кубачи.
Надмогильная стена*

нию, что до сих пор ученые думают над их сюжетами и происхождением. Академик И. А. Орбели считал, например, что кубачинцы, принадлежат к одному из албанских племен, вместе с другими албанцами ушли в глубь гор под ударами мусульман еще в VII веке. И для резьбы по камню поэтому он предложил название «албанских рельефов». По его мнению, появились они в среде не мусульманской, хотя и пользовавшейся арабским письмом⁸⁸. Изучение рельефов тем более интересно, что кубачинцев считали фиренгами (франками), генуэзцами, персами. Нет, кубачинцы — дагестанцы. Их участие в культуре Албании несомненно, так же как и их определенная доля в создании того искусства, которое принято называть «сасанидским». Изучение рельефов в сопоставлении с петроглифами и надгробиями позволит выделить местные сюжеты и изучить своеобразие местного мастерства.

*Селение Кубачи.
Комната-музей*

Рельефы дают образцы своего, кубачинского стиля — они очень скульптурны, обобщены до лаконизма и только наиболее поздние из них густо покрыты орнаментом. Им украшены даже тела животных. Излюбленными мотивами являются «восточные» сюжеты — сцена терзания хищником другого животного, изображения орлов, фантастических птиц, кошек, львов, верблюдов, сцены борьбы двух людей. Конечно, рельефы не могли возникнуть без внешних воздействий. Львы, фантастические птицы и целый ряд других элементов находят аналогии в иранском и арабском искусстве, но здесь, в Кубачах, они получили свою характеристику и свой акцент. Орнамент, которым с таким вкусом украшены многие рельефы, покрывает и надгробные стелы. Они поражают своей красотой. Орнамент надгробий поистине музыкален. Узоры то утоплены в глубокие нишеобразные врезы, то почти выступают на поверхности расширяющихся квер-

*Невеста-кубачинка
и сопровождающая
ее женщина с нукнусом
в руках. Фотография
начала XX в.*

ху плит. Датируются могильные стелы начиная с XIV века. Изучение их поможет проследить эволюцию отдельных элементов орнамента. Интересно, что некоторые композиции местного узора напоминают стукковый декор в мечети Кала-Корейша. Вероятно, мастера, работая в новом для них материале — стукке (штукатурке), использовали знакомые им композиции.

В каждом кубачинском доме имеется комната — своеобразный музей. Множество полок, блюда и чаши развешаны по стенам. Входишь в такую комнату затаив дыхание. Пол, сложенный из рваных кусков черного сланца, поражает своей красотой — промежутки между камнями аккуратно промазаны голубой смесью извести и синьки. Мягкий ковер скрадывает шаги. На верхней полке стоят бронзовые, в чеканном узоре ведра-нукнусы. Выходя замуж, девушка обязательно должна войти в дом мужа, имея среди приданого нукнус. Наполненный рисом,

FIGURE 1. A traditional fireplace in a village in the mountains of the Himalayas, India. The fireplace is made of mud and brick and is decorated with intricate carvings. The mantel is made of wood and is decorated with several small, ornate objects. A large, domed metal pot sits on the hearth in front of the fireplace. The surrounding area includes a small table with a lamp and other items, suggesting a traditional interior setting.

Камин в кубачинском доме

Селение Кубачи. Дуришлак с прорезным узором

он служил эмблемой, символом семейного благополучия. Ниже стоит посуда из приданого хозяйки дома, еще ниже — пузатые медные сосуды, затем биконической формы водоносные — мучалы, и у самого пола выстроены в ряд большие и малые бронзовые котлы. Литые, на трех ножках, украшенные бортиком и вертикально стоящими ручками, они напоминают скифские котлы. Некоторые из них отлиты еще в XII—XIII веках. Здесь же размещены кувшинчики с носиками для слива воды — кунне и без носика — кутка. Но самое большое богатство «музея» составляют, как говорят кубачинцы, «антики» — редкие вещи. Этнограф Е. М. Шиллинг видел в 1936 году среди «антиков» персидский фаянс и фарфор XVII—XIX веков, русскую посуду XVIII века. Подобные коллекции редкой посуды переходят от кубачинца к кубачинцу вместе с выдаваемыми замуж дочерьми. При «дележе» «антиков» родители оставляют часть вещей и своим сы-

новьям. Некоторым образцам фаянсовой посуды, встречаемой в кубачинских коллекциях, специалисты дали неопределенное название «кубачи». Их происхождение не совсем ясно. Фаянс «кубачи» покрыт густым слоем глазури сине-кобальтового тона, а мотивы росписей занимают, я бы сказал, промежуточное положение между иранскими и китайскими сюжетами: летящие фазаны, стилизованные кипарисы, скалы и растения, утки на фоне пейзажа, домики среди деревьев. Среди них встречаются миски, покрытые точечным и линейным узором, имитирующим чеканку. Фаянс «кубачи», возможно, действительно изготовлялся здесь, на месте (в культурных слоях села найдено много фаянсовых обломков), но не исключено, что такие чаши и миски привезены из Дербента, где раскопки последних лет дают много средневековых изделий из фаянса.

Но главное, чем знамениты Кубачи, — это ювелирная обработка металлов. Кубачинцы — мастера-оружейники и специалисты по украшениям. Конечно, они не случайно были названы кольчугоделателями. Когда-то ковали по колючку кольчуги, украшали их серебряной и золотой насечкой, как украшали кинжалы, сабли и шашки, кремневые винтовки. Насечка золотом по железу высоко ценилась. Особый мастер (бийху уста) резцом наносил рисунок по металлу, затем по линейному контуру узора проходилась граненым острием, делая точечные заусенцы, сглаживал их слегка и вбивал в узор проволоку из золота или серебра. Но ведь нужно еще закрепить драгоценный металл, оконтурировать его, заполировать, украсить детали рисунка гравировкой, заворонить железный фон. И сейчас эта техника уже почти исчезла, трудоемкое мастерство можно видеть на музейных образцах. Это и орнамент, и арабские надписи, украшающие холодное оружие.

Насечка золотом по кости более распространена, для чего большей частью используется симметричный орнамент типа «тутта» («ветвь», «дерево»). Яркие мерцающие вставки из кости, инкрустированные тоненькими золотыми ленточками, особенно часто украшают рукоятки кинжалов, отдельные детали парадных ваз, кубков и шкапулок.

Неповторима красота кубачинских украшений из серебра. Особенно хороши кубачинские браслеты, украшенные крупной зернью и огромными обоймицами с алмадинами и сердоликами. Совершенно удивительны брас-

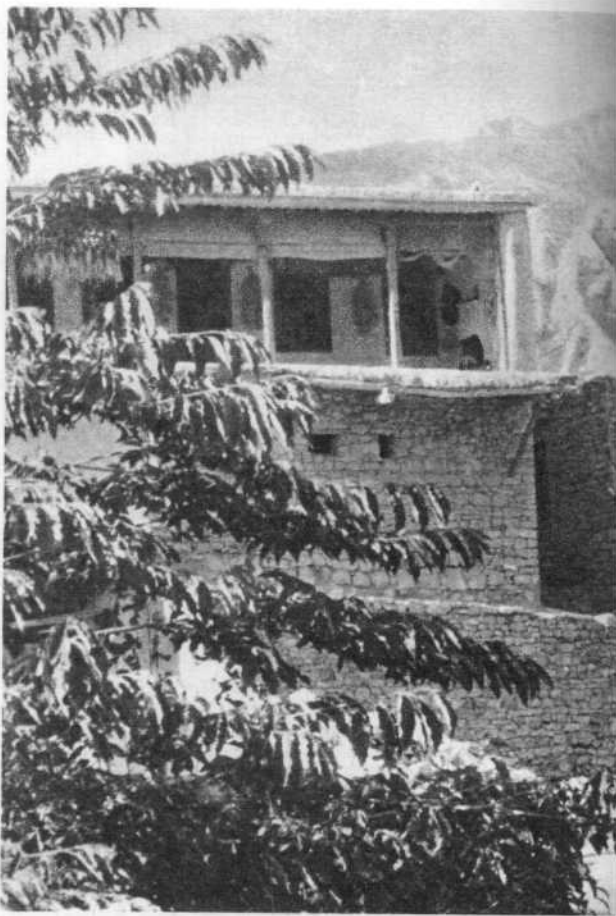
*Кубачинские перстни.
XVIII—XIX вв.*

Селение Унцукль

леты из перевитых «прутьев» серебра с окончаниями, покрытыми зернью, и вставками черного гагата, а среди зерни размещены небольшие гнезда яркой бирюзы или красного коралла. Или крупные перстни-погремушки. Камни, вставленные в них, большей частью красного цвета, они должны были приносить счастье. Несколько перстней украшали руки невесты-кубачинки. Мастера-ювелиры всегда стремились делать их непохожими по форме и декору.

В технике эмали кубачинцы начали работать с XIX века. И здесь они добились вершин мастерства. Особенно известны эмалевые изделия братьев Бахмута и Абдуллы Топчиевых (Тубчиевых). В послевоенные годы они создали круглый столик из серебра на железных ножках. Он покрыт многолепестковым эмалевым цветком, исполненным в нежной сиренево-голубой гамме. Переливаясь, эмали его напоминают игру опалов и аметистов. Сейчас в

1938. The building shown in the photograph above is the residence of the author's father, Mr. J. H. [Name], in the town of [Name], [State], [Country]. The building was built in 1938 and is a fine example of the architecture of the region. The photograph was taken by the author in 1938.

...
...
...
...
...
...
...
...
...
...

этой технике много и интересно работает Манаба Магомедова.

Кубачинцы прекрасно владеют техникой чернения и гравировки. Их сочетание дает неожиданные эффекты: то черневой орнамент выступает на светлом фоне серебра, то фоном орнаменту является чернь. К этому можно добавить густоту орнамента и различные его варианты: в виде пояса («лум»), отдельных орнаментальных головок (их называют «бик»), композиционных сплетений. Среди них симметричный рисунок «тутта» восходит к наиболее древним элементам декора — дереву жизни, который в виде «корневого столба» украшал дом горца. Узор «мархарай» (заросль) состоит из целой орнаментальной спирали; «москов» — московский узор представляет собой несимметричную ветку; «тамга» — медальон в виде листа, звезды, розетки и пр. Различные вариации этих элементов создают все многообразие кубачинского орнаментального стиля.

Известный мастер-ювелир Расул Алиханов вспоминает по этому поводу слова гравировщика XIX века Абдулла Капаллаева: «Элементы кубачинского орнамента имеют живо изогнутый вид, создающий впечатление игры между ними. Но для того чтобы создать в орнаменте живость, надо иметь большие способности и умение вводить орнаментальные элементы в общую композицию того или иного предмета»⁸⁹.

Первой современной вещью можно считать мемориальную доску с текстом декрета об образовании автономии Дагестана. Эта работа, выполненная Ника Магомедовым и Хаджи-Муратом Ганиевым, сейчас кажется наивной, лишенной ритмики и согласованности частей, но в ней выражена радость мастеров, получивших возможность видеть свою страну на пути к новой жизни.

Сейчас работы кубачинских мастеров получили всемирное признание. Расул Алиханов, Гаджи Кишев, Абдулла Абдурахманов, Гасан-Гусейн Канаев, Алихан Ахмедов, Али Мюллаев, Гасан Чабкаев, Гаджи-Бахмут Магомедов, Ибрагим Ильянов, Гаджи-Магомед Богатыров, Шавхале Мунгиев — много хороших мастеров-кубачинцев, всех, к сожалению, не перечислить. И каждый имеет свой профессиональный почерк, свои излюбленные мотивы. Иногда на затемненном фоне черневого узора, выполненного Расулом Алихановым, яркими фонариками выступают светлые тамги. Расул Алиханов говорит, что предпочитает технику «белого рисунка», когда вырезает

не сам орнаментальный мотив, а фон возле него. Тогда рисунок как бы плывет по этому фону. У Алиханова есть не совсем традиционные кубки, покрытые чернью. На одном женщины несут нукнусы, на другом — за их спинами виднеются биконические мучалы, на третьем — в руках у женщин тазы. Ритмично повторяются фигуры этого свадебного набора, словно вобрав в себя лучшие традиции древневосточного искусства.

Густая нить орнамента покрывает изделия Гаджи Кишева; в старых традициях, то углубляя пятна с узором, то выводя их на гладких широких плоскостях металла, работает Гаджи-Бахмут Магомедов. Это им сделана прекрасная ваза, покрытая позолотой и эмалью. На трех костяных вставках изображены портреты поэтов: аварца Гамзата Цадасы, лезгина Етима Эмина и лакца Эффенди Капиева.

Иной почерк Алихана Ахмедова. Безупречны изгибы спиралей его орнамента, изящно вписаны в них искрящиеся звездочки и цветочки — «пархиуаны». Для массовых изделий (рюмки, стаканчики, подстаканники) уже давно выработаны лаконичные, но очень выразительные образцы декорировки. Однако по-настоящему звучит кубачинское мастерство в оригинальных вещах. Их можно видеть на выставках. Холодный металл оживает, он искрится, мерцает, играет переливами эмали, желтоватая кость придает ему необычную голубизну, а золото вспыхивает огоньками. Металл живет, радуется глаз.

Кубачинское ювелирное искусство развивается, приобретает все более поэтическую окраску, радуя глаз людей разных возрастов и национальностей. Недаром, вероятно, такой великолепный мастер, как Абдулла Абдурахманов, сказал как-то: «Вот бы объединить усилия гранильщиков Урала и мастеров Кубачи! Имея под рукой самоцветы России, можно делать чудеса».

Кубачинский орнамент очень графичен, он может быть строг и сух, лиричен и доведен до напряжения натянутой струны. Вязь кубачинских узоров все чаще появляется на страницах книг, среди росписей фарфора. Об этом мечтали первые рисовальщики — кубачинцы Саид Магомедов и Абдул-Джалил Ибрагимов. Их мечта осуществилась.

В Аварии, среди скалистых нагромождений на берегу Аварского Койсу, по камням Бетльского плато размести-

*Письменный прибор,
подаренный В. И. Ленину.
Работа мастеров
Н. Ханбудаева
и М. Кебедова из селения
Унцукуль. 1921 г.*

лись постройки Унцукуля — родины Махача Дахадаева. Дома утопают в зелени садов, наполняя село пряным запахом абрикосов.

Унцукуль — крупный центр по художественной обработке дерева. Еще в XIX веке русские офицеры и солдаты мечтали заполучить корешковую трубочку, покрытую металлическим набойным узором. Красиво, а от этого и дымок слаще кажется. Уже в годы, когда перед Шамилем низко и услужливо склоняли головы не только одни наибы, но и целые селения, про унцукульцев ходили слухи, что они самые лучшие трубочные мастера на Кавказе и из-за этого не очень-то терпят мюридизм, который запрещает курение табака.

Малоземелье, зависимость от шамхалов Тарковских, которые владели пастбищами, заставляли унцукульцев искать приработки на стороне. Вот и появились незадолго до революции на всех курортах Кавказа продавцы

*Мерка для зерна. Работа
М. Газимагомедова
из селения Унцукуль.*

тростей, стеков, ножей для резки бумаги с металлическими надписями «Кавказ». Возили они свой товар и за пределы Кавказа, и за границу.

Происхождение местного мастерства пока не выяснено. Е. М. Шиллинг считал, что насечка металлом по дереву ведет свое происхождение от инкрустации металлом по металлу, при этом имеется промежуточный этап — инкрустация деревом по камню, что делалось с архитектурными целями⁹⁰. Такой «ряд» ничего не объясняет, здесь нет эволюции. Существует еще мнение, что унцукульское производство возникло под влиянием украинских (гуцульских) умельцев, которые во время Кавказской войны могли попасть в плен и жить в Унцукуле.

Современное унцукульское производство не очень простое. Трость можно сделать только из кизила — древесины у него прочная, красивая, плотной структуры, упругая. Боярышник нужен для мелких поделок и ручек для

*Селение Балхар.
У купольной печи «чара».
Фотография начала XX в.*

тростей. Он в распиле обладает красивым розоватым тоном, у него древесина хороша для резьбы мелких деталей. Дерево привозят из северного Дагестана, где имеются заросли кизила и боярышника. Древесину выпрямляют, подсушивают, пускают на токарный станок, делают заготовки курительных трубок, мундштуков, портсигаров, тростей и других вещей. Наступает очередь на сечки. Для этой цели употребляется мельхиор. В дереве делают резцом уколы и надрезы, в них вставляют проволоочки и ленты, затем их обрезают по самому краю и ударом молотка окончательно вгоняют в дерево. Ленточные полосы металла дают штрихи, проволоочки — точечный узор, употребляются также металлические вставки разных форм и фигурные кусочки окрашенной кости. Орнамент носит геометрический характер, хотя отдельные элементы его, судя по названиям (глаз, лист, бровь), ведут начало от реального мира.

*Селение Балхар. Готовая
гончарная продукция —
кумганы*

Среди мастеров-унцукульцев большой известностью пользуется Идрис Абдуллаев, Магомедали Газимагомедов, Абдулджалил Магомедов, Магомедали Гасанов, Магомед-Загид Мирзоев, Магомедали Гамзатов, Мирза Магомедов и другие. Эти мастера стараются найти и новые орнаментальные мотивы, и расширить ассортимент изделий. Собственно, новые, нетрадиционные вещи в Унцукуле стали изготавливать с 1921 года, когда в подарок В. И. Ленину от всего Дагестана два мастера — Нурмагомед Ханбудаев и Магомед Кебедов — сделали письменный прибор. Он состоит из двух чернильниц на подставке, двух подсвечников, пресс-папье, стакана, ручки, ковшика для мелочей и записной книжки. Орнамент подобран с большим вкусом — струится спиральная волна по корочкам книжки. Яркими розами украшен ковш, переливами металла сверкает постамент чернильниц.

Поиски нового привели к появлению оригинальных

1924. A woman in a village near Kabul, Afghanistan, working on a clay figurine.

*Селение Балхар.
Мастерица Зубайдат
Умалаева за работой.*

*Селение Балхар.
Глиняные игрушки.
Работа
Зубайдат Умалаевой*

по форме и очень красочных по орнаментации ступки, ковша, даже телефонного аппарата (Идрис Абдуллаев), деревянных плакеток с изображением фантастических птиц и животных (М. Газимагомедов).

В музее, который заботливо собран работниками Художественной фабрики им. Махача Дахадаева, много интересных вещей — рожки для надевания обуви, вазы, стаканы, ножи для резки бумаги, броши, браслеты, портсигары, рамы и бусы. И все это покрыто узором в виде зигзагов, плетенки, цветов ромашки или сияющего солнца. Здесь собрана большая коллекция тростей, некоторые из них перевиты «змеями», другие украшены ручками в виде лисьих мордочек, а по стволу третьих ползут черепахи. Свои изделия унцукульцы показывали на выставках во Франции, США, Бельгии.

На фабрике работает много больших мастеров, среди них есть и женщины. Мне известны имена таких перво-

классных художниц, как Сайгибат Магомедова, Калимат Гамзатова, Меседо Небетмагомедова.

В Дагестане широко пользуются керамической посудой, и истари возникли керамические центры в разных аулах: лакском Балхар, даргинском Сулев-Кент, леагинских Кара, Испик, Джули, кумыкском Эрпели и в аварском Чиркей. Более всего известна балхарская керамика. Балхар обычное горное село: запутанные улицы, арочные переходы, по стенам заборов налеплен кизяк для просушки, и не так уж много построек городского типа. Работами по выделке керамики здесь издавна занимались женщины, а мужчины заготавливали хворост для обжига и торговали готовой посудой. Прикосновение к гончарной глине до революции считалось для мужчины большим позором. Исключение составляет лишь аул Сулев-Кент, где за гончарный круг садились только мужчины. Однако, по легендам, впервые за глину в Балхаре взялся пастух Калкучи, а затем лепке научил жену и сам уже гончарством не занимался. Легенда поздняя, периода исламизма, она вселяет неверие в творческие способности женщины. Исторически сложилось так, что керамическое производство у всех народов мира — обычное занятие женщин, даже отпечатки пальцев на древних черепках принадлежат женщинам. Балхарки редко выезжали из своего аула. Здесь же выдавали их замуж. Видимо, поэтому и сохранились здесь древние декоративные традиции в украшении посуды — ее декор напоминает росписи эпохи бронзы. Женщины-балхарки формуют свое изделие на гончарном круге — жюлла (круглая доска, вращающаяся на стержне). Поверхность круга посыпается золой, затем на него накладывается лепешка глины — днище сосуда, и в момент вращения наращиваются боковые стенки. После просушки сосуд раскрашивали. В старину обжиг производился в купольных печах — чара. На печи укрепляли козьи черепа, которые должны были охранять посуду от порчи. Имелись приметы: если дым из печи устремится вверх, аллаху угодно дать хорошую посуду; если дым стелется по земле — пропал весь труд. Балхарская посуда (водолей, маслобойни, тарелки, чаши для мытья ног в виде глубокой миски с выступающей дугой — подставкой под ноги) находит близкие формы в средневековой керамике. В ней нет лишних деталей, если это не шуточный сосуд для напитков:

не сумеешь правильно приложиться к нему — обольешься.

Красками для росписи служит белая и красная глины. Основные линии рисунка балхарки наносят красной краской, ею же члечат поверхность на ритмические части. Белой глиной выполняется задуманный узор. Мелкая посуда расписывается только белой краской в виде косой решетки, волнистых линий. Крупные сосуды покрываются сложным узором — «чучаби», что означает «орнамент, рисунок». Отдельные части «чучаби» повторяются, но это не точное их воспроизведение, а живое, умелое варьирование. Оно не меняет ритма росписи, сохраняет впечатление ее симметричности. Основной мотив «чучаби» заключен как бы в раму из полос и змеек. Возле ручек узор завершается сочными спиралями и «запятами», нижняя часть горшка украшается линейными поясками. Они подчеркивают выпуклость сосуда. Отдельные элементы декора носят названия «куропатка», «шея», «кукла», «зубы», «глаза» и др. Как дополнение к росписи служат наклепные детали в виде кружочков, конусов, спиралей — детали, встречаемые на дагестанской керамике еще в эпоху бронзы. В древности, несомненно, роспись имела смысловое значение, сейчас оно потеряно. Можно только думать, что элементы ее служили благопожеланиями.

В 1936 году в Балхаре начала работать специальная артель, и вскоре среди женщин появились большие мастера росписи по глине. Первой из них была Патимат Амирханова. Ее узоры (они известны и в акварельных зарисовках) полны движения, орнамент состоит из сочетания углов и ромбов или спиральных завитков. Несколько позже стали известны имена Хадижат Мамаевой, Асият Сулеймановой и других.

Отголоски каких-то древних представлений сохраняют «чучаби» А. Сулеймановой — возле дерева в геральдическом спокойствии стоят человекообразные фигуры. Случайно ли это?

За последние годы стали известны новые мастерицы — П. Визалкурбанова, А. Ханова, П. Османова, Х. Шамадаева и другие. Плавность линий, бесконечное многообразие орнаментальных сочетаний, смелость и легкость в исполнении — характерные черты их творчества. Совершенно оригинально мастерство Зубайдат Умалаевой. Она, подобно легендарному пастуху Калкучи, лепит смешные фигурки людей, зверья и даже драконов — аж-

*М.-А. Джемал. Портрет
Сулеймана Стальского.
Холст, масло. 1934—1939.
Республиканский музей
изобразительных
искусств. Махачкала*

даха. В них словно ожил «чудесный мир волшебных сказок с их фантазией, мечтами и надеждами»⁹¹, столь богато представленный в горском фольклоре.

Местные художественные промыслы не исчезнут. Во всех крупных производственных центрах — в Кубачах, Гоцатле, Балхаре и Унцукуле — школьники изучают основы мастерства, и многие из них будут продолжать дело своих отцов, работая в родных селениях⁹². Ведь в Дагестане мастер-умелец всегда был в почете. Может быть, поэтому так прекрасны ковры с немеркнущими красками, чудесны испикские поливные блюда, покрытые рельефным узором в виде солнц, животных, людей и даже двуглавых орлов, скопированных с русских медных монет XVII—XVIII веков. Неповторима орнаментальная резьба камней, вмонтированных в здания, и надгробий.

Чуткое отношение к форме изделий всегда было при-

еще местным умельцам, но только после революции здесь появились самобытные скульпторы. Таковы Омар Мусалалиев из Чоха, Магомед Муртазалиев из Согратля, Халил Мусаев из Мегеба. Они владели мастерством в обработке камня, но не хватало знаний, так появились их наивные «египетские композиции»: главное лицо в скульптурной композиции сделано преувеличенно крупным, а другие — уменьшены. Вот и получаются композиции из крупного (главного) бюста и двух маленьких по бокам (все три имеют общий пьедестал) или из фигуры в рост с двумя поясными фигурами по бокам. Подобные скульптуры украшают Чох, Согратль, Гуниб и другие аулы.

К сожалению, живопись, графика и скульптура современного Дагестана пока еще изучены слабо. Только книга Н. П. Воронкиной даст самое общее представление об этапах его развития.

В XIX веке многие художники России побывали в Дагестане. Здесь писали И. К. Айвазовский, Н. А. Ярошенко, К. Н. Филиппов и другие. Изучал дагестанскую природу и быт жителей Евгений Евгеньевич Лансере (1875—1946). Здесь, на Кавказе, он познал законы солнечных рефлексов, наловив свои дагестанские работы его южным сиянием, приглушающим краски и играющим оттенками в тенях. Лучшие этнографические зарисовки, иллюстрации к «Хаджи-Мурату» Л. Н. Толстого, картина «Красные партизаны» сделаны Е. Е. Лансере в Стране гор. Его влияние на изобразительное искусство Дагестана очень велико.

Ученик Лансере Муэтдин-Араби Абдул-Меджидович Джемал (1900—1960) был первым художником-дагестанцем. В молодые годы, немного подражая своему учителю Е. Е. Лансере, он с увлечением изучал Дагестан — его быт, типы. Знание фольклора, жизни горцев позволило ему создать целую серию эпических полотен («В саkle богатея», «Поле», «Праздник в Кубачах», «Чабаны» и др.). Иногда становится жалко, что позже он бросил свое увлечение темами повседневной жизни и занялся портретом, хотя им созданы хорошие полотна, посвященные Сулейману Стальскому, Гамзату Цадасе и Абуталибу Гафурову. Он всегда был немного этнографом, любил орнамент и даже в портретах умело сохранял «колорит», который присущ Дагестану и дагестанцам: это или поворот головы, своеобразная посадка портретируемого, или ковровый узор, на фоне которого рисуется лицо. Джемал

был высоко образованным человеком. Встречи с ним выливались в яркие беседы, насыщенные фактами из истории искусства, дагестанского быта и археологии.

Сверстником Джемала был известный скульптор Хазбулат Нухбекович Аскар-Сарыджа (1900—1983), уроженец селения Ахты. Те памятники, о которых уже говорилось (Махачу Дахадаеву, Гамзату Цадасе, Сулейману Стальскому), — его творения. К этим работам можно добавить бюсты Етима Эмина, Ирчи Казака, Омара Батырая, Уллубия Буйнакского. В Унцукуле стоит стела, посвященная им поэту Махмуду из Кахабросо. Это живая сцена оплакивания ушедшего из жизни человека: к холодному памятнику с барельефным портретом поэта прижалась плачущая женщина, воспетая им с необычайной силой в образах Мариам и Муи. Этот мрамор не безмолвен, он насыщен глубиной человеческих чувств. Аскар-Сарыдже принадлежит и величественный монумент Амангельды Иманову в Алма-Ате.

*Селение Унцукуль.
Памятник поэту Махмуду
из Кахабросо. Скульптор
Х. Н. Аскар-Сарыджа*

Много сделал для развития искусства Дагестана и Дмитрий Акиндинович Капаницын (1895—1961), ученик А. А. Рылова. Уроженец Дербента, моряк и охотник, балагур и в то же время очень застенчивый человек. Д. А. Капаницын был интересным художником-пейзажистом, графиком. Охристо-желтые, фиолетовые и сиреневые тона, несколько импрессионистическая манера письма характерны для его работ. Он любил ходить на этюды. Тарки, Кяхулай — места бесконечных прогулок с нами, его учениками, пешком, по солнышку. Студия, которой он руководил, всегда была переполнена, и многие современные дагестанские художники обязаны ему своими знаниями. Дмитрий Акиндинович умел видеть за любым, даже малым делом широкие горизонты будущего.

Трудом Джемала, Аскар-Сарыджа и Капаницына создавалось большое искусство нового Дагестана. И чувство

такта в отборе талантливой молодежи, ее воспитании никогда не покидало этих обаятельных людей. В меру своих сил им помогал художник Николай Андреевич Ляков — большой знаток Дагестана. В этот период (1930—1940) становятся известными имена Магомеда Каир-Магомы Юнусилау (1907—1975) — художника-юмориста и сатирика, Юсуфа Ахмед-Гаджиевича Моллаева (1899—1964). Несколько тяжеловесная живопись Моллаева с обводками по контуру удивляет лаконизмом. В его полотнах «Примирение кровников» изображена тяжелая сцена: люди, потерявшие человеческие чувства, сейчас снова должны познать радость добра и прощения. И темные краски хорошо передают остроту момента.

К старшему, уже ушедшему поколению относится и живописец Дмитрий Иванович Карпов (ум. в 1943 г.). Ученик К. А. Савицкого, он мастерски писал пейзажи и портреты.

В Дагестан он приехал уже пожилым человеком и в годы войны создал серию зарисовок и этюдов («Эвакуированные», «Беженцы» и др.). Этого хрупкого человека часто можно было видеть в Тарках, где он усиленно писал уютные уголки села и кумыкских ребятишек. К сожалению, имя его почти забыто.

В 50—60-е годы не так уж много художников связали свою личную судьбу с Дагестаном. Выставки 1950, 1952 и 1955 годов вызвали большой интерес, о них много говорили, хотя устраивались они в залах Краеведческого музея и в фойе Русского театра. И выставлялось-то пять-шесть авторов⁹³. В то время в здании Филармонии собирались по пятницам рисовать не более десяти художников. Руководил их работой М.-А. Джемал. Вероятно, А. И. Марковская, И. К. Афонина, С. Салаватов и Д. Т. Беспалов помнят еще те вечера. И именно в то время оформились как художники Б. Евсеев, И. Садыков, А. Азизов, В. Черепанов, М. Хиэроев, Т. Муханова.

Прошли годы, в Дагестане работает сейчас целая плеяда художников-профессионалов. Они упоминаются в каталогах и специальных изданиях. Имена многих из них известны не только в Дагестане. Это Х. Курбанов, З. Рабаданов, Г. Пшеницына, А. Шарыпов, Г. Гейбатов, А. Газалиев и другие. В Махачкале помимо музеев работает выставочный зал. Здесь можно увидеть их произведения.

Вот и окончено наше знакомство с Дагестаном — Страшной гор и степей, с ее мужественным народом, создавшим так много прекрасного и сумевшего населить глубокие ущелья и беспредельную гладь степей чудесным миром сказок. Мне, человеку, воспитанному в этой стране и ее людьми, хотелось бы посвятить страницы этой книжки Хасбулату Аскар-Сарыдже, Муэтдину-Араби Джемалу, Дмитрию Акиндиновичу Капаницыну — художникам, Магомеду Исаковичу Исакову — краеведу, Владимиру Герасимовичу Котовичу — археологу — моим друзьям. Каждый из них был первопроходцем в своем деле. Их труды неразрывно связаны с Дагестаном.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Материал, собранный участниками Кульсанштурма, вошел в сборник «Дагестан» (под ред. В. Ставского. М., 1936). См. также: *Фатуев Р.* Писатели-краеведы в горах Дагестана. — «Сов. краеведение», 1933, № 9.
- ² «Дагестанская правда», 1942, 18 авг. Там же, 1942, 30 авг.
- ³ Цит. по: *Караулов Н. А.* Сведения арабских географов IX—X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане. — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», т. 31. Тифлис, 1902, с. 33.
- ⁴ История, география и этнография Дагестана (XVIII—XIX вв. Архивные материалы). М., 1958, с. 347.
- ⁵ См.: *Мамедова О.* Маки среди скал. — «Юный натуралист», 1972, № 10, с. 15; *Эльдаров М. М., Гаджиев А. С.* Приглашаем в Дагестан. Махачкала, 1984, с. 63; *Майоров А. А.* Эоловая пустыня у подножия Дагестана. Махачкала, 1927, с. 23—33.
- ⁶ «Дагестанская правда», 1983, 19 мая.
- ⁷ См.: *Лаверов А. И.* Кавказ после Великого Петра. — В кн.: «Покоренный Кавказ». Спб., 1904, с. 140.
- ⁸ *Козубский Е. И.* Дагестанский сборник. Вып. 2. Темир-Хан-Шура, 1904, с. 130.
- ⁹ Там же, с. 128.
- ¹⁰ Там же, с. 118.
- ¹¹ См. там же, с. 123.
- ¹² См.: *Кажлаев А. Н.* Возникновение и экономическое развитие Махачкалы. Махачкала, 1967, с. 28—31.
- ¹³ Очерки истории Дагестана. Вып. 1. Махачкала, 1950, с. 26.
- ¹⁴ Цит. по: *Каниев Э.* Поэт. — В кн.: Избранное. М., 1959, с. 236.
- ¹⁵ *Амирханов Х. А.* Начало земледелия в Дагестане. — «Природа», 1983, № 2, с. 53—56.
- ¹⁶ Там же, с. 54—57. Детально см.: *Амирханов Х. А.* Чохское поселение. М., 1987.
- ¹⁷ См.: *Гаджиев М. Г.* Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тысячелетиях до н. э. — «Краткие сообщения Института археологии АН СССР». Вып. 108. М., 1966, с. 55, 56, рис. 19.
- ¹⁸ См.: История Дагестана. Т. 2. М., 1968, с. 54—116; *Смирнов Н. А.* Мюридизм на Кавказе. М., 1963, с. 41—135.

- ¹⁹ См.: *Фалеева В.* По залам нового музея. — «Дагестанская правда», 1958, 21 ноября.
- ²⁰ См.: *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962; *Плетнева С. А.* Хазары. М., 1976.
- ²¹ См.: *Магомедов М. Г.* Образование хазарского каганата. М., 1983; *Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л., 1979, с. 152 и сл.
- ²² *Караулов Н. А.* Сведения арабских географов. — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», т. 29. 1901, с. 47, 48.
- ²³ См.: *Гаджиева С. Ш.* Кумыки. М., 1961, с. 204, 205.
- ²⁴ *Артамонов М. И.* История хазар, с. 273, 274.
- ²⁵ Хождение за три моря Афанасия Никитина. М.—Л., 1958, с. 12.
- ²⁶ Цит. по: *Лавров Л. И.* Тарки до XVIII века. — «Учен. зап. Ин-та истории, языка и литературы им. Г. Цадасы», т. 4. Махачкала, 1958, с. 18.
- ²⁷ История, география и этнография Дагестана..., с. 131.
- ²⁸ Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII века. — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 12. Кн. 1. Спб., 1907, с. 75.
- ²⁹ Olearius Adam. *Voyages très-curieux et très-rénommés, fait en Moscovie, Tartarie et Perse.* Т. 2. Amsterdam, MDCC XXVII, p. 1055.
- ³⁰ История, география и этнография Дагестана..., с. 200.
- ³¹ *Березин И. Н.* Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань, 1850, с. 60—65.
- ³² Там же, с. 75, 76.
- ³³ Там же, с. 78.
- ³⁴ См.: *Носелиани П.* Путевые записки по Дагестану в 1861 г. Тифлис, 1862, с. 51.
- ³⁵ См.: *Зубов П.* Картины Кавказского края. Ч. 1. Спб., 1834, с. 169; *Васильевич С.* Титулованные роды Российской империи. Т. 1. Спб., 1910, с. 25.
- ³⁶ *Березин И. Н.* Путешествие по Дагестану и Закавказью, с. 65.
- ³⁷ См.: *Неверовский.* Краткий исторический взгляд на северный и средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. Спб., 1848, с. 4 и сл.; *Магомед-Тагир из Кураха.* Три имама. — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Вып. 45. Махачкала, 1926, с. 54, 67.
- ³⁸ См.: *Марковин В. И.* Наскальные изображения в предгорьях северо-восточного Дагестана. — «Сов. археология», 1958, № 1.

- ⁴³ См.: *Котович В. М.* Древнейшие писаницы горного Дагестана. М., 1976.
- ⁴⁴ *Ипполитов А. П.* Этнографические очерки Аргунского округа. — «Сборник сведений о кавказских горцах». Вып. 1. Тифлис, 1868, с. 52. Детальный обзор литературы и описание пластики см.: *Марковин В. И.* Культурная пластика Кавказа. — В кн.: *Новое в археологии Северного Кавказа*. М., 1986, с. 74—124.
- ⁴⁵ См.: *Давудов О. М.* Хосрехское святилище. — В кн.: *Скифо-сибирское культурно-историческое единство*. Кемерово, 1980, с. 277, 278, 283.
- ⁴⁶ *Козубский Е. И.* Дагестанский сборник. Вып. 2, с. 141.
- ⁴⁷ Там же, с. 142, 143. См. также его работы: *История города Темир-Хан-Шуры*. Темир-Хан-Шура, 1906; *История города Темир-Хан-Шуры*. — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа». Вып. 19. 1894, с. 9—14.
- ⁴⁸ *Николаи А. П.* Из воспоминаний о моей службе. — «Рус. архив», т. 2. Спб., 1891, с. 135.
- ⁴⁹ См.: *Гаджиев Булач.* Лермонтов и Дагестан. — «Дагестанская правда», 1983, 28 авг.
- ⁵⁰ *Самурский Н. (Эфендиев).* Дагестан. М.—Л., 1925, с. 61.
- ⁵¹ См.: *Ахмадов Д., Вагабов М., Магомедов М.* Дагестан. 14 мая 1970 года. Махачкала, 1970, с. 8—14, 27—29, 47.
- ⁵² *Яхьяев Магомед-Султан.* Три солнца. М., 1972, с. 394.
- ⁵³ *Назаревич А. Ф.* В мире горской сказки (дагестанские тетради). Махачкала, 1962, с. 16.
- ⁵⁴ См.: *Маммаев М.* Древний город гончаров. — «Сов. Дагестан», 1970, № 1, с. 74, 75.
- ⁵⁵ См.: *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент. М., 1982, с. 31—43.
- ⁵⁶ *Олеарий Адам.* Подробное описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. М., 1870, с. 965.
- ⁵⁷ *Страбон.* География в 17-ти кн. М., 1964, с. 476, 477.
- ⁵⁸ *Саидбаев Т. С.* Ислам и общество. М., 1978, с. 17.
- ⁵⁹ «Тарихи Дербент-наме». Тифлис, 1898, с. 64, 65.
- ⁶⁰ *Шихсаидов А. Р.* Ислам в средневековом Дагестане. VII—XV вв. Махачкала, 1969, с. 67.
- ⁶¹ *Прокопович Феофан.* Слова и речи. Ч. 2. Спб., 1761, с. 100.
- ⁶² Хождение на Восток Ф. А. Котова..., с. 80, 81.

- Олеарий Адам.* Подробное описание путешествия..., с. 966.
- Гмелин Г. С.* Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. Ч. 3, половина 1-я. Спб., 1785, с. 17, 18.
- Березин И.* Путешествие по Дагестану и Закавказью, с. 19.
- История, география и этнография Дагестана...* с. 218. Там же, с. 202.
- Хан-Магомедов С. О.* Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М., 1979, с. 110.
- Бакунина В. И.* Персидский поход в 1796 году. — «Рус. старина». Спб., 1887 (февраль), с. 358.
- Хан-Магомедов С. О.* Дербент. М., 1958, с. 61—76; *Его же.* Дербент. Горная стена..., с. 127—152.
- Стрейс Я. Я.* Три путешествия. М., 1935, с. 236.
- См.: *Челеби Эвлия.* Книга путешествия. Вып. 3. М., 1983, с. 174.
- История, география и этнография Дагестана...*, с. 217. Там же, с. 202.
- Гмелин Г. С.* Путешествие по России... Ч. 3, половина 1-я, с. 11—13, 23.
- Султанов Камиль.* Певцы разных народов. Махачкала, 1971, с. 50.
- Гаджиева С. Ш., Османов М.-З., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967, с. 76, 77.
- Памятники обычного права Дагестана XVII—XIX вв. Сост. Х. М. Хашаев. М., 1965, с. 64.
- См.: *Агаширинова С. С., Агларов М. А., Исламмагомедов А. И., Ихилев М. М.* Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967, с. 206.
- См.: *Никольская З. А.* Из истории аварского жилища. — «Сов. этнография», 1947, № 2; *Агаширинова С. С., Агларов М. А. и др.* Материальная культура аварцев, с. 150—152.
- См.: *Мовчан Г. Я.* Местные архитектурные школы в старинном аварском домостроительстве. — В кн.: Зодчество Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1974, с. 4—11.
- См.: *Дебилов П. М.* Резьба по дереву в Дагестане. М., 1982, с. 116—123, рис. 17—33.
- Любимова Г. Н., Хан-Магомедов С. О.* Народная архитектура южного Дагестана (табасаранская архитектура). М., 1956, с. 8, 15, 16.
- Калоев Б. А.* Агулы. — В кн.: Кавказский этнографический сборник. Вып. 3. М.—Л., 1962, с. 91.

- ⁸³ См.: *Шихсаидов А. Р.* Ислам в средневековом Дагестане. VII—XV вв., с. 72 и сл.
- ⁸² См.: *Гамзатов Г. Г.* Преодоление, становление, обновление. Махачкала, 1986, с. 37, 38.
- ⁸³ См.: *Лаков Н. А.* О дагестанском народном костюме. — В кн.: *Искусство Дагестана*. Махачкала, 1965, с. 93.
- ⁸⁴ *Россиго К. Н.* Поездка в Чечню и нагорный Дагестан. — «Записки Кавказского отдела Русского географического общества». Кн. 13. Вып. 1. Тифлис, 1884, с. 232.
- ⁸⁵ *Кильчевская Э. В.* Аварское ювелирное искусство. — *Искусство Дагестана*, с. 105.
- ⁸⁶ *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники... Ч. 1, с. 129.
- ⁸⁷ *История, география и этнография Дагестана...*, с. 30.
- ⁸⁸ *Орбели И. А.* Албанские рельефы и бронзовые котлы. — В кн.: *Памятники эпохи Руставели*. Л., 1938, с. 304—306.
- ⁸⁹ *Алиханов Р. А.* Кубачинские очерки. — В кн.: *Искусство Кубачи*. Л., 1976, с. 44.
- ⁹⁰ См.: *Шиллинг Е. М.* Унцукуль. — В кн.: «Дагестан». М., 1936, с. 264.
- ⁹¹ *Арбуханова И. Ш.* Сказочное царство Зубайдат Умалаевой. — «Сов. Дагестан», 1970, № 3, с. 73.
- ⁹² См.: *Ахмедов М. А.* Искусство юных златокузнецов Дагестана. — «Школа и производство», 1976, № 1, с. 62—65; *Гаджимурадов С. М.* Трудовое обучение и профориентация школьников в центрах народных художественных промыслов. — «Школа и производство», 1981, № 4, с. 25—27.
- ⁹³ См.: *Каталог выставки работ художников Дагестана*. 1950. Махачкала, 1950; *Каталог выставки работ художников Дагестана*. 1951—1952 гг. Махачкала, 1952; *Выставка работ произведений художников ДАССР*. Махачкала, 1955.

БИБЛИОГРАФИЯ*

- Агаширинова С. С.* Материальная культура лезгин XIX — начала XX в. М., 1978.
- Алиханов Р. А., Иванов А. А.* Искусство Кубачи. Л., 1976.
- Алкадарский А. И. (Гасанов).* География и дагестановедение. Ч. 1, 2. Махачкала, 1930.
- Анисимов И. Ш.* Кавказские еврей-горцы. М., 1888.
- Антипин А.* Народная керамика Дагестана. «Искусство», 1937, № 4.
- Аствацатурян Э. Г.* История оружейного и серебряного производства на Кавказе в XIX — начале XX в. (Дагестан и Закавказье). Ч. 1, 2. М., 1977.
- Атаев Д. М., Гаджиев К. К.* Путеводитель по Дагестану. Изд. 1-е. Махачкала, 1965; Изд. 2-е. Махачкала, 1969.
- Ахмадов Ш. М., Исламжагомедов А. И., Булатова А. Г.* Агулы. Махачкала, 1975.
- Булатова А. Г.* Лакцы (XIX — начало XX в.). Махачкала, 1971.
- Воронкина Н. П.* Изобразительное искусство советского Дагестана. Махачкала, 1978.
- Гаджиев А. Г.* Происхождение народов Дагестана. Махачкала, 1965.
- Гаджиев Булач.* Буйнакск в истории и легендах. Махачкала, 1961.
- Гаджиев Булач.* Ворота в горы Дагестана. Махачкала, 1966.
- Гаджиев М. Г.* Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи). Махачкала, 1969.
- Гаджиева С. Ш.* Одежда народов Дагестана. М., 1981.
- Гамзатова П. С., Соловьева Л. П., Арбуханова И. Ш., Идрисова Н. К.* Декоративно-прикладное искусство Дагестана (Каталог Художественного музея). Махачкала, 1977.
- Гамзатова П. Р.* Женские ювелирные украшения Дагестана (XVIII — нач. XIX в.). Махачкала, 1986.
- Гасанов М. Р.* Из истории Табасарана (XVIII — начало XIX в.). Махачкала, 1978.
- Дебиров П. М.* Резьба по камню в Дагестане. М., 1966.
- Дебиров П. М.* Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966.

* Здесь указана литература по частным вопросам и новым изданиям, не упоминавшиеся в примечаниях.

- Изабакаров Г. Б.* Основы кубачинского искусства. Махачкала, 1979. — В кн.: Искусство Дагестана. М., 1981. «История Дагестана», т. 1. М., 1967; Т. 2, 3. М., 1968.
- Ихилос М. М.* Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967.
- Кажлаев Д. Г.* Три этажа памяти. Махачкала, 1970.
- Каймаразов Г. Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. М., 1971.
- Кильчевская Э. В., Иванов А. С.* Художественные промыслы Дагестана. М., 1959.
- Кильчевская Э. В.* Декоративное искусство аула Кубачи. М., 1962.
- Котович В. Г.* Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982.
- Котович В. М.* Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965.
- Кудрявцев А. А.* Великий город на Каспии (Дербент в эпоху феодализма). Махачкала, 1982.
- Кудрявцев А. А.* Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976.
- Кулцов И.* Застывшая музыка. — «Сов. культура», 1980, 11 ноября (о творчестве Х. Н. Аскар-Сарыджи).
- Лавров Л. И.* Этнография Кавказа. Л., 1982.
- Магомедов Д. М.* Профессиональное искусство Дагестана. М., 1972.
- Магомедова Манаба.* Узоры жизни. М., 1974.
- Магомедов Р. М.* Легенды и факты о Дагестане. Махачкала, 1970.
- Магомедов Р. М.* Дагестан (исторические этюды). Вып. 1. Махачкала, 1971; Вып. 2. Махачкала, 1975.
- Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969.
- Марковин В. И.* Дагестанские резные стелы. — «Сообщения Гос. Музея искусства народов Востока». Вып. 5. М., 1972.
- Мовчан Г. Я.* Предварительные заметки о типологии жилища народов нагорного Дагестана. — «Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая». Вып. 4. М.—Л., 1948.
- Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
- Мусатов А. С.* Быт аула вчера и сегодня. Махачкала, 1976.
- Нансен Фрицьоф.* Глазами друга. Махачкала, 1981.
- Османов А. М.* Дагестан. М., 1986.

Промитов Ю. По горам и аулам Дагестана. Махачкала, 1941.

Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А. Р. Очерки истории южного Дагестана. Махачкала, 1964.

Сергеева Г. А. Арчинцы. М., 1967.

«Современная культура и быт народов Дагестана». Махачкала, 1971.

Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959.

Трунов Д. И. Аулы мастеров. Махачкала, 1957.

Трунов Д. И. Дагестанские умельцы. Махачкала, 1959.

Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние турки на Северном Кавказе. М., 1978.

Халаминский Ю. Франц Алексеевич Рубо. М., 1952.

Хаппалаев Р. Ю., Джамалудинов А. Г. Дагестанский государственный объединенный исторический и архитектурный музей. Махачкала, 1984.

Хасаншин Х. Г. Цветы у монумента (Справочник-путеводитель о памятниках революционной и боевой славы Дагестанской АССР). Махачкала, 1980.

Хан-Магомедов С. О. Лезгинское народное зодчество. М., 1969.

Шефов А. Н. Народные мастера Дагестана (Лауреаты Государственной премии РСФСР им. И. Е. Репина). Л., 1982.

Шиллинг Е. М. Балхар. Пятигорск, 1936.

Шиллинг Е. М. Кубачинцы и их культура. М.—Л., 1949.

Шихсаидов А. Р. Надписи рассказывают. Махачкала, 1969.

Шихсаидов А. Р. Эпиграфические памятники Дагестана. М., 1984.

Юсупов М. С., Магомедов И. М. Социально-экономическое развитие Махачкалы. Махачкала, 1982.

Фотографии автора, А. М. Макмаевского,
С. А. Тартаковского

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ МАРКОВИЧ
ДОРОГАМИ И ТРОПАМИ ДАГЕСТАНА

Редактор
Г. П. ПЕРЕПЕЛКИНА

Художник серии
Ю. К. КУРБАТОВ

Рисунки к карте
Ю. И. РАПОПОРТА

Художественный редактор
И. Б. БАЛАШОВ

Подготовка фотооригиналов
Е. А. БЕЛОВ

Технические редакторы
А. Н. ХАНИНА, Т. Б. ЛЮБИНА

Корректор
З. П. СОКОЛОВА

И.В. № 2876

Сдано в набор 08.02.88. Подписано к печати
09.09.88. А06747. Формат издания 70×90/32.
Бумага тифдручная. Гарнитура школьная. Глу-
бокая печать. Усл. печ. л. 7,313. Усл. кр.-отт.
14,94. Уч.-изд. л. 9,038. Изд. № 1473. Тираж
100 000. Заказ 1929. Цена 65 коп. Издательство
«Искусство». 103009 Москва, Собиновский
пер., 3. Ордена Трудового Красного Знаме-
ни Калининский полиграфический комбинат
Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательства, поли-
графии и книжной торговли. 170024, г. Кали-
нин, пр. Ленина, 5.

КНИГА ПОВЕСТВУЕТ О ДАГЕСТАНЕ —
ДРЕВНЕМ И СОВЕТСКОМ,
ЕГО СВОЕОБРАЗНОЙ КРАСОТЕ,
О КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ НАСЕЛЯЮЩИХ ЕГО
МНОГОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ.
С БОЛЬШОЙ ТЕПЛОТОЙ И ЛЮБОВЬЮ
РАССКАЗЫВАЕТ АВТОР
О СТОЛИЦЕ ДАГЕСТАНА МАХАЧКАЛЕ,
О ДЕРБЕНТЕ — КРУПНОМ ОЧАГЕ
СРЕДНЕВЕКОВОГО ИСКУССТВА И КУЛЬТУРЫ.
О ГОРНЫХ АУЛАХ —
ЦЕНТРАХ НАРОДНОГО ИСКУССТВА.

ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ
ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ
ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ
ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ

